

КРУТОЙ СЮЖЕТ '95

Annotation

- [Эрик Ван Ластбадер](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Эрик Ван Ластбадер
АМЕРИКАНСКИЙ НИНДЗЯ

1

Экспозиция

События, о которых рассказывается в этой книге, происходят в 1980 году на атлантическом побережье Соединенных Штатов. Главный герой повествования — Николас Линер.

Он полукровка. Его отец, Дэннис Линер, полковник британской армии, был еврей. Мать, которую звали Чеонг — японка. Они встретились в Сингапуре в конце второй мировой войны, но вскоре переехали в Японию, в Токио. Там полковник Линер получил важный пост в администрации союзников, занятой решением проблем демократизации и демилитаризации побежденной страны.

Николас родился в Токио в 1946 году. С детства он жил одновременно в мире двух культур: англо-американской, царившей в школе для детей американских и британских чиновников, и японской, окружавшей его повсюду в этой стране. В двойственности происхождения и воспитания заключается главная проблема Николаса Линера. «Люди Запада никогда не признают тебя до конца своим из-за примеси восточной крови, а японцы будут всегда презирать тебя за европейские черты», — так сформулировала эту проблему Итами, японская аристократка из древнего и знаменитого рода Нобунага.

Отец Николаса вел борьбу с японскими военно-промышленными корпорациями (дзайбацу) и стоявшей за ними тайной милитаристской организацией, обществом Темного Океана (Гэн'ёся-кай). Одним из руководителей этого общества и дзайбацу являлся некий Сацугай. Сложность ситуации заключалась в том, что жена полковника — Чеонг, и жена Сацугая — Итами, были родными сестрами. Сацугай считался военным преступником, так как именно дзайбацу и общество Гэн'ёся втянули Японию в войну против США, Великобритании и Франции. Однако полковник Линер не мог допустить, чтобы Сацугай был предан суду и осужден,

следовательно, опозорен. Ведь по законам самурайской чести позор распространился бы тогда на всех ближних и дальних родственников Сацугая, в том числе и на сестру его жены — Чеонг.

С другой стороны, не мог он также мириться с тем, что по мере возрождения японской экономики Сацугай становился все более влиятельной фигурой — ибо взгляды его и тайная политика оставались прежними. Не видя иного выхода из создавшегося противоречия, Дэннис Линер весной 1963 года убил Сацугая. Тогда сын Сацугая — Сайго, который был старше Николаса на один год и который воспитывался отцом в духе ненависти к Линерам, отравил полковника медленно действующим ядом. Он догадался, кто убийца, и рассчитался с ним. Вскоре после смерти мужа осенью 1963 года покончила с собой Чеонг. Тем самым она как бы искупила преступление, совершенное супругом против семьи сестры. Ведь убийство, по каким бы мотивам оно не совершалось, всегда остается убийством — насильственным лишением человека жизни против его воли.

Все эти люди — Чеонг, Итами, Сацугай, Дэннис Линер — были «заложниками чести». Иными словами, их поступками управляло нечто такое, о чем люди современного Запада имеют более чем смутное представление. Конечно, полковник Линер не являлся японцем. Но он так долго жил на Востоке, настолько глубоко изучил восточную культуру и философию, что по своему духу мало чем отличался от азиатов.

Незадолго до смерти Сацугая Николас познакомился с его племянницей Юкио, бывшей на два года старше, чем он. Между ними возникло глубокое чувство. Однако Сайго, который также любил Юкио, похитил ее. Не добившись от девушки взаимности, он утопил Юкио в проливе Симоносеки, правда, об этом стало известно намного позже. Кроме того, он победил Николаса в поединке, используя секретную мистическую технику ниндзя «кудзи-кири». Таким образом, в жизни Николаса произошли резкие изменения. В том же 1963 году он закончил школу, и поступил в международный университет в Киото, где изучал психологию, эстетику и рекламное дело.

Николас с шестилетнего возраста постигал японские боевые искусства. Сначала он 7 лет занимался дзюдзицу у мастера Танака, потом 3 года практиковал кендзюцу под руководством мастера Муромати. В 16 лет, имея за спиной уже десятилетний стаж, он перешел в школу кендзюцу мастера Кансацу, где стал одним из лучших бойцов. Однажды при всех учениках школы он выиграл поединок у Сайго, приобретя, таким образом, смертельного врага в лице последнего. Мастер Кансацу стал для Николаса не просто учителем боевого искусства, он сыграл роль его духовного отца. Достаточно сказать, что он посвятил Николаса в тайное учение ниндзюцу, так как был на самом деле ниндзя. Надо пояснить в этой связи, что настоящие ниндзя никому из посторонних не объявляют об этом. Коммерческие школы ниндзюцу для иностранцев — это несерьезно, это лишь способ зарабатывания денег. Настоящие хранители традиций старинных «рю» обычно скрываются под видом наставников тех или иных традиционных боевых искусств. Они выбирают самых достойных, самых преданных людей среди своих учеников, и только им передают свои знания и умения в полном объеме.

Николас прозанимался у мастера Кансацу всего один год. После смерти родителей, исчезновения Юкио, поражения в бою от Сайго, учитель отправил его в Киото, снабдив рекомендательным письмом к мастеру фукасиди, главе тайной школы ниндзюцу «Тэнсин Сёдэн Катори-рю». Николас оказался единственным не-японцем за всю многовековую историю школы. Или, лучше сказать, не вполне японцем. Без рекомендации мастера Кансацу его туда никогда бы не приняли, не говоря уже о том, что обнаружить существование этой тайной школы ему вряд ли удалось бы. Так или иначе, его приняли. И как признал впоследствии мастер Фукасиди, Николас Линер оказался лучшим из всех его учеников.

Окончив университет, на что ушло более пяти лет, Николас навсегда покинул Японию. Он поселился в Соединенных Штатах. Здесь, в этом гигантском расовом котле, его происхождение никого не волновало. Американцев больше занимают другие проблемы, среди которых главная формулируется так: «Умеешь ли ты делать деньги?» Если

«да», то цвет кожи, разрез глаз, возраст, привычки и увлечения, вероисповедание не имеют никакого значения для окружающих. А если не умеешь, то тогда ты не человек, будь хоть стопроцентным белым и ревностным христианином.

Это было первое, что он услышал от них и чего никогда не забывал. Он мог оставаться незамеченным и днем, но ночь была ему другом.

Резкий звук клаксона заглушил остальные ночные звуки: трескотню цикад, грохот волн, обрушивающихся на серый песок и черные камни, дикое карканье потревоженной вороны, дремавшей в зарослях деревьев.

В доме загорелся свет, вырвав из темноты колеблющиеся листья старых платанов, но он уже выскользнул из машины, слившись с тенью, отбрасываемой забором. Теперь ему не составило труда оставаться незамеченным, так как одет он был во все черное: на нем были низкие ботинки, хлопчатобумажные штаны, рубашка с длинными рукавами, плотная куртка, перчатки и маска, скрывающая его лицо. Открытой оставалась лишь полоска для глаз, вокруг них кожа была смазана сажей, смешанной с древесным углем, чтобы не допустить отражения света. Он был слишком хорошо тренирован, чтобы выдать свое присутствие какой-либо мелочью.

На крыльце загорелся свет, в котором сразу запорхали ночные насекомые. В пятне света появился Барри Браум. На нем были джинсы и рубашка с короткими рукавами. В правой руке он держал фонарь.

Не сходя с крыльца, Барри осветил фонарем автомобиль. По поверхности машины скользнул узкий луч и ушел в сторону. Его интересовала причина сработавшей сигнализации.

Барри шумно спустился по каменным ступеням, осторожно перешагнув через первую. Она дала трещину.

Ступая по влажной траве лужайки, он направился к темному силуэту машины. Слева тихо шелестела молодая листва клена, стоявшего у самой ограды. — «Какого черта я связался с „мерседесом“?» — мрачно подумал Барри.

Луч фонаря скользнул по вершине ограды, пробежал по дорожке и уперся в капот «мерседеса».

«Проклятая жара, из-за нее-то и срабатывает сигнализация».

Он снова осмотрелся и поднял капот. Посветив себе фонариком, Барри быстро проверил аккумулятор.

Удовлетворенный, он закрыл капот и обошел машину, проверяя дверцы. Трава вокруг и хромированная поверхность автомобиля не носили никаких следов. Не обнаружив признаков вторжения, Барри нагнулся и вставил маленький ключ в замок на левой дверце. После поворота ключа снова вернулась звенящая ночная тишина, нарушаемая лишь трескотней цикад и шипением волн, неустанно атаковавших скалистый берег.

Барри уже повернулся к дому, когда ему послышалось, как что-то зашелестело у обрыва, окаймлявшего двор с одной стороны. Этот звук напомнил ему шуршание песка под ногами. Он обернулся, освещая обрыв фонарем, но ничего не увидел.

Барри осторожно обогнул лужайку и вошел в высокую траву, куда редко заходил из-за близости крутого обрыва. Через несколько секунд он уже стоял на площадке из серых гладких камней. Прямо перед собой он видел белую пену волн, шумно накатывающих на берег. «Начался прилив», — подумал Барри.

Вдруг боль пронзила грудь. Барри полетел через спину, будто чья-то рука толкнула его, и упал на скользкие прибрежные камни. Его руки были разведены в стороны, он напоминал маленькую падающую звезду. Он почувствовал острую боль, упав на камни и перекатившись к шумящему океану. Судорожно открывая рот, Барри пытался закричать, но выдавил из себя лишь слабый вздох, у него мелькнула мысль, что он похож на рыбу, попавшую в сеть.

Руки и ноги как будто налились свинцом, в воздухе, казалось, совсем не было кислорода, словно он свалился на чужую планету без скафандра. У него не было сил пошевелиться, и он неподвижно лежал у края пенящегося океана. Барри мрачно подумал, что, наверное, с ним случился

сердечный приступ; он пытался вспомнить, как помочь самому себе. Он умирал, мучительно вспоминая...

От скалы мягко и тихо отделилась тень, не потревожив даже цикад и птиц, щебетавших в ночи. Тень склонилась над неподвижным телом, и темные пальцы выдернули что-то черное и металлическое, торчащее под сердцем. По телу пробежала судорога, и оно затихло...

Незнакомец проверил сонную артерию, потом белки закатившихся глаз, затем подушечки пальцев. Затем, подняв труп, выпрямился. Тело в его руках казалось совсем легким. Он бросил свою жертву в глубокую воду, волны тут же поглотили тело.

В одно мгновение незнакомец исчез, как тень, растворившись в ночи и не оставив никаких следов своего присутствия.

* * *

Когда Николас Линер увидел, как из воды вытаскивают распухшее тело бело-синего цвета, он развернулся и пошел прочь от побережья, где начинала собираться толпа зевак.

Мухи яростно жужжали над песком идеальной белизны.

Он шел, загребая ногами песок, как любил делать в детстве, но легче ему не становилось. А ведь был такой спокойный день, но дороге редко сновали машины, как бывает обычно в середине недели, хотя было уже четвертое июля. Он машинально потянулся за пачкой сигарет, забыв, что бросил курить полгода назад. Он хорошо запомнил день, так как именно тогда оставил работу.

Николас Линер приехал в агентство холодным, мрачным зимним днем и зашел в свой офис лишь для того, чтобы положить дипломат, который подарил ему Винсент без всякого повода, — это случилось через несколько месяцев после его дня рождения и давно после очередного повышения по службе. Затем вышел, прошел сквозь толпу любознательных сослуживцев и кивнул Лиле, своей

секретарше, затем пошагал по длинному коридору, залитому светом неоновых ламп. Когда на самом деле он принял это решение? Точно он и сам не знал. В голове не было никаких мыслей, как в пустой чашке из-под ночного кофе. Не о чем было даже вспомнить.

Он молча прошел мимо двух охранниц, замерших у дверей из красного дерева, словно сфинксы у подножия пирамид. Они хорошо знали свое дело. Он постучал и вошел.

Голдмэн говорил по синему телефону, что означало разговор с высокопоставленным клиентом. Николас уставился в окно. «Все они сегодня высокопоставленные», — подумал он. Были дни, когда присутствие на тридцать шестом этаже давало преимущество, но не сегодня. Небо, затянутое облаками, казалось опрокинутой свинцовой чашей. Наверное, к вечеру опять пойдет снег.

— Ник, мой мальчик! — воскликнул Голдмэн, положив трубку. — По-видимому, у тебя что-нибудь особенное, коль ты пришел в такую рань! Ты знаешь, кто мне звонил? — Он всплеснул руками, будто хотел взлететь. — Держу пари, что не догадаешься. Я скажу тебе. Это был Кингсли. — Его глаза расширились. Они всегда расширялись, когда он был возбужден. — Знаешь, что он сказал? Он мне все уши прожужжал про тебя и компанию. Уже есть первые результаты. Есть реальные улучшения. Это его подлинные слова.

Шестидесятилетний Сэм Голдмэн выглядел не больше, чем на пятьдесят. Его продолговатое, с резкими чертами лицо обрамлялось густыми, зачесанными назад седыми волосами, на щеках ямочки. Это было гордое лицо с большими коричневыми глазами, длинным носом и широким ртом. Голдмэн любил контрасты. Он был в голубой рубашке с каштановым итальянским платком на шее. Голдмэн знал толк в одежде.

Глядя на него, Николас понял, как трудно ему будет решиться на это.

— Я рад, Сэм, — сказал он.

— Отлично. Садись, — Голдмэн указал на массивное кресло, стоящее перед огромным столом. Самому ему не очень нравилось это кресло, но все клиенты предпочитали сидеть в нем.

— Нет, спасибо, я останусь здесь. — Николас понял, что если сядет, то будет еще тяжелее сказать то, что хотел. — Я ухожу, Сэм.

— Уходишь? Ты уже решил пойти в отпуск? Ты на посту генерального директора всего шесть месяцев...

— Семь.

— Какая разница? И ты хочешь в отпуск? О'кей, иди. А куда ты поедешь?

— Думаю, ты не понял меня, Сэм. Я ухожу из компании. Беру отставку.

Голдмэн заерзал на стуле и посмотрел в окно.

— Отставка, Ник? Отставка? Какая отставка? Я не могу поверить. У тебя здесь все. Все! Ты знаешь, какую прибыль принесет компания?

— Мне это безразлично, Сэм.

— Двести тысяч долларов, Ник. Зачем тебе уходить?

— Я устал, Сэм. Честно.

Голдмэн потрянул головой, что означало недоумение.

— Ты хочешь вернуться в Японию?

— Пока я не думал об этом. — Николас был больше благодарен, чем удивлен. Голдмэн обычно не интересовался такими вещами. — Не знаю.

— Тогда ничем не могу тебе помочь.

— Ничем, Сэм.

Голдмэн вздохнул.

— Эдна будет очень расстроена.

Николас рано приехал на побережье залива Бридж. Он старался держаться от всего на приличном расстоянии. От всего, что касалось компании и прочего. Даже выловленный утопленник не мог нарушить его уединение в себе.

Люди по-прежнему продолжали стекаться на побережье, привлеченные воем сирен. Растущая толпа зевак суежилась возле линии прибоя, на их лицах отвращение смешивалось с любопытством. Николас пытался сосредоточиться на шуме прибоя, пенящегося и грохотававшего прямо перед ним, но это ему плохо удавалось, поскольку вокруг все звенело от возбужденных людских голосов. Для них это было кратковременным развлечением, шансом узнать первыми новости, чтобы рассказать потом друзьям: «Эй! Видели это? Я был там. Я видел, что случилось». Для них это так же важно, как если бы Элизабет Тэйлор со свитой посетила пляж, потом все они вернутся к своему мартини со льдом.

Дом, где он жил, был построен из кирпича кофейного цвета и покрыт серой обветшалой дранкой, с большими плексигласовыми окнами. Он был похож на остальные дома, стоявшие вдоль побережья. Справа вплотную к нему подступал песочный пляж, так как дом стоял на окраине. Еще до декабря он стоил четверть миллиона долларов, но после холодной зимы его вид сильно ухудшился. Хозяева до сих пор пытались подкопить денег на ремонт.

Волны становились все выше, прилив продолжал усиливаться, и Николас почувствовал, как холодная морская вода начала лизать подошвы сандалий. Отвороты джинсов, подвернутые несколько раз, забились мокрым песком. Он подошел к зарослям кустов в тот момент, когда оттуда выскочила какая-то фигура и столкнулась с ним. От неожиданности Николас опрокинулся на спину и почувствовал, как что-то тяжелое навалилось на него.

— Какого черта вы не смотрите, куда прете? — грубо крикнул он, сев на песке.

— Простите, я случайно.

Первое, что он увидел, было ее лицо, потом он почувствовал запах духов, голос незнакомки был так же сух,

как голос Дина Хулсана. Лицо девушки находилось совсем рядом. Глаза сперва показались ему карими, затем он разглядел, что в них больше зеленого, чем коричневого. В левом глазу виднелись красные прожилки. Кожа девушки была нежной и гладкой. Нос довольно широк, что говорило об упрямом характере. Полные губы свидетельствовали о врожденной чувственности.

Николас взял ее за руку и поднялся вместе с ней.

Девушка тотчас отступила, скрестив руки на груди.

— Не стоит этого делать, — она по-прежнему смотрела ему в глаза, оставаясь неподвижной. Пальцами она потерла запястье, как будто он схватил ее слишком сильно.

— Мы не встречались раньше? — спросил Николас.

Губы девушки растянулись в лукавой улыбке.

— Вы не могли бы придумать что-нибудь оригинальнее?

Николас щелкнул пальцами.

— В офисе Сэма Голдмэна. Зимой. — Он кивнул головой. — Я не могу ошибиться.

В глазах девушки сверкнул огонек при упоминании имени Сэма, они посветлели, как будто приподнялась какая-то невидимая завеса.

— Я знаю Сэма Голдмэна, — сказала она медленно. — Я делала для него кое-какую работу. — Девушка приложила к губам тонкий палец с накрашенным светлым лаком ногтем.

— Вы — Николас Линер, — сказала она, и когда он кивнул, указала в его сторону пальцем. — Он постоянно говорит о вас.

Николас улыбнулся.

— Но все-таки вы не помните нашей встречи.

Девушка пожала плечами.

— Не знаю. Иногда я так погружена в работу...

Николас рассмеялся. На какое-то мгновение она показалась ему всего лишь школьницей, он почувствовал в

ней скрытую детскую непосредственность.

— В океане нашли утопленника.

— Да? Кто он?

Николас пожал плечами.

— Не имею понятия.

— Неужели вам не интересно? — спросила она беззаботно. — Должно быть, это кто-то из здешних. Здесь довольно опасное место.

— Меня это мало интересует.

На ней были короткие джинсы бирюзового цвета, простая рубашка без рукавов, которая прекрасно сочеталась с цветом глаз девушки. Талия у нее была тонкой, ноги длинными и изящными. Она двигалась, как танцовщица.

— Но кое в чем вы, по всей видимости, заинтересованы, — сказала она спокойно, — что, если мы прогуляемся вместе?

— Пойдем, — сказал Николас. — Я весьма польщен.

Юстина была рекламным оформителем, она жила в четвертом доме от пляжа и ей нравилось в летние месяцы работать вдали от города.

— Я ненавижу Нью-Йорк летом, сказала она Николасу за стойкой бара, когда они встретились на следующий день. — Знаешь, однажды я просидела все лето в кабинете без кондиционера, не выходя на улицу. Я боялась, что сойду с ума. Еду мне носили, офис был завален работой, которую я едва успевала перелопачивать. Я ужасно устала. В конце концов я не выдержала и первым же утренним рейсом вылетела в Париж. Через две недели они нашли меня и там. — Она отвела взгляд в сторону. — Тем не менее, когда я вернулась в компанию, бешеная гонка уже закончилась.

Солнце начинало опускаться. Море окрасилось в темнокрасный цвет и переливалось в лучах еще яркого солнца.

Юстина молчала, продолжая неподвижно сидеть в кресле.

— Мне очень нравится двор университета, — начал Николас, решив нарушить тягостную тишину. — Конечно, это было всего лишь в начале февраля, но я представляю, как хороши летом эти газоны с красными магнолиями и густые зеленые кроны старых дубов. Студенты — народ весьма любознательный и проявляют искренний интерес, стоит только увлечь их. Кажется, они были очень удивлены, что я добивался от них знаний в достаточно полном объеме. Другие профессора не так уж много уделяли студентам внимания, они больше интересовались собственными работами.

— Значит, тебе нравится преподавать?

— Я не задумывался над этим. — Он налил себе джингу с тоником и выжал лимон в наполненный льдом стакан. — Еще мне кажется, что некоторые профессора затягивают семестр. Все это я могу заметить только потому, что они не придают мне особого значения и не принимают меня всерьез. Для них главным является публикация их собственных работ. Педагогика — лишь необходимая реальность, с которой они вынуждены сталкиваться каждый день. — Он пожал плечами. — Мне кажется, они возмущены моим назначением. Я читаю лекции наравне с ними без всякого педагогического образования.

— Так кто же ты? — Ее лицо находилось очень близко, глаза ее блестели. — У тебя азиатский тип лица, глаза и широкий подбородок выдают тебя.

— Мой отец родился в Англии, — сказал Николас. — Он был евреем и ему пришлось изменить фамилию, чтобы заниматься бизнесом, а затем пойти служить в армию. Он был полковником.

— Как его звали? Я имею в виду его подлинную фамилию.

— Не знаю. Он никогда не говорил об этом. «Николас, — сказал он мне однажды, — какое значение имеет фамилия человека? Человек, который будет говорить тебе о важности своей фамилии, обыкновенный лжец».

— А твоя мать?

— Она была чистокровной японкой.

* * *

Доктору Дифорсу не нравилось лето, которое лишь прибавляло забот. Поток отдыхающих из города не переставал поражать его, казалось, сюда стекалось все население восточной части Манхэттена, отдыхающие напоминали стаи гусей, мигрирующих зимой на юг.

Доктор Дифорс мало знал о Манхэттене, вот уже пять лет он почти безвылазно жил в своем домике, делая лишь редкие визиты к своему другу Нату Грауману, главному медицинскому эксперту Нью-Йорка.

Сэму нравилось здесь. У него были дочери, регулярно посещающие его со своими семьями. Жена умерла десять лет назад от лейкемии, воспоминанием о ней осталась лишь старая фотография. Сэм работал доктором в медицинском заведении Флауера, где его любили за скрупулезность и изобретательность. Флауер предлагал перейти в главное управление, но ему больше нравилось на побережье. Здесь жили его друзья, богатые и добрые люди, хотя больше всего он ценил одиночество. Он давно понял, что испытывал счастье только оставаясь наедине с самим собой. Но была у него в жизни одна беда — его не переставали мучить ночные кошмары, которые подкрадывались тайком, как ночной взломщик. Часто он просыпался среди ночи в поту, насквозь мокрая пижама прилипала к телу. Он пытался отвлечься, бороться, но все было напрасно. В такие минуты Сэм вставал с постели, готовил себе чашечку горячего какао и читал новеллы Раймонда Чандлера, которые немного успокаивали его, и через полчаса он снова засыпал.

Доктор Дифорс потянулся, чтобы хоть как-то заглушить острую боль, пронизывающую спину. «Это, наверное, от многочасовой работы», — подумал он. Перед ним лежали исписанные листы его труда, которые он снова и снова внимательно просматривал. Больше всего на свете он любил

жизнь. Чтобы понять это, ему не обязательно было становиться доктором. Войны в Тихом океане с него было достаточно. День за днем, из своей палатки, разбитой в джунглях во время войны на Филиппинах, он мог видеть маленьких одноместных самолетов-камикадзе, груженных 2650 фунтами взрывчатки, которые отправлялись в атаку на американские корабли. Доктору Дифорсу казалось, что из обломков этих самолетов можно было бы выстроить мост между Западом и Востоком. Японцы называли их «ока» — цветками вишни. Но американцы прозвали их «бака» — живыми бомбами. В сознании западных людей не было места для понимания старых самурайских обычаев. Доктор Дифорс никогда не забудет хокку, сочиненную двадцатидвухлетним камикадзе перед смертью. Таким был обычай: «Когда мы падаем вниз, мы похожи на цветки вишен, опадающие весной, чистые и лучезарные!». Так японец думал о своей смерти. Самурай рожден для того, чтобы с честью умереть в сражении.

Жизнь доктора была размеренная, и только ночные кошмары впивались в него, как вампиры, поднявшиеся из могил.

Доктор Дифорс подхватил папку со всем содержимым, вышел из дома и направился по главной улице к одноэтажному зданию из красного кирпича, где находилась пожарная часть, затем свернул к полицейскому управлению.

На полпути он столкнулся с Николасом, вышедшим со свертком из автоматических дверей супермаркета.

— Привет, док. Как дела?

— Отлично. Я иду повидать Рэя Флорума. — Они встретились, как обычно встречаются знакомые, спешащие по делам. Вообще, в таком маленьком городке трудно было не иметь знакомых.

— Слышал об утопленнике, найденном вчера?

— Да, — доктор Дифорс быстро отвернулся и сплюнул. Он был рад встрече. Во-первых, ему хотелось оттянуть время свидания с Флорумом, которого он немного побаивался, во-

вторых, ему нравился Николас. — Ты, наверное, его знаешь. Он жил недалеко от тебя.

— Догадываюсь.

— Его фамилия — Браум. Барри Браум.

Николас на какое-то мгновение почувствовал легкое головокружение, он вспомнил слова Юстины, сказанные на пляже в тот день, когда они встретились: «Довольно-таки опасное место». Она и не догадывалась, насколько была права.

— Да, — медленно сказал Николас. — Я знал его. Одно время мы работали вместе в рекламном агентстве.

— Прости меня, Ник. Ты хорошо знал его?

Николас задумался. У Браума был великолепный аналитический ум. Он разбирался в публикациях лучше всех в агентстве. Какое потрясение узнать, что его больше нет в живых!

— Довольно хорошо, — задумчиво ответил он.

* * *

В сумерках звучала медленная музыка. Пальцы Юстины дрожали, когда он впервые взял ее за руку и новел на крыльцо. Все было замечательно. Они танцевали весь Вечер. Юстина с удовольствием танцевала и прекрасно чувствовала ритм.

Они стояли на крыльце, касаясь друг друга плечами, когда она сказала:

— Всему в своей жизни я обязана книгам. Сначала я едва ли в чем разбиралась. Пока моя сестра, умеющая отлично ладить с людьми, ходила на различные вечеринки, я проглатывала одну книгу за другой. Это продолжалось недолго. Нет, я не бросила читать, но стала выбирать книги. — Юстина засмеялась так счастливо, что даже удивила его. — О, я словно бы поднималась по лестнице! Сперва — Гримэйк, потом — Говард, особенно любила Робин Гуда.

Однажды, когда мне было уже шестнадцать, мне попалась книга маркиза де Сада. Я была просто очарована им. Почему-то мне пришло в голову, что свое имя я заслужила любовью к книжным рыцарям. Я спросила об этом маму. Она сказала: «Знаешь, нам с отцом просто понравилось это имя». Как я потом жалела, что задала этот вопрос! Моя фантазия была лучше реальности. Они оба оказались просто банальными людьми.

— Твой отец американец?

Юстина повернула к нему лицо, которое осветил тусклый свет фонаря.

— Настоящий американец.

— Чем он занимался?

— Пойдем в дом, — сказала она, отвернувшись. — Я замерзла.

* * *

На фотографии был изображен коренастый мужчина с массивной челюстью и бесстрашными глазами. Под снимком было написано: Стенли Толлер, начальник полиции 1932–1964. Рядом с фото висела обрамленная в рамку копия картины Нормана Рокуэлла «Беглец».

Кабинет был в форме правильного куба с двойными окнами, выходящими во двор. В это вечернее время двор был пуст.

— Оставьте свои медицинские термины, док, и объясните все на нормальном английском языке, — сказал лейтенант Рэй Флорум, начальник полиции западного побережья Бриджа. — Так что вы хотели сказать об этом утопленнике?

— Я пытаюсь объяснить вам, — медленно и терпеливо разъяснял доктор Дифорс. — Этот человек умер не от того, что захлебнулся.

Рэй Флорум откинулся на спинку высокого деревянного стула, тот затрещал под его тяжестью. Лейтенант был

грузным человеком, что являлось причиной насмешек сослуживцев. У него было широкое округлое лицо с кожей темно-коричневого цвета, узкие, словно постоянно прицеливающиеся глаза и большой красный нос, пепельные волосы были подстрижены ежиком. Он носил коричневую форменную рубашку не потому, что ему это нравилось, а потому, что должен был носить.

— Что же дальше, — сказал Флорум, растягивая слова. — От чего он умер?

— Он был отравлен, — сказал доктор Дифорс.

Флорум откинулся на стуле, скрестив руки на животе.

— О'кей, док. Я весь внимание.

— Этот человек умер прежде, чем коснулся воды, — вздохнул доктор Дифорс. — Это не скроется от глаз Флоуера, а тем более медицинских экспертов. — Флорум хмыкнул, но промолчал. — Взгляните — на груди этого человека есть маленькая колотая рана, которую можно было бы принять за повреждение, полученное от удара о камни. Эта рана натолкнула меня на мысль взять анализ крови из аорты, где скапливается яд; смерть наступила примерно через двадцать минут. Это какой-то необычный яд, вызывающий аритмию сердца.

Флорум щелкнул пальцами.

— Ясно! Сердечный приступ.

— Да.

— Вы уверены?

— Насчет яда, да. Я сделал несколько тестов. В ином случае я бы не пришел сюда. Кроме того, я установил, что то, чем был проколот убитый, должно было остаться в его теле.

— Выходной раны нет?

— Нет.

— Оно могло выскочить от удара. Или в море...

— Или было вытащено из тела после того, как оно упало.

— Что вы говорите, док... — Он сделал паузу, отбросив снимки в сторону. — Этот парень Барри Браум, работавший одно время в агентстве Сэма Голдмэна, был убит? Да еще таким способом? Зачем? Он жил один. Ни жены, ни друга... — Флорум замялся. — У него есть сестра в Куинсе, с которой мы уже разговаривали. Мы обыскали дом. Ничего. Никаких следов взлома, ничего не пропало. Машина стоит на том же месте, где он ее оставил. Словом, ничего.

— И все — таки все было именно так, — сказал доктор Дифорс, зная, что он подобрался, наконец, к тому моменту, которого боялся с тех нор, как обнаружил рану и взял анализ крови покойного. Это невозможно, говорил он себе, но тесты свидетельствовали об обратном. Он по-прежнему сидел в комнате с Рэем Флорумом, но мысленно находился далеко.

— Этот яд, — продолжал доктор, — очень специфичный. — Он вытер ладони о брюки. Давненько он не замечал, чтобы его ладони потели. — Мне приходилось с ним встречаться, когда я служил в армии.

— Во время войны? — спросил Флорум. — Но боже ты мой, это было тридцать пять лет назад. Вы хотите сказать...

— Я не могу забыть этот яд, Рэй, сколько бы лет не прошло. За одну ночь погиб весь патруль. Пять человек. Только одному удалось добраться до лагеря. Мы не слышали выстрелов, не было никаких лишних звуков, кроме щебетания птиц и трескотни насекомых. Тишина была поразительная после того, как нас целую неделю обстреливали с утра до вечера. — Доктор Дифорс глубоко вздохнул, прежде чем продолжить.

— Как бы то ни было, солдаты принесли ко мне выжившего патрульного, совсем еще мальчишку. Ему было не больше девятнадцати. Он был еще жив, и я стал работать над ним. Я пытался спасти его, делал все возможное, но это оказалось бесполезным. Он умер на моих глазах.

— Его смерть была похожа на эту?

Доктор Дифорс уныло кивнул.

— Одно и то же.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — спросил ее Николас.

— Да, — сказала Юстина. — Нет. Я не знаю. — Она стояла возле изголовья кровати и теребила кончик простыни. — Господи, ты смущаешь меня.

— Я не хотел.

— Это ничего не значит.

Николас заметил, что черты лица Юстины как бы изменились, оно стало старше и казалось более усталым. Он подумал о Юкио. Когда Николас находился с ней, то словно бы погружался в ее таинственный мир, к которому не принадлежал и в котором был чужим. Здесь, на Западе, вспоминая о Юкио, он воспринимал все иначе. Жизнь в Японии благотворно повлияла на него, дала возможность осознать и свои ошибки, и свое значение в жизни.

Юстина села на противоположный край кровати, и он почувствовал запах ее тела.

— Уже поздно, — сказала она. Это было сказано бездумно и бесцельно, только чтобы нарушить тишину, давящую на нее.

Ее внутреннее напряжение заинтересовало Николаса. Конечно, Юстина, по его представлениям, была необычайно красива, и если бы он встретил ее на переполненной улице Манхэттена, то обязательно бы обернулся и посмотрел вслед, пока не потерял бы ее из виду. Уже, наверное, час в его голове блуждали именно такие мысли. Физическая красота не имела для него особого значения, порой она была очень опасной, и из-за нее проливалась кровь. В женщинах его привлекало нечто другое. Еще в молодости он осознал, что ничто не достается без борьбы, даже любовь, особенно любовь. Об этом он узнал в Японии, где женщины подобны цветкам, которые, расцветая, раскрываясь, были полны нежности.

— У тебя было много женщин? — неожиданно спросила Юстина. Он заметил, что руки ее дрожали, и она избегает

смотреть ему в глаза.

— Так ты ответишь?

Николас улыбнулся.

— Я не из супермужчин, хотя несколько женщин у меня было.

Все это время она смотрела в его глаза, ища хоть каплю неискренности, но ничего не обнаружила.

— Ты это хотела знать, Юстина? — спросил он мягко. — Ты боишься, что я что-нибудь скрываю от тебя?

— Нет. — Она покачала головой. — Я боюсь, что ты исчезнешь. — Юстина продолжала теревить пальцами уголок простыни. — Я не знаю, что бы мне хотелось услышать от тебя, — сказала она немного позже.

Николас хотел улыбнуться и сказать, что все это неважно, но понял, что это не так; он знал, о чем она говорила. Он подошел к ней.

— Я с тобой, Юстина, — сказал он, — я здесь. Мы вместе.

— Я знаю. — Она сказала это, как маленькая девочка, которая сама не верит в то, что говорит, но хочет быть уверенной.

Юстина словно очнулась от забытья, ее переполняли чувства. Она прошла через комнату к окну. На улице смеркалось, небольшие волны продолжали свой бесконечный бег к берегу, прибрежный песок стал темным, как уголь.

— Знаешь, этот вид мне чем-то напоминает Сан-Франциско.

— Когда ты там была? — спросил Николас, присев на спинку дивана.

— Кажется, года два назад. Я провела там почти восемнадцать месяцев.

— Почему ты уехала?

— Я поссорилась кое с кем и вернулась сюда. Возвращение блудной дочери в лоно семьи. — Непонятно, почему, ей вдруг стало смешно, но смех быстро замер на ее губах.

— Я тоже был там пару раз, — сказал Николас. — Мне понравился Сан-Франциско. Особенно его размеры и прекрасный вид с аллеи Милл. — Он разглядывал фосфоресцирующую полосу, украшающую спинку дивана, к нему снова вернулось философское настроение. — И часто ходил на побережье, где смотрел на Тихий океан и думал: «Вот эти волны катятся и катятся через весь мир из Японии».

— Почему ты уехал? — спросила Юстина. — Что заставило тебя приехать сюда?

Он глубоко вздохнул.

— Это трудно передать словами. Множество причин, они накапливались постепенно. Знаешь, мой отец хотел уехать в Америку, хотя он любил Японию, по крайней мере, воевал за нее. И вот я здесь, и если во мне есть хоть частица его, то я доволен.

— Ты действительно так думаешь?

Николас улыбнулся.

— И да, и нет. Я не могу сказать со всей откровенностью. Восток и Запад столкнулись в моей душе, между ними словно бы идет борьба. Но что касается отца и матери, то о них я всегда помню. Они во мне. И еще я приехал сюда, чтобы доказать самому себе, что могу ужиться на Западе так же, как на Востоке. Я занялся рекламой и мне повезло, — нашлись люди, которые не побоялись моей неопытности. — Он рассмеялся. — Словом, все довольно обычно.

Юстина повернулась и приблизилась к нему. Ее длинные волосы рассыпались по плечам.

— Ты хочешь меня? — прошептала она. — Ты хочешь меня любить?

— Да, — ответил он, глядя ей в глаза, зеленоватый оттенок которых стал темнее. Николас чувствовал какой-то

неуловимый страх, по спине побежали приятные мурашки. — А ты хочешь меня любить?

Юстина ничего не ответила, но он почувствовал прикосновение ее руки, глаза ее притягивали, как магнит. Он ощущал тепло ее пальцев, простое касание словно бы было ново для него, будто раньше с ним такого не случалось.

Николас медленно обнял Юстину, она возбужденно вскрикнула прежде, чем его губы коснулись ее губ. Она ответила на поцелуй, ее тело прижалось к нему, Николас ощущал упругость ее груди, живота и бедер. Его губы прикасались к ее теплой шее, руки поползли под рубашку. Юстина целовала его ухо, возбужденно и голодно шепча:

— Не здесь. Не здесь.

Ее рубашка упала на пол, руки Николаса ласкали спину. Она вся трепетала и стонала, когда он языком ласкал ее тело, приближаясь к груди. Ее длинные пальцы расстегнули его джинсы, ногти впились в тело, когда губы Николаса коснулись сосков.

— Пожалуйста... — прошептала она. — Пожалуйста... — Джинсы спустились вниз, руки Юстины ласкали его член.

* * *

Доктор Винсент Ито помешивал горячий чай из хризантем, дымящийся в керамической чашке. Мелко нарезанные листья цветков кружились в чашке и поднимались на поверхность. Они напоминали об утопленниках. Это случилось месяц назад или около того. Тела людей, утонувших или брошенных в воду за несколько зимних месяцев, появились в водах Восточной реки. Зимой их удерживал под водой ил, а после, встревоженные усиливающимся течением и потеплевшей водой, они начали всплывать на поверхность. При тридцати — тридцати пяти градусах по Фаренгейту бактерии начинают размножаться, вызывая разложение и выделение газов, тело пробкой вылетает на поверхность и после нескольких дней дрейфа по реке попадает в конце концов на стол медицинского эксперта.

Конечно, это мало его волновало. Хотя Винсент был по-прежнему экспертом, работа не являлась главной частью его жизни. И все же он проводил много времени в морге со стальными дверями, серым кафельным полом и огромными весами, на которых взвешивали тела. В этом не было ничего отвратительного. Коричневато-белые тела клали на стол и делали большой «Т»-образный надрез от плеча к плечу и до низа живота. Лица утопленников были одинаково невинны, как у спящих людей. Все это было для Винсента привычным. Он определял причину смерти и сравнивал себя с детективом, который работает с мертвыми, но от его решения часто зависят судьбы живых.

Винсент устался в окно, медленно прихлебывая чай. На улице было по-прежнему темно — всего четверть пятого утра, но он всегда вставал так рано.

* * *

Николас проснулся незадолго до восхода солнца. На миг ему почудилось, что он опять в своем старом доме на задворках Токио, в саду, где шелестит высокий бамбук. Он слышал отрывистые крики кукушки, шум проснувшегося города, суетливого и многолюдного, такого далекого.

Он повернул голову, проснувшись лишь наполовину, и увидел девушку, лежащую рядом. Юкио. «Она вернулась», — подумал он. Он знал, что это произойдет.

Николас резко сел, сердце бешено колотилось. Сквозь распахнутое окно доносился шум моря и крики чаек. Николас несколько раз глубоко вздохнул.

Он осмотрелся и увидел широкий нос Юстины, пухлые чувственные губы, раскрытые во сне, ее обнаженное тело было скрыто одеялом лишь наполовину. Она крепко спала.

Что же он в ней нашел, что заставило так бурлить его кровь? Глядя на нежное теплое тело, он возвращался в Японию, в свое прошлое...

Винсент Ито приехал в медицинское управление, расположенное на Первой Авеню, за четыре минуты до восьми утра. Войдя через широкие стеклянные двери, он кивнул полицейскому охраннику и поздоровался с седовласым Томми, шофером Нага Граумана. Затем прошел в 134 комнату, зная, что у него достаточно времени, чтобы выпить кофе перед началом утреннего заседания. Потом направился в переполненный кабинет.

Нат Грауман, начальник медицинского управления полиции Нью-Йорка, был очень крупным человеком. У него были узкие, черные и блестящие, глубоко посаженные глаза, лицо бледное. Широкий нос был сломан, вероятно, в одной из ночных уличных драк в Южном Бронксе, где он родился и вырос. С волосами пепельного цвета контрастировали черные, как уголь, усы.

— Подожди минуту, Винсент, — сказал Грауман, когда закончилось совещание.

Винсент сел на зеленый стул, стоящий в противоположном конце длинного стола, и достал дипломат.

Они были друзьями, зная друг друга не только по работе, но со временем их дружба, казалось, поутихла. Грауман уже был заместителем, когда Винсент только пришел сюда, с тех пор прошло немало времени. Возможно, на их отношения повлияли деньги. Работы все прибавлялось, а над ними, как гора, надвигался финансовый крах. В городе были более серьезные проблемы, чтобы беспокоиться о тех людях, которых ежедневно избивали, резали, душили, топили, травили и стреляли. Восемьдесят тысяч людей ежегодно погибали в Нью-Йорке и около тридцати тысяч проходили через их управление.

— Что мы имеем на данный момент? — спросил Грауман.

— Гм-м. Убийство в Морвеа, — сказал Винсент, нахмурившись. — Поножовщина в Холлоуе — в скором времени должен состояться суд. Одно из дел отложено до

получения анализов крови, которые должны быть готовы сегодня днем. И еще дело Маршалла.

Грауман кивнул.

— Значит, дел невпроворот?

— Еще бы.

— Я хочу, чтобы ты выехал на Остров на пару дней.

— Как? Когда на мне столько всего висит?

— Я сам прослежу за продвижением твоих дел. А это, — он достал две панки, постучав ими о стол несколько раз, — я передам Микелсону.

— Микелсон идиот, — горячо возразил Винсент.

Грауман спокойно продолжал:

— Он работает строго по правилам, Винсент. Он упрям и неподкупен.

— Но он медленно работает, — простонал Винсент.

— В нашем деле скорость не главное, — напомнил Грауман.

— Расскажи это Мак Гейб. Она поставит на уши все управление.

— Ей за это платят.

— Так что я должен делать на Острове?

— Вчера звонил Пол Дифорс, — сказал Грауман. — Помнишь его?

— Конечно. Мы встречались в прошлом году. Он живет на западном побережье Бриджа.

— Гм-м, — подтверждающе произнес Грауман. — На его голову свалилась какая-то проблема. Он работает медэкспертом. — Грауман посмотрел на свои ухоженные ногти, потом снова поднял взгляд на Винсента. — Он просил, чтобы приехал именно ты.

Вдоль левой стены гостиной Николаса стоял большой аквариум для рыб. В нем было не меньше пятидесяти галлонов воды. Но его обитатели не были обычными аквариумными рыбами. Хозяева дома, арендованного Николасом на лето, оставили ему на попечение настоящих морских рыб, разноцветные тела которых сновали между растительностью в аквариуме, как тропические птицы среди зарослей непроходимых джунглей.

Он смотрел на Юстину сквозь стекло аквариума, которое преломляло и увеличивало все вокруг.

Юстина была в красном банном халатике, который едва прикрывал бедра, еще больше подчеркивая изящество ее длинных ног. На шее у нее висело полотенце.

— Это твои рыбки?

Николас только что закончил их кормить и стоял, любясь на завихрения воды, вызываемые игрой рыбок.

— Не мои, — сказал он, выглядывая из-за аквариума. — Они принадлежат хозяевам дома.

Юстина встала и понесла тарелки на кухню.

— Господи, на улице дождь. — Она оперлась грудью о подоконник, высунувшись из окна. — А я хотела поработать сегодня на свежем воздухе.

Дождь стучал по крыше, струйками стекая перед открытым окном. На улице было прохладно.

— Работай здесь, — сказал Николас. — У тебя ведь с собой все принадлежности.

Юстина вернулась в гостиную, вытирая руки.

— Нет, не все. Даже работая в доме, мне нужен мольберт.

— У тебя есть с собой какие-нибудь наброски?

— Да. — Юстина посмотрела в сторону большой холщовой сумки, лежащей возле дивана. — Да, конечно.

— Я хочу их посмотреть.

Она кивнула, достала из сумки, большую голубую панку и протянула ему.

Юстина ходила по комнате, пока Николас просматривал лист за листом. В комнате раздавался лишь шум пузырящейся в аквариуме воды и мерный шорох прибора.

— Что это?

Он оторвал взгляд, от эскизов. Юстина стояла возле стены, скрестив руки за спиной, и рассматривала скрещенные изогнутые мечи, висящие на стене. Один из них был около тридцати, другой около двадцати дюймов длиной.

Николас на секунду задержал взгляд на изгибе ее спины, сравнивая с силуэтами, изображенными на эскизе, который держал в руках.

— Это древние мечи японских самураев, — сказал Николас. — Тот, который длиннее, называется катана, другой — вакидзаси.

— Для чего они?

— Для сражений и ритуальных обрядов. В древние времена только самураям разрешалось ношение дайто — обоюдоострого меча.

— Где ты их взял? — Юстина по-прежнему разглядывала мечи.

— Они мои, — сказал он.

Она обернулась, улыбнувшись.

— Ты хочешь сказать, что ты самурай?

— В некотором роде, — сказал Николас серьезно и поднялся с кушетки. Он стоял за ее спиной, думая о своей ежедневной трехчасовой тренировке.

— Я могу посмотреть вот этот длинный?

Николас медленно вытянул меч из ножен.

— Катана предназначен только для сражения. Он священный. Его вручают в красочной церемонии, наделяют собственным именем, и он становится сердцем и душой

самурая. Это дай-катана, длиннее обычного меча. Не трогай, — резко сказал он, когда Юстина хотела попробовать острие лезвия. — Он порежет твой палец.

Николас увидел ее отражение в сверкающем лезвии, глаза были широко распахнуты, губы приоткрыты. Он чувствовал ее дыхание.

— Дай мне еще посмотреть. — Юстина откинула прядь волос, свесившихся на глаза. — Он такой красивый. У него есть имя?

— Да, — сказал он. — Ис-хогай. Это значит «Во имя жизни».

— Это ты его так назвал?

— Нет, мой отец.

— Мне нравится это имя, оно к нему подходит.

— В японских клинках есть что-то волшебное, — сказал Николас, всовывая меч обратно в ножны. — Этому мечу почти двести лет, но он по-прежнему как новый. — Он повесил оружие на стену. — Японские мечи — лучшие в мире.

Зазвонил телефон, и Николас взял трубку.

— Ник, это Винсент.

— Привет. Как дела?

— Отлично. Скоро я свалюсь тебе на шею.

— Ты едешь на Остров?

— Нет, еще лучше. На западное побережье Бриджа.

— Это великолепно. Я не видел тебя с тех пор...

— С марта, если хочешь знать. Слушай, я собираюсь остановиться в городке у доктора Дифorsa.

— И не думай. Приезжай на побережье. У меня отличная комната, в городке ты не сможешь искупаться.

— Прости, но я еду не на каникулы, и пока не разберусь в одном деле, должен быть поблизости от доктора. — Похоже, дело серьезное. Грауман даже отдал в мое распоряжение

свою машину и Томми. Мне остается только развалиться на заднем сиденье и дремать.

Николас рассмеялся.

— Позвони мне, когда устроишься, выпьем с тобой по рюмочке.

— Хорошо. До встречи.

Он положил трубку и сел рядом с Юстиной. Его глаза следили за карандашом, чертящим новые линии, но мысли витали далеко отсюда.

* * *

— Кажется, я теперь понимаю, зачем ты просил меня приехать, — сказал Винсент.

— Ты понимаешь, чем это пахнет? — спросил доктор Дифорс.

— Человек, которого мы только что видели, умер не от того, что захлебнулся.

— В этом нет никаких сомнений, — кивнул Винсент, соглашаясь. — Какова бы ни была истинная причина смерти, он погиб не от удушья.

— Как видишь, — доктор Дифорс кивнул на лист, который Винсент держал в руках, — прежде он никогда не страдал от сердечной недостаточности, как и члены его семьи. Он был вполне здоровым тридцатишестилетним мужчиной, правда, не в лучшей форме, но...

— Умер от сердечного приступа, — закончил фразу Винсент.

— Да, таково заключение, — доктор Дифорс наклонился над столом и взял в руки печатный лист, — но вот вещество...

— Вы анализировали его состав через компьютер?

Доктор Дифорс покачал головой.

— Пока мы не можем вмешивать в дело других, для них это должна быть смерть от попадания воды в легкие. Ты должен быть готов к тому, что эта история может закончиться весьма неприятно.

* * *

Юстина сидела на дальнем краю кушетки, обхватив колени руками. Раскрытая папка с эскизами лежала рядом, на журнальном столике. За окном по-прежнему лил дождь, хотя уже не такой сильный.

— Расскажи мне про Японию, — неожиданно сказала она, приблизив свое лицо к его. Ее голодный взгляд отвлек Николаса от блуждавших в сознании мыслей.

— Я уже давно там не был, — сказал он.

— На что она похожа?

— Она разнообразная. Очень разнообразная.

— Ты имеешь в виду язык?

— О, язык, конечно, но кроме этого есть многое другое. Ты можешь поехать во Францию или Испанию, там тоже другие языки. Но ни одна из этих стран не похожа на Японию. Она пугает людей, живущих на Западе.

— Каждый ощущает страх перед тем, чего не понимает, — возразила она.

— И лишь немногие принимают ее. Мой отец был одним из них. Он любил Восток.

— Как ты?

— Да, — сказал он. — Как я.

— Что заставило тебя приехать сюда?

Николас смотрел на Юстину в сгущающихся сумерках. Они сидели возле аквариума, освещенного тусклым желтым светом.

— Я не хотел больше оставаться в Японии, — сказал он, осознавая искренность и, вместе с тем, недостаточность своих слов. Его чувства нельзя было передать словами, он не мог сказать ничего более определенного.

— Ты приехал сюда и начал работать в рекламном агентстве?

Николас кивнул.

— Да.

— И ты оставил свою семью?

— У меня нет семьи. — Слова Ника прозвучали холодно и жестко.

— Почему ты не хочешь рассказать о своем отце? Ты говорила о нем в прошедшем времени. Он умер?

В ее взгляде запрыгали огоньки, как будто она смотрела на пламя.

— Да. Он мертв. — Юстина поднялась с кушетки и подошла к аквариуму, отражение ее тела преломилось в стекле, она стала как будто одним из его обитателей. — Впрочем, какая разница? Я не считаю себя дочерью своего отца. Я вообще не верю в эту чушь. — Тон ее голоса говорил об обратном, Николас задумался над тем, что мог сделать ее отец, чтобы вызвать такую ненависть.

— А что с твоей сестрой? — спросил он. — Мне интересно потому, что я был единственным ребенком у своих родителей.

— Гельда, — голос Юстины приобрел новый оттенок, который ему был незнаком, — моя старшая сестра. — Она вздохнула. — Тебе повезло, что ты был один. Я не могу рассказать всего, пусть оно останется там, где лежит.

— На морском дне? — спросил он. Казалось неразумным упрекать ее за то, что она хотела сохранить что-то в тайне от него. Но Николасу хотелось разделить с ней ее секреты: унижения, детскую неуверенность, ненависть и любовь, стыд. Таинственность Юстины словно подталкивала его. Он

чувствовал, что ему предстоит столкнуться с этой таинственностью и, возможно, потерять то, что уже приобрел.

Они вышли из дома в теплую летнюю ночь. Облака уплывали на запад, и небо становилось чистым. Звезды сияли и переливались, как украшения на черном бархате, словно мир принарядился специально для них.

Они шли по берегу вдоль кромки воды, которая из-за отлива ушла далеко. Ноги утопали в морском песке, под подошвами хрустели обломки панцирей крабов.

Низкие пенящиеся волны в лунном свете необычно блестели. Взявшись за руки, они в одиночестве шли по пляжу.

— Ты боишься меня? — Его голос был легок, как туман.

— Нет, — сказала она, — не боюсь. — Юстина сунула руки в карманы джинсов. — Я уже отбоялась. Я жила со страхом полтора года и ничего не могла с собой поделать.

— Все было бы гораздо проще, — сказал Николас, — если бы мы меньше уделяли значения прошлому.

Юстина стояла молча, и только слабая дрожь ее шеи свидетельствовала о том, что она его слышала.

— Но, к сожалению, мы не можем, — продолжал он. — Человеческая память — длинная, она объединяет нас, вызывает какую-то дрожь, когда люди встречаются. Это слабое, но безошибочное признание. Что это? Какой-то дух, или легкое дуновение? Это имеет много названий. Оно существует. Оно невидимо, но все же реально, — Николас сделал паузу. — Ты чувствовала это, когда мы встретились?

— Я чувствовала что-то. Да. — Пальцем она провела по линии сухожилий на его руке. — Это похоже на искру, вылетевшую из пламени. — Юстина посмотрела под ноги, на мокрый песок и пенящуюся воду. Я боюсь верить тебе. — Ее голова резко вздернулась, как будто она приняла какое-то решение. — Мужчины, встречающиеся мне, были просто ублюдками.

— Я похож на них?

— Ты другой, Ник. Я чувствую, — Юстина вытянула из рук Николаса свою ладонь. — Я боюсь снова пройти сквозь это, не верю, что все может быть хорошо.

— Кто же может знать свою судьбу?

Юстина не ответила на его вопрос и продолжала:

— Мы рождаемся романтиками, это помогает нам не сбиться с пути. Любовь и замужество кладут конец всему. То, что показывают в кинотеатрах и по телевизору, — чистая коммерция. Что делает одинокий человек?

— Думаю, он ищет. Это и есть жизнь: поиск того, что мы хотим — любви, денег, славы, признания, безопасности и всего остального. Каждый ищет то, что считает важным...

Николас взял ее за руки и посмотрел в лицо.

— Я хочу, чтобы ты кое-что знала. Я — это я. Я не похож... ни на кого из тех, кто был в твоей жизни. — Он замолчал, заглядывая ей в глаза. — Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты боишься, что случится то, что случилось с тобой когда-то, ты сравниваешь меня с Крисом или кем-то еще. Мы все это делаем бессознательно, потому, что похожи друг на друга. Но теперь ты не должна так делать. Если ты и теперь ошибешься, если не решишься, то не решишься более никогда. И в каждом мужчине, которого будешь встречать, ты будешь видеть своего Криса и никогда не освободишься от своего страха.

Когда они вошли в зал, Юстина отвернулась.

— Ты не имеешь права учить меня. Какого черта ты из себя мнишь? Стоило кое-что сказать тебе, и ты уже решил, что знаешь меня. — Ты ни черта не знаешь обо мне! И никогда не узнаешь. Какое тебе дело до всего этого?

— Не говори так со мной!

Ее голос был близок к рычанию, лицо исказилось в гримасе. Не раздумывая, Николас ударил ее. Тяжелый удар отбросил Юстину к стене. В ту же секунду его сердце защемило, он мягко позвал ее, и она бросилась в его объятия, целуя лицо и шею, слезы капали на его грудь.

Он поднял ее и отнес на кровать, где они еще долгое время занимались любовью.

Некоторое время спустя, когда они лежали, обнявшись, Николас серьезно сказал:

— Это никогда не случится снова. Никогда!

— Никогда, — повторила Юстина, словно эхо.

* * *

Сквозь сон он услышал телефонный звонок и резко сел в постели. Потянувшись к трубке, Николас почувствовал, как позади него зашевелилась Юстина.

— Алло? — зло прозвучал его голос.

Юстина обвила его руками.

— Привет! Это Винсент. — Потом была пауза. — Скажи, я потревожил тебя?

— Что-то вроде этого.

— Ну, извини.

В трубке снова возникла тишина, и только сейчас Николас окончательно проснулся. Винсент был настоящим японцем и никогда бы не позвонил в такую рань. Теперь это дошло до Николаса. Если он скажет «позвони позже», Винсент просто повесит трубку.

Юстина положила голову ему на плечо, свет падал на ее лицо.

— Что случилось, Винсент? Мне кажется, это не просто дружеский звонок.

— Нет. Не просто.

— Ну так в чем же дело?

— Ты читал в газетах заключение о трупе, выловленном пару дней назад?

— Конечно. — Он почувствовал напряжение внизу живота. — А что с ним не так?

— Для этого я здесь. — Винсент откашлялся, прочистив горло. — Сейчас я в медицинском управлении в Гаупаге. Ты знаешь, где это?

— Я знаю, как добраться до Гаупаги, если ты это имеешь в виду, — сказал он коротко.

— Боюсь, что это необходимо, Ник.

Николас почувствовал, что его вот-вот разорвет от злости.

— Что происходит, черт возьми? К чему вся эта таинственность?

— Я думаю, ты должен увидеть то, что у нас есть для тебя. — Голос Винсента напрягся. — Я не хочу... Не хочу причинить тебе вред каким бы то ни было образом. Вот почему я ничего не хочу объяснять по телефону.

— Ты заинтриговал меня, приятель. — Он посмотрел на часы, было пятнадцать минут восьмого утра. — Дай мне сорок минут, хорошо?

— О'кей, я встречу тебя на улице. — На мгновение в трубке возникла тишина. — Прости, дружище.

* * *

Николас посмотрел снова на находящийся под микроскопом кусочек металла, который доктор Дифорс извлек из грудной клетки трупа.

— Это спектрометрический анализ, — сказал Винсент, бросив на оцинкованный стол лист бумаги. Николас оторвал взгляд от микроскопа. — Для верности анализ был проведен трижды.

Николас поднял лист и просмотрел графики. Он уже был готов к тому, что должен был обнаружить. И все же это было невероятно.

— Сталь, — сказал он осторожно, — изготовлена из особого магнитного железа и металлического песка. Возможно, в ней около двадцати различных составляющих. Размер осколка не позволяет сказать точнее.

Винсент, чьи глаза неотрывно следили за Николасом, глубоко вздохнул.

— Это изготовлено не в Америке.

— Да, — согласился Николас. — Это было сделано в Японии.

— Ты знаешь, что бы это могло значить? — спросил Винсент. Он посмотрел на доктора Дифорса, задавая одновременно вопрос и ему.

— А кто был этот человек? — спросил Николас.

Винсент взял со стола папку и протянул Николасу.

— Взгляни на страницу три.

Николас раскрыл папку и склонился над ней. Глаза пробежали по исписанному листу. Он продолжал так же спокойно сидеть, но почувствовал, как набухли его вены. Сердце забилося. Он снова был на далеком берегу.

— Кто делал химический анализ?

— Я, — сказал доктор Дифорс. — Ошибка исключена. Мне приходилось бывать на Филиппинах во время войны. Там мне довелось познакомиться с действием этого вещества.

— Это дору, — сказал Николас. — Очень сильный яд, получаемый из пестиков хризантем. Технология его производства абсолютно неизвестна за пределами Японии, и даже лишь немногие японцы знают ее. А впервые он был получен в Китае.

— Тогда нам известно, как яд проник в организм, — сказал Винсент.

— Что ты имеешь в виду? — вмешался доктор Дифорс.

— Он имеет в виду, — сказал Николас, — что этот человек был убит сикен — японской металлической

звездочкой — что-то вроде сюрикена, маленького острого оружия, которое предварительно обмакнули в дору.

— Значит, мы знаем, и кто его убил, — сказал Винсент.

Николас кивнул.

— Ты прав. Это мог сделать только ниндзя.

В целях безопасности доктор Дифорс вывел их из здания через заднюю дверь. Они были осторожны и прихватили с собой результаты всех анализов и показания очевидцев.

Так как никто из них еще не завтракал, они зашли в закусочную на Монтаук Хайвэй, где подавали португальские блюда.

Они выпили по черному кофе, съели жареные сардины и моллюсков в винном соусе, потом сидели молча и глазели на автомобили, проносящиеся за окном. Никому не хотелось начинать разговор. Но кто-то должен был это сделать и Винсент сказал:

— Что это за новая дамочка, Ник?

— Хм-м? — Николас отвернулся от окна и улыбнулся. — Ее зовут Юстина Тобин. Она живет поблизости от меня.

— На побережье? — спросил доктор Дифорс, и когда Николас кивнул, добавил: — Я знаю ее. Красивая девушка. Только ее фамилия Томкин.

— Прости, док, — сказал Николас. — Должно быть, ты ошибаешься. Ее фамилия Тобин.

— Темные волосы, зеленые глаза, один глаз испещрен красными прожилками...

— Да, это она.

Доктор Дифорс кивнул.

— Ее зовут Юстина Томкин, Ник. По крайней мере, такова ее девичья фамилия. Она дочь Томкина, владельца нефтяной компании «Томкин Ойл».

— Того самого?

— Да. Это ее отец.

Каждый знал Рафаэля Томкина. Нефтяная компания — не единственное его состояние, но, по подсчетам, она приносит больше всего прибыли. Где же он читал об этом? В «Ньюсуик» — состояние Томкина оценивается в сто миллионов долларов.

— Она не очень-то любит своего отца, — сказал Николас.

Доктор Дифорс рассмеялся.

— Да. Ты прав. Похоже, она даже не хочет вовсе признавать его.

Николас вспомнил слова Юстины: «Да, он мертв». Только сейчас он понял, с какой иронией это было сказано.

— А теперь что ты можешь сказать о ниндзя? — спросил доктор Дифорс, положив в рот кусочек моллюска.

К дверям закусочной подкатил белый «форд» с черной полосой. Из него вышел плотный мужчина с красным лицом и направился прямо к ним.

— Никто из вас не заметил, — сказал доктор Дифорс, — что я позвонил Рэю Флоруму, когда мы только вошли сюда. Он начальник полиции западного побережья Бриджа. Я считаю, он имеет право присутствовать при нашем разговоре. О'кей?

Флорум подошел к столику. Доктор Дифорс представил его и пригласил сесть. Они ввели его в курс событий.

— В переводе, — сказал Николас, — ниндзя означает «в тайне». — Флорум заказал себе кофе, в то время, как Николас продолжал. — За пределами Японии почти ничего толком не известно об искусстве ниндзя. Даже там на этот счет практически не существует никаких документов, все знания содержатся в тайне и находятся под охраной. Эту тайну храпят все: и те, кто родился в семье ниндзя, и те, кто просто пожелал им стать.

Самураи — воины феодальной Японии, были джентльменами, они все принадлежали к сословию буси, никому больше не позволялось становиться самураем и носить два меча. Ниндзя же появились из противоположной социальной прослойки — хинин. Они были простолюдины и в переводе их название означало «не человек». Они

действительно были очень далеки от благородных буси. Хотя, когда в Японии разгорелись междоусобные войны, самураи поняли необходимость в специально обученных ниндзя, потому что сами были связаны железным кодексом бусидо, который ограничивал их действия. Таким образом, самураи начали нанимать ниндзя для проникновения в стан противника: для совершения поджогов, убийств, террористических актов, выполнять которые мешал им свод законов чести. История рассказывает, что впервые ниндзя заявили о себе еще в шестом веке, принц-регент Сётоку держал их в качестве шпионов.

Необходимость в них росла и их число увеличивалось, особенно во время эпох Хейан и Камакура. В основном они были сконцентрированы на юге. Киото, например, просто кишел ими по ночам.

В последний раз они сыграли большую роль в войне в Симабаре в 1637 году, когда их использовали для подавления христиан на острове Кюсю. Они также были очень активны во время долгого правления Токугавы.

— А что ты можешь сказать об их кругозоре? — Доктор Дифорс словно бы опять почувствовал неповторимый запах филиппинских джунглей.

— Он очень широк, — сказал Николас. — Самураи обучались у ниндзя искусству маскировки, своду условных кодов и сигналов, изготовлению бомб и дымовых завес. Короче, вы не ошибетесь, назвав ниндзя искусным воином. Но существуют различные школы ниндзя, где обучают различным способам боя, методам шпионажа, слежки и так далее. Например, школа Фодо известна использованием разных метательных снарядов. Гэкко обучают ударам пальцами в уязвимые точки на человеческом теле, Конно готовит настоящих костоломов, другие используют гипноз и так далее. Ниндзя имеют также обширные познания в химии.

Воцарилось тяжелое молчание, пока, наконец, Винсент не откашлялся и сказал:

— Ник, думаю, ты должен рассказать все до конца.

Николас некоторое время безмолвствовал.

— О чем он? — спросил Флорум.

Николас тяжело вздохнул.

— Искусство ниндзя, — продолжал он, — идет издавна. Оно настолько древнее, что никто толком не знает о его происхождении. Считается, что оно пришло из Китая. Японцы переняли многое из китайской культуры за несколько столетий. Во всем этом есть какой-то элемент... загадочного, чего-то волшебного.

— Волшебного? — эхом повторил доктор Дифорс. — Неужели ты серьезно полагаешь...

— В истории Японии, — сказал Николас, — всегда было трудно отличить реальность от легенды. Я не пытаюсь быть театральным. Япония действительно такая страна. Ниндзя приписывают подвиги, которые кажутся просто невыполнимыми без применения магии.

— Сказки, — сказал Флорум. — Они есть в каждой стране.

— Да, возможно.

— А что за яд вы обнаружили?

— Это яд ниндзя. Если его проглотить, то он абсолютно безвреден. Наиболее предпочтительный способ его введения — изготовление быстро высыхающего сиропа, которым смачивается сякен.

— Что это такое? — спросил Флорум.

— Это одно из бесшумных орудий ниндзя, которыми они владеют в совершенстве, коротколезвенный сюрикен. Сякен похож на металлическую отточенную звездочку. Пущенная ниндзя, она становится страшным, смертельным оружием. Если же ее еще намочить в яде, то отпадает необходимость целиться в уязвимые места на теле человека, чтобы он умер.

Флорум фыркнул.

— Ты хочешь сказать, этого парня убил ниндзя? Господи, Линер, ты же сам сказал, что они вымерли еще триста лет назад.

— Нет, — поправил Николас. — Я только сказал, что тогда они в последний раз громко заявили о себе. Многие изменилось в Японии с шестнадцатого столетия, ушли в прошлое времена правления Токугавы, страна стала другой. Но остались традиции, которые не может стереть время.

— Этого объяснения недостаточно, — сказал Флорум, покачивая головой. — Что нужно ниндзя на западном побережье Бриджа?

— Боюсь, на этот вопрос я не могу ответить, — сказал Николас. — Но я знаю одно. Ниндзя здесь, и в целом мире нет более опасного и умного противника. Мы должны действовать с предельной осторожностью. Современное оружие — ружья, гранаты, слезоточивый газ — не обеспечат полной безопасности потому, что все это прекрасно ему известно и не мешает выполнить задание и уйти незамеченным.

— Ну так он уже сделал это, — сказал Флорум, поднимаясь. — Спасибо за информацию. — Он протянул руку. — Рад был встрече с вами всеми. — Он кивнул доктору и ушел.

* * *

Услышав стук в дверь, Юстина почувствовала, как дрогнуло ее сердце. Она отложила карандаш, вытерла руки о замшевую тряпку и вышла из мастерской. На крыльце горел свет.

Юстина впустила Николаса.

— Тебя вызывали из-за этого уопленника? — спросила она.

Николас прошел через комнату и сел на диван, закинув руки за голову.

— Какого уопленника?

— Ты сам прекрасно знаешь. Того самого, которого вытащили из воды в день нашей встречи.

— Да, из-за него, — Николас выглядел усталым и измученным.

— Зачем они вызывали тебя?

Он посмотрел на нее.

— Винсент думал, что я помогу отыскать причину его смерти.

— Так он не утонул? Но что ты мог...

— Юстина, почему ты скрыла от меня, что Рафаэль Томкин твой отец?

Ее руки, скрещенные на груди, расцепились и повисли вдоль тела.

— Зачем мне нужно было говорить тебе об этом?

— Ты думала, я буду охотиться за твоими деньгами?

— Не будь глупым. — Она невесело рассмеялась. — У меня нет никаких денег.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Какая разница, кто мой отец?

— В общем, никакой. Меня больше интересует, почему ты сменила фамилию?

— Это тебя не касается.

Николас встал и пошел посмотреть, над чем она работала.

— Прекрасно, — сказал он. — Мне очень нравится. — Он прошел на кухню и открыл холодильник. — Этот человек был убит, — сказал он через плечо, — наемным убийцей. Но никто не знает причину. — Николас достал бутылку пепси, открыл ее, наполнил стакан и выпил. — Они вызвали Винсента, а он в свою очередь попросил меня помочь, потому что убийца, вероятно, японец, человек, который убивает за деньги. — Он вернулся в гостиную, где стояла Юстина. Она смотрела на него блестящими глазами. — Это не обычный убийца, он не из тех, о которых можно прочесть в газете, в сводке о преступлениях в Нью-Джерси или Бруклине. Нет, об этом

человеке ты никогда не слышала. Он слишком умен, чтобы предстать перед людьми, за исключением потенциальных клиентов. Окончание этой истории я пока не знаю. — Он взглянул на нее, сев на диван. — Тебе интересно?

Некоторое время стояла тишина, слышался лишь далекий шум прибоя. Но через мгновение Юстина вышла из состояния забытья.

— Он вызвал меня домой, когда я училась на первом курсе университета, — сказала она, повернувшись к Николасу спиной. — Голос был спокойный и сухой. — Он послал за мной свой самолет, но я не собиралась пропускать занятия. — Юстина обернулась, ее взгляд был прикован к листку бумаги, который она теребила в руках, пока он не разорвался. — Тогда я испугалась. Я не имела понятия о причинах, по которым он вызывал меня обратно. Прежде всего я подумала о матери, но она никогда не болела.

В конце концов, я бросила учебу и вернулась. Отец стоял возле камина, потирая руки. Я смотрела на него, стоя в своем заснеженном пальто, которое даже не подумала снять. Он предложил мне выпить. — Юстина подняла голову и посмотрела Николасу в глаза. — Ты можешь себе представить! Он предложил мне выпить, как будто мы были деловыми партнерами и собирались обсудить кое-какие проблемы.

Это было необычно, но именно об этом я подумала в тот момент. Это было пророчеством. «Моя дорогая, — сказал он, — у меня есть сюрприз для тебя. Я встретился с очень необычным человеком. Он будет здесь с минуты на минуту. Наверное, снегопад задержал его немного. Входи, сними пальто и садись». Но я стояла на месте, ошарашенная. «Поэтому ты вызвал меня домой?» — спросила я. «В общем, да. Я хотел, чтобы ты встретилась с ним. Он идеально подходит для тебя. Он из знатной и известной семьи, и великолепно выглядит, от шляпы до ботинок». «Отец, — сказала я, — ты напугал меня до смерти из-за своей сумасшедшей идеи, которая...» «Я напугал тебя?» «Да. Я подумала, что-то случилось с мамой или...» «Не будь дурочкой, Юстина! Я должен подумать о твоём будущем». Я

ужасно разозлилась, а он никак не мог понять, что меня так раздражало. Он сказал, что делал все только из любви ко мне.

— Нельзя торговать людьми, словно вещами, — сказал Николас.

— Нельзя? — рассмеялась Юстина демонически. — Это происходит везде и всюду. — Она повела руками, будто охватывая мир. — В замужестве, где от женщины ожидают выполнения определенных обязанностей, в разводах, когда дети становятся объектом сделки. Все время, Ник. Стань же взрослым.

Николас встал с дивана, раздраженный ее разговором свысока.

— Держу пари, что отец часто говорил тебе это: «Стань же взрослой, Юстина?»

— Что ты знаешь об этом?

— Ну давай. Ты собираешься затеять очередную драку? Я говорю тебе...

Юстина наклонилась над столом, чтобы ударить, но Николас без труда перехватил ее руку.

— А теперь послушай, — сказал он. — Я не собираюсь ссориться с тобой, но я не позволю провоцировать драку каждый раз, когда ты хочешь привлечь к себе внимание. Есть другие способы. Например, ты могла бы просто попросить.

— Я не буду просить, — сказала она.

— Ого! Вот ты какая. Я обычный человек и не нуждаюсь в психологических драмах.

— Зато я нуждаюсь.

— Нет, — сказал он, — тебе тоже это не нужно. — Николас отпустил ее руку.

— Докажи.

— Это можешь доказать только ты сама.

— В одиночку я не смогу. — Юстина смотрела ему в глаза. Ее руки поднялись. Она обхватила Николаса за голову и прошептала: — Помоги мне.

Губы Николаса встретились с ее губами.

* * *

Казалось несправедливым, что Билли Шотак носил прозвище «Дикий Билл», но это было именно так. Он прекрасно выглядел в свои сорок лет, хотя был невысокого роста. Он постоянно носил рубашки с длинными рукавами, даже в самую жару, когда все вокруг потели.

Он словно бы не хотел демонстрировать свои огромные бицепсы. Говорят, Билли заслужил свое прозвище потому, что пиву предпочитал двойной виски, который пил постоянно. Очевидно, жара совсем не беспокоила его.

Билли работал на Лилко, обьезжая диких лошадей и всегда говорил тем, кого побеждал в армреслинге в баре Грендель, честно используй свои мускулы:

— Мне не нужно ходить в гимнастический зал, чтобы добиться этого, — говорил он, проглатывая двойной виски, и ставил руку на локоть, подзывая очередного соперника. — Черт возьми, моя работа сделала меня таким. Честная работа — лучше всяких тренажеров. — Потом он качал головой с копной волос песочного цвета. — Я не из этих сопливых жокеев.

Грендель был местным питейным заведением — это был синий домик, стоявший в нескольких милях от западного побережья Бриджа, на дороге к Монтэк Хайвей.

Позже вечером, Билли Шотак стоял на крыльце Гренделя, собираясь уйти. Небо превращалось из синего в черное, по дороге сновали автомобили, чьи фары казались глазами чудовищных животных.

Билли глубоко вздохнул и выругался. «Когда-нибудь мы все помрем от выхлопных газов, все больше отравляющих воздух», — подумал он.

Недалеко от бара его поджидал грузовик Лилко, но Билли сегодня очень не хотелось покидать приятную обстановку бара. Из-за его спины доносилась музыка. Тони Бенетт пел «Я оставил свое сердце в Сан-Франциско».

Настроение изменилось, когда он поехал по одной из темных дорог — он начал насвистывать нечто неопределенное. В этот момент он выехал из-за последнего поворота дороги и увидел темную фигуру в пятне света левой фары.

— Какого дьявола! — Он нажал на тормоза и высунулся в окно. — Ты, тупой ублюдок! Я мог бы убить тебя. Какого черта...

Дверца с другой стороны распахнулась и словно торнадо выбросил Билли из кабины.

— Эй! — Он покатился по холодному асфальту. — Эй, приятель! — Билли вскочил на ноги и встал в боксерскую стойку, выставив кулаки перед грудью.

— Не дергайся, сукин сын.

Глаза Билли расширились, когда он увидел блеск длинного лезвия в свете фар. «Господи, — подумал он, — меч. Меч? Должно быть, я пьян».

Перед фарами запрыгали привлеченные светом насекомые. Стояла тишина, только совсем рядом шипели и плескались волны океана.

Билли ударил, но его удар не достиг цели.

Воздух перед ним, казалось, был рассечен напополам, он почувствовал его вибрацию, а затем ощутил такую боль, которую он не испытывал прежде.

Однажды за пределами военной базы ему пришлось столкнуться с военным полицейским, который успел ранить Билли ножом прежде, чем тот ударил его в лицо. За это пришлось отсидеть на гауптвахте, но никогда в жизни он не чувствовал такого удовлетворения.

Но та боль не шла ни в какое сравнение с той, которую Билли Шотак чувствовал сейчас. Острие меча рассекло ночь

и затем тело Билли от правого плеча до левой стороны таза. В ноздри Билли ударил запах крови.

— Господи Ис...

Затем на тело обрушился деревянный столб, ломая кости, но боли он уже не чувствовал. Билли казалось, что он снова едет по дороге.

Впервые за много лет на его глазах появились слезы. «Мама, — подумал он. — Мама, я еду домой».

* * *

— Думаю, я знаю, что это такое, — сказала Юстина. Наступила ночь, и усиливающийся ветер гнул деревья, стоявшие возле дома. Где-то вдалеке прогудело судно, и снова стало тихо. Они лежали рядом, наслаждаясь близостью тел.

Николас обнял ее и спросил:

— Что ты хочешь больше всего?

— Быть счастливой, — ответила Юстина. — Это все. — «Ничего нет в мире, — подумала она, — кроме наших переплетенных тел и душ». Юстина думала, о том, что никто не был ей так близок, как Николас. Она начинала ему верить и словно обретала вторую жизнь.

Вдруг в доме раздался страшный треск, он донесся со стороны кухни. Юстина вскочила и так вскрикнула, словно смерть прикоснулась к ней холодными руками. Николас встал и направился к двери, перевоплотившись на глазах. Он был полностью обнажен, но Юстине казалось, что он одет, как будто мускулы и отливающая светом вспотевшая кожа были каким-то волшебным одеянием, облегающим его тело.

Николас тихо крался на желтый свет, просачивающийся из гостиной, на полусогнутых ногах.

Юстина собрала свою одежду и двинулась за ним.

Его руки, вытянутые вперед, вдруг напомнили ей мечи, пальцы были тверды, как сталь, когда он тихо подобрался к

кухне.

Юстина увидела разбитое окно, его осколки сверкали на столе и полу. Ноги отказывались идти дальше. Занавески, разбуженные внезапным ветром, громко хлопали.

Николас стоял неподвижно, как статуя, и рассматривал что-то на полу возле окна. Юстина охнула и отвернулась, но что-то заставило ее повернуться снова и посмотреть.

На полу лежала черная масса, большая и неподвижная. Кровь сочилась на пол в нескольких местах из тела, лежащего на осколках стекла. Отвратительный запах ударил в ноздри, и она зажала нос.

— Что... — Юстина снова заткнула рот и нос, тяжело сглотнув. — Что это такое?

— Я не уверен, — сказал он медленно. — Тело слишком большое для летучей мыши, обитающей в этой части страны, и это не белка-летяга.

Зазвонил телефон, и Юстина вздрогнула. Она схватила Николаса за руки.

— По-моему, это гусь, — сказала она. Николас словно очнулся и снова посмотрел на то, что разбило окно.

— Он был ослеплен светом, — сказал он.

Юстина отошла к дальней стене и подняла трубку. Разговаривала она считанные секунды, потом вернулась и тронула Николаса за руку.

— С тобой хочет поговорить Винсент, — сказала она.

Он глянул на нее, потом отвел взгляд в сторону.

— Хорошо. — Его голос был хриплым, мысли находились далеко. — Не подходи к этому, — предупредил он, направившись к телефону. — В чем дело? — сказал он резко.

— Я пытался дозвониться тебе домой, — сказал Винсент. — Не застав тебя, я решил позвонить сюда. — Николас молчал. — Послушай, я прекрасно знаю, который час. — В голосе Винсента слышались странные нотки. — Это произошло снова. Флорум обнаружил другое тело. Его сейчас

фотографируют. — Через разбитое окно врывался ветер. Николаса зазнобило. Он ждал, пот на его теле высох. Он смотрел на массу, лежащую на полу, на черный труп и красную кровь, продолжавшую сочиться. — Ник, тело было рассечено от плеча до таза одним ударом. Ты понимаешь?

Мужчина в зеркальных солнцезащитных очках не свернул на стоянку такси, как это сделало большинство пассажиров с поезда, он быстро, не оглядываясь, направился на Седьмую Авеню.

Он двигался без усилий, и несмотря на большой черный рюкзак за плечами, так грациозно, что его можно было принять за профессионального танцора.

Мужчина был в голубой шелковой рубашке с короткими рукавами и хлопчатобумажных слаксах того же цвета, на ногах его были серые ботинки почти без каблуков с тонкой, как бумага, подошвой, у него было довольно широкое лицо, по углам рта шли глубокие складки, будто он никогда не улыбался. Черные волосы коротко подстрижены.

На другой стороне улицы он протиснулся сквозь толпу у отеля Статлер Хилтон, пересек 32 улицу, миновал зелено-белую красочную рекламу Китайского Экспресса и нырнул в двери Мак-Дональд.

Уже внутри мужчина подошел к ряду телефонов-автоматов, расположенных вдоль стены. Слева от каждого на специальных полках лежали телефонные справочники, вложенные в металлические переплеты, во избежание воровства и порчи.

Человек в зеркальных очках открыл справочник. Желтая обложка была порвана, а средние страницы помяты так, будто кто-то пробовал их жевать. Полистав справочник, он нашел нужную страницу. Палец заскользил вниз по списку абонентов. В самом низу палец остановился, и мужчина кивнул сам себе. Он уже знал адрес, но по многолетней привычке любил перепроверять информацию.

Он нашел нужный дом где-то между Колумбия-Авеню и Бродвеем. Ноздри его расширились на мгновение, когда он поднимался по каменным ступеням подъезда. Открыв дверь из стекла и дерева, мужчина очутился в мрачном вестибюле. Перед ним находилась стальная дверь со стеклянным

окошком. Рядом с дверью торчал звонок, который он тут же нажал.

— Да? — раздался тонкий голос из переговорного устройства.

Мужчина в зеркальных очках слегка наклонился к микрофону.

— Я хочу потренироваться, — сказал он.

Он ждал, держа пальцы на дверной ручке.

— Пожалуйста, входите. Второй этаж. Последняя дверь налево.

Замок загудел, и мужчина открыл дверь.

Он почувствовал какое-то волнение. Впервые с тех пор, как приехал в город, он ощутил себя дома. Мягко и бесшумно мужчина стал подниматься по покрытым дорожкой ступеням.

Терри Танака говорил по телефону с Винсентом, когда Элин подошла к нему. Видя просьбу в ее взгляде, он попросил Винсента подождать и, закрыв ладонью трубку, спросил:

— Что такое, Элин?

— Пришел человек, который хочет тренироваться.

— Да? Пусть поднимется.

— Мне кажется, тебе лучше поговорить с ним самому, — сказала она.

— Почему? Что случилось?

— Думаю, он тебя заинтересует. Я видела его походку. Он не ученик.

Терри улыбнулся.

— Видишь, как растет наша репутация? — Не дождавшись ответа, он спросил: — Это еще не все?

Элин покачала головой.

— От взгляда этого парня у меня по телу мурашки бегают. Его глаза... — Она пожала плечами. — Я не знаю. Я хочу, чтобы ты сам с ним разобрался.

— О'кей. Послушай, приготовь ему чашку чая или что-нибудь еще. Я скоро приду.

Она кивнула, слабо улыбнувшись.

— Что-то случилось? — спросил Винсент.

Терри убрал ладонь с трубки.

— Нет, ничего. Просто клиент напугал Элин.

— А как ваши отношения?

— Знаешь, все так же. — Терри усмехнулся. — По-прежнему жду, когда она скажет «да». Я так долго стоял на одном колене, что уже сносил четыре пары брюк.

Винсент засмеялся.

— Пообедаем сегодня вечером?

— Конечно. Я хочу взять с собой Элин.

— Обязательно. Ник собирался прийти, но...

— Эй! Как он? Он звонил мне перед отъездом на Остров. Небось, целое лето бездельничал?

Винсент засмеялся.

— Точно. Пока я не достал его. У него появилась новая дамочка.

— Молодец, — сказал Терри. — Вовремя. Он к ней сильно привязался?

— Да. — Винсент понял, что имел в виду Терри. — Он шлет привет тебе и Элин. Я уверен, он скоро приедет.

— Ну ладно. Боюсь, мой клиент вскружит голову Элин, если я не приду. Увидимся в семь. Пока.

Он положил трубку и вышел из комнаты.

Когда, наконец, пришел Терри, Элин Окура почувствовала некоторое облегчение. Она была напугана двумя вещами. Во-первых, она не слышала, как вошел тот мужчина. Во-вторых, выражение его лица было необычным. Он стоял прямо перед ней с черным рюкзаком за плечами, солнцезащитные очки свисали с пальца правой руки. Кожа на его лице и руках была

слишком белой для жителя Востока. Но, бросив взгляд на грудь под расстегнутым воротом, Элин увидела, что кожа там смуглая. Было похоже, что он побывал в какой-то катастрофе, как будто взрыв поразил открытые участки его тела. Но больше всего ее потрясли его глаза. Они были словно мертвые: черные камешки, брошенные в воду, в них не выражалось абсолютно никаких эмоций. Элин чувствовала, как от этого взгляда в ней зарождается страх.

— Чем могу помочь? — спросил Терри у незнакомца.

— Вы и есть мастер додзё?

Терри, казалось, не заметил неприятно резкого тона в голосе незнакомца и вежливо ответил:

— Да.

— Я хотел бы попрактиковаться.

— Понятно. Какая дисциплина вас интересует?

— Айкидо, каратэ, кендзюцу.

— В айкидо и каратэ я, конечно, смогу вам посодействовать. Что касается кендзюцу, то боюсь, это невозможно. Мой инструктор в отпуске.

— А вы сами?

— Я? Я не обучаю кендзюцу.

— Мне не нужны никакие инструкции. Потренируйтесь со мной около часа. Это поддержит вашу форму.

— Не сомневаюсь. Меня зовут Терри Танака. Как зовут вас?

— Хидзёси.

Это было древнее имя. Терри кивнул.

— Хорошо. Мисс Окура заполнит необходимый бланк. Плата составит сорок долларов в час.

Незнакомец коротко кивнул. Терри ожидал увидеть пластиковую карточку с чеками, распространенную среди туристов, но вместо этого незнакомец отсчитал сто двадцать

долларов двадцатидолларовыми купюрами из бумажника, который он достал из правого кармана брюк.

— Распишитесь здесь, — сказал Терри, ткнув пальцем, в бланк, другой рукой показывая на маленькую дверь в дальнем конце комнаты. — Переодеться можете там. У вас есть с собой кимоно?

— Да.

— Прекрасно. С какой дисциплины вы хотите начать?

— Решайте сами, — сказал Хидэёси, направляясь к маленькой двери.

Терри повернулся и увидел, что Элин смотрит туда, где только что исчез странный незнакомец. В комнате было довольно мрачно, так как окна были наполовину закрыты опущенными шторами, но солнечного света было достаточно, чтобы придать ее коже нежный блеск.

— Кто он? — ее голос прозвучал, как шепот в комнате с высоким потолком. Наверху раздался топот ног.

Терри пожал плечами. Он был крупным мужчиной около шести футов ростом, с широкими плечами и узкой талией. Его лицо было плоским, черные глаза блестели над очень высокими скулами.

— Ты ведь не станешь этого делать, Терри?

— Почему нет? Всего лишь час тренировки. — Но он знал, что она имела в виду, а на сердце у него было не так спокойно, как звучал его голос. Он был знаком с Николасом, одним из самых великих мастеров кендзюцу, живущих за пределами Японии. Из своих тридцати восьми лет Терри потратил треть жизни на изучение кендзюцу — древнего японского искусства фехтования на мечах. Причину его резкого и неожиданного отказа от тренировок трудно было бы объяснить жителю Запада.

Мастерство военного искусства зависело не только от физических возможностей. Огромное значение имело психологическое воздействие. Когда-то давно он прочел «Го Рин Но Сё» Миямото Мусаси. Наверное, это был самый великий, известный в мире трактат по стратегии. Он был

написан всего за несколько недель до смерти великого воина. Его значение велико и сегодня. Терри знал, что многие процветающие японские бизнесмены управляют своими делами и компаниями по принципу Миямото.

Год назад он снова прочитал «Го Рин Но Сё». Но, читая ее, на этот раз обнаружил, что смотрит на вещи уже совсем по-иному. Даже ночью ему стали сниться другие сны. На рассвете ощущения снов не покидали его. Терри чувствовал себя так, будто заблудился в ночи и внезапно очутился на краю бездонной пропасти. Ему хотелось заглянуть в эту бездну, но он знал, что если туда заглянет, то потеряет равновесие и полетит в этот мрак. Так Терри отступил и повернул назад, отложив навсегда свой катана.

И вот сегодня появился этот странный человек, который назвал себя Хидэёси. Терри тщательно скрывал чувства, чтобы Элин не могла угадать его истинных эмоций. Он не хотел беспокоить сё.

Это было похоже на какое-то предзнаменование, так как Терри не сомневался, что незнакомец хорошо знает учение Миямото, и наверняка Хидэёси был знатоком харачей. Это понятие, состоящее из двух слов, означало: хара — сосредоточение, соединение, и чей — распространенную форму энергии, более сильную, чем интуиция и шестое чувство, «настоящее постижение реальности», как сказал бы учитель Терри, это ощущение, словно у тебя глаза на затылке. Харачей существовал двух видов: он мог быть сверхчувствительным приемником, но также и отличным передатчиком волны, которую мог уловить другой знаток харачей, каким был, например, Терри.

— Еще один японец, — сказал он беззаботно Элин. Ни при каких обстоятельствах Терри не собирался рассказывать ей того, что уже понял в незнакомце.

— В нем есть что-то необычное. — Элин по-прежнему смотрела на дальнюю дверь, которая казалась ей пастью ухмыляющегося черепа. — Эти глаза... — Ее передернуло. — Такие невыразительные, как... как объективы. — Она сделала шаг к Терри. — Что он делает там, как ты думаешь?

— Размышляет, — сказал Терри, сняв трубку телефона и нажимая кнопку вызова. Он тихо и коротко сказал кому-то на третьем этаже о новом клиенте, затем положил трубку. — Он не появится, но крайней мере, еще минут двадцать, — шепнул Терри Элин. Он смотрел на ее волосы: длинные, черные, блестящие, зачесанные назад, они спускались на плечи, подобно черному каскаду. Элин вздрогнула, и Терри спросил:

— Что случилось?

Она повернула голову.

— Ничего. Я просто ощутила твой взгляд.

Терри улыбнулся.

— Но я смотрю на тебя постоянно.

— Ночью, да. — Ее глаза оставались серьезными, полные губы плотно сжались. — Не надо, Терри. Пожалуйста. Ты же знаешь, как я к этому отношусь. Мы работаем вместе, и мы... — Глаза Элин встретились с его взглядом на какое-то мгновение.

Он осторожно привлек Элин к себе. На этот раз она не сопротивлялась и обвила его шею. Рядом с ним она ощущала себя в безопасности.

— Ты в порядке, Элин?

Она молча кивнула и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, в горле запершило.

— Я хочу тебя сегодня ночью, — сказала она и неожиданно облегченно вздохнула.

— А как насчет каждой ночи? — спросил Терри.

Не в первый раз она слышала от него подобное. Ответ Элин всегда был одним и тем же, несмотря на то, что она точно знала: если услышит от него сегодня вечером еще одно предложение, а услышит наверняка, она согласится.

— Ночью, — сказала она мягко. — Спроси меня сегодня ночью. — Она вытерла глаза. — Когда ты будешь свободен?

— Я сегодня обедаю с Винсентом. Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Элин слегка улыбнулась.

— Вы всегда много говорите о том, что мне совсем не интересно.

— Сегодня вечером мы этого делать не будем. Обещаю.

Она засмеялась.

— Нет, нет. Я не верю тебе. Бусидо для тебя важнее.

— Это часть нашего наследия. Без него мы перестанем быть японцами. Я еще не стал поклонником западной культуры и не стану им, если для этого придется забыть историю своего народа. — Терри замолчал, рассматривая ее лицо.

Он смотрел на ее слегка тронутое косметикой лицо, тонкую шею, изящное тело. Невероятно, но ей был сорок один год; на вид вряд ли кто-нибудь дал бы ей больше тридцати.

Прошло два года со дня их первой встречи и год с того момента, как они стали тайными любовниками, хотя, конечно, об этом догадывались их друзья. За все это время Элин никогда его ни о чем не попросила и ничего не планировала на будущее. Как раз именно он всегда хотел от нее чего-то. И его окончание занятий кендзюцу совпало с началом их любовных отношений. Теперь ему казалось, что в жизни нет ничего важнее, чем быть рядом с ней. Додзё, который он открыл пять лет назад, процветал, и Терри был более, чем удовлетворен. Впереди были свадьба и медовый месяц где-нибудь далеко отсюда. Может быть, в Париже. Да, в Париже. Это был любимый город Элин. Ему оставалось только спросить ее. Скажет ли она «да» на этот раз? Терри надеялся, что скажет, и сердце его радовалось..

— Сегодня ночью, — сказал он, — я вернусь в девять или десять, если, конечно, Винсенту удастся пробиться через все эти пробки на дорогах. Но у тебя есть ключ, есть там и кое-что из твоей одежды. Приходи в любое время. Не забудь шампанское. Икру я принесу.

Элин хотела спросить, для чего все это, но она чувствовала, что может все испортить. У нее еще будет достаточно времени, чтобы убедиться в том, что она уже прочла в своем сердце.

— Хорошо, — сказала она.

Терри повернулся, неожиданно вспомнив что-то.

— Мне нужно подняться наверх и подготовить боккен. Скоро Хидэёси закончит с другими, и я должен быть готов.

* * *

Николас вернулся с побережья, где обнаружили второй труп. На этот раз его ждали.

— Одним ударом. Ты понимаешь? — говорил Винсент по телефону. Он прекрасно понимал, что это значило. Это был удар катана.

Окоченевший труп был разрублен от правого плеча до ягодицы. Один удар меча. Для катана в руках прекрасного мастера, владеющего мечом, человеческая плоть и кости не большая преграда, чем бумага. Древние мечи хранились сотни лет, переходя из поколения в поколение, не теряя своей остроты и эффективности, и даже в нынешние дни японский катана считается одним из самых великолепных мечей.

Так погиб второй человек. Он лежал в той позе, в которой его настигла смерть. На этот раз никто не мог сомневаться — его убили.

Но теперь им пришлось пересмотреть свои выводы. Барри Браум, очевидно, не был единственной жертвой ниндзя.

Кажется, ничто не связывало эти две жертвы. Этот второй человек работал на Лилко, владельца крупнейшей компании на Острове. Да, их ничего не связывало.

И все же ниндзя был здесь, продолжая убивать.

Войдя в дом, Николас скинул плащ. Ботинки и джинсы промокли насквозь, но это его мало трогало. Он думал о

Юстине и о том, что разбило окно прошлой ночью. Не зная об этом ничего определенного, он тем не менее предчувствовал недоброе. Во всяком случае, Николас попросил Юстину остаться в его доме и не возвращаться к себе.

В доме Юстины не было.

Николас тихо выругался, накинул плащ и вышел на улицу.

Никто не ответил на его стук, когда он пришел к Юстине, но обойдя вокруг дома, он увидел свет в окне ее спальни.

Николас постучал снова и дернул ручку. Дверь поддалась, и он вошел в дом.

Николас позвал:

— Юстина.

Его беспокоил не только тот удар мечом. Доктор Дифорс и Винсент упустили кое-что другое. Николас рассмотрел левое плечо трупа. Синяк только начал темнеть. Он потрогал его. Ключица была сломана. Николас насторожился, оставив свои опасения при себе, так как не хотел беспокоить остальных, даже Винсента. Если то, во что он верил, теперь обратилось в действительность, то...

Когда-то жил такой человек — Миямото Мусаси. Может быть, самый великий воин Японии. Среди прочего он изобрел новое направление в кендзюцу. Оно обучает владению одновременно двумя мечами. Другое учение Мусаси, именуемое кенсей, обучало использованию боккенов — деревянных мечей. Мусаси сражался ими, заявляя, что эти мечи непобедимы.

Все признаки показывали, что этот человек был убит двумя ударами, а не одним, как считал Винсент. Один удар был нанесен стальным катана, — второй — деревянным боккеном. То, что он увидел, потрясло его.

Юстина, освещенная светом в спальне, показалась в дверях.

— Что ты делаешь здесь?

— Юстина? — Он знал, что это она, хотя не узнавал интонации ее голоса.

— Зачем ты пришел?

— Я просил тебя остаться в моем доме, подальше отсюда. — Николас пытался не думать о черной, истекающей кровью массе на кухне. Он пытался успокоить себя, что это не было животное, которое использует ниндзя в качестве ритуального предупреждения. Но тщетно.

— Я ведь свободна? Я говорила тебе, что буду поступать так, как захочу.

— Здесь небезопасно.

— О чем ты говоришь? Здесь я чувствую себя лучше. Это мой дом. Мой дом, Ник. — Свет освещал ее сзади, образуя нимб вокруг головы, и он не мог видеть выражение ее лица.

— Ты не понимаешь меня.

— Нет, — сказала Юстина печально. — Боюсь, что ты не понимаешь меня. — Она сделала шаг вперед. — Почему бы тебе не уйти? Пожалуйста.

— А что случилось?

— Так, не о чем говорить.

— Ты же не одна, кого это касается?

— Ник, это никого больше не касается.

— Я только хочу узнать, что за дьявол вселился в тебя.

— Ты вовсе меня не знаешь. Я очень изменчивая и сумасбродная. — Юстина вздохнула. — Пожалуйста, уходи, Ник. Не надо сцен.

Николас повернулся и ушел, оставив ее стоять на крыльце.

* * *

Клик. Кли-клик. Пауза. Клик-клак-клик. Хай!

В то время, как они двигались взад и вперед вдоль тонкой линии, по диаметру круга, Терри впервые в жизни почувствовал страх перед своим противником.

Как мастеру, страх в кендзюцу был ему не известен. До сих пор.

Это был не только страх поражения, — хотя он и терпел поражение всего раз или два, — к тому же в некоторые моменты ему было совершенно ясно, что противник сможет его победить. Нет, это что-то более неуловимое. Оно заключалось в способе, которым этот Хидэёси работал. Стил кендзюцу многое значил: по нему можно судить о противнике. Не только о его-школе и его учителе, но и о самом человеке, о его философии и религии, о том, чего он ждал и что держал в тайне.

Терри был обеспокоен потому, что увидел в этой философии презрение к человеческой жизни. Элин была права, когда сказала, что у Хидэёси глаза мертвеца, тусклые и пустые, словно линзы. В них не было ничего живого, Никаких чувств. Это и волновало Терри. Он слышал и читал о самураях в феодальной Японии в 1600-е годы, во время правления династии Токугава, которых вовсе не волновала человеческая жизнь. Это были машины-убийцы, действующие по приказу хозяина, они уважали только его и бусидо. Им были чужды человеческие эмоции.

Сейчас Терри казалось, что он столкнулся именно с таким противником. Хидэёси словно был выходцем из другого столетия.

Он ушел влево, атакуя, но тут же его удар был блокирован. И вот уже их боккены медленно стали рассекать воздух, словно двое слуг обмахивали хозяина огромными опахалами.

Терри присел на колени, идя боккеном горизонтально, но противник использовал вертикальный блок. Менее опытный фехтовальщик был бы уже убит этим ударом двумя руками, но Терри тут же потянулся вперед, острие его меча было направлено в живот соперника, казалось, для смертельного удара.

Хидэёси сделал шаг назад, заставляя Терри двигаться на себя для завершения атаки. Час был уже на исходе. Блокировав несколько ударов, Терри почувствовал в

противнике большой запас энергии. Ему казалось, что Хидзёси просто играет с ним на протяжении всех сорока минут схватки.

Раздраженный, он ударял снова и снова. Но вместо чистой победы Терри видел, как боккен Хидзёси неуловимо, словно тень, отбивает его удары. Потом они сблизились, и Терри впервые получил возможность разглядеть лицо противника. Это было, словно вспышка, на какие-то десятые доли секунды его военный настрой и бдительность поколебались. В мгновение ока меч Терри был отклонен. Времени, чтобы среагировать, не оставалось, и с боккеном противника у глотки Терри был побежден.

* * *

Когда Юстина вышла из спальни, чтобы выпить, рассвет уже близился. Выглянув в окно, она увидела клочья серых облаков, быстро несущихся по небу. Тусклый свет луны едва освещал землю. Песок казался серым и твердым, как свинец.

Она остановилась, держа в руке бутылку рома. На крыльце промелькнула тень. Оставив в покое бутылку, Юстина сдвинулась чуть вправо, чтобы лучше видеть. Занавески колыхались, мешая разглядеть крыльцо полностью. Затем она переместилась влево и остановилась, как вкопанная. Тень превратилась в силуэт. Кто-то был там.

Юстина почувствовала, как страх сковывает тело, инстинктивно она сжала свое горло рукой. Сердце бухало, как молот по наковальне, слова Николаса снова зазвучали в ушах. «Здесь небезопасно». Было ли это то, что он имел в виду? Теперь она жалела, что не прислушалась к тому, что он говорил, но ей так хотелось тогда остаться одной, что она слышала только себя.

Закрела ли она дверь за Николасом? Она решила, что нет, но не была окончательно уверена. Боясь привлечь внимание, она не рискнула пробраться и проверить. В этом случае ей пришлось бы пройти прямо мимо окна. Юстина

подумала о том, что можно проползти к двери, но испугалась создать шум.

Потом она вспомнила о телефоне. Не спуская глаз с силуэта, медленно попятилась назад. Почти наткнувшись на аппарат, она нагнулась вниз, вставая на колени, и набрала номер Николаса, молясь, чтобы он оказался дома. Каждый гудок словно пронзал ее сердце. Положив трубку, она почувствовала себя обреченной.

Молча, на цыпочках, Юстина пробралась в гостиную и села на спинку дивана, не сводя глаз с силуэта. Может быть, прокрасться к задней двери? Но что потом? Стучаться в дверь соседей? А что сказать? Что она испугалась тени?

Неожиданно Юстина почувствовала весь идиотизм своего положения, она показала себе сумасшедшей, загнанной в угол своими ночными кошмарами. Тень так и не пошевелилась с тех нор, как она заметила ее. А может, все это померещилось ей?

Юстина встала, не раздумывая, распахнула дверь и вышла на крыльцо. Влажный воздух был насыщен запахом моря. С востока дул свежий бриз.

Она посмотрела на силуэт.

— Николас! — едва выдохнула она.

Он сидел в позе лотоса, руки на коленях, и смотрел на море.

— Что ты здесь делаешь? — Юстина подошла к нему сзади. Она была удивлена, обнаружив его здесь, охранявшим дом, но зато ее тревога исчезла, как дурной сон.

— Похоже, мне придется кое-что рассказать. Я не могу утверждать наверняка, но это животное, брошенное в окно, не было случайностью. Это предупреждение ниндзя.

— Но разве не ты говорил, что ниндзя наносит удар неожиданно, без предупреждения? — сказала она спокойно.

Николас кивнул.

— Да. В большинстве случаев это так. Но бывают особые случаи — кровная месть, например, или специальный приказ,

когда используют ритуальное предупреждение.

— Это какой-то бред, — запротестовала Юстина, — что нужно ниндзя от меня? — Она замолчала, но Николас ничего не ответил, ожидая, что она догадается сама.

— Для этого может быть только одна причина, — сказала она, все еще неуверенно.

— Давай посмотрим, пришли ли мы к одному выводу.

— Мой отец.

— Твой отец, — эхом повторил Николас. — Рафаэль Томкин. — Он встал и налил себе воды с лимоном. — Скажи мне, что ты знаешь о его бизнесе?

Юстина пожала плечами.

— Не больше, чем все, я никогда не интересовалась его делами. В основном он занимался нефтью. Корпорация экспортировала нефть во многие страны. Все, пожалуй.

— Не так много.

Юстина поморщилась.

— Я же говорила тебе.

— Хорошо. Давай пока оставим это. Теперь...

В этот момент Юстина приложила указательный палец к его губам.

— Что мы должны делать?

Хороший вопрос, подумал Николас, глядя на нее. Ниндзя намеревается убить ее, в этом не было никаких сомнений. Хотя Николас и не мог понять мотивов для этого убийства, все равно он беспокоился. Этот ниндзя был знатоком наиболее сложного стиля кендзюцу.

— Единственное, что я могу пока сделать, это остаться с тобой.

Юстина кивнула. На удивление, она не была напугана, даже напротив, излишне спокойна.

* * *

Терри шел на встречу с Винсентом, поглощенный своими мыслями. Он думал о Хидзёси.

С Винсентом он встречался в Мичите, маленьком японском ресторане на 46 Авеню. Ресторан был украшен в традиционном стиле — саши и татами. Это было их любимое место: его, Николаса и Винсента, здесь они чувствовали себя, как дома.

Переходя улицу, Терри услышал рядом визг тормозов и ругань таксиста.

Этот инцидент лишь на мгновение вывел его из глубокой задумчивости. Когда он готовил свой боккен для предстоящего боя, ему удалось увидеть тренировку Хидзёси по айкидо и каратэ. Терри был поражен его силой и ловкостью. Стало очевидно, что тот знал о тактике боя больше, чем инструктора Терри, хоть его заведение и получило репутацию лучшего не только в Америке, но и во всем мире. Этому способствовал тщательный отбор сенсеев. Его мастера были высочайшими знатоками всех стилей. Проходя толстые металлические двери Мичиты, Терри размышлял, говорить ли Винсенту о визите Хидзёси?

* * *

Выйдя из школы восточных единоборств, Элин решила пройтись по магазинам. Она пошла на Блуми Дэйл и купила несколько новых пар женского белья. Потом выбрала флакон одеколona, понравившегося ей, и зайдя в лавку, купила бутылку шампанского.

Было еще светло, когда она подошла к дому Терри. Убрав шампанское в холодильник, Элин бросила покупки на широкую кровать.

Затем Элин направилась в ванную, где разделась и уже готова была залезть в воду, но остановилась. Не прикрывая своей наготы, она вернулась в гостиную и включила приемник

на большую громкость, чтобы его можно было слушать в ванной.

Элин погрузилась в воду, слушая отдаленные звуки мелодии, и представила себя на тропическом острове, купающейся в голубой воде лагуны. Вода омывала ее волосы и тело, приятно ласкала кожу.

Элин вылезла из ванной, вытирая волосы полотенцем. В большом зеркале она самокритично рассмотрела свое обнаженное тело, которым гордилась по праву. Ее кожа за эти годы не потеряла гладкости и упругости. У нее была длинная и тонкая шея, изящные плечи, стройная талия и красивые округлые бедра. Ее мерно вздымающаяся грудь была по-прежнему высокой и упругой, соски темные и выпуклые. Но больше всего она гордилась своими ногами. Они были длинные, с узкими лодыжками и маленькой стопой. Элин любовалась своими подвижными мышцами, растирая полотенцем тело. Ее соски отвердели, и она почувствовала первый прилив страсти, когда полотенце коснулось низа живота и бедер. Элин любила руки Терри, не раз ласкавшие ее тело, они были такие мягкие, нежные, и знали ее самые возбудимые места. Она обожала заниматься любовью под медленную музыку, которая уносила ее куда-то ввысь. Представив себе, что Терри уже дома и готовит в гостиной шампанское и икру, Элин медленно терла полотенцем грудь.

Спустя некоторое время Элин вошла в спальню. Там она раскрыла свою сумку и достала флакон одеколона «Шанель» номер девять, открыла его и стала растирать свою кожу. Потом надела на себя новое белье, в котором Терри и должен был ее увидеть.

Элин повернулась к открытой двери и нахмурилась. На улице было совсем темно, ночь успела опуститься на город, пока она принимала ванну. Элин пожала плечами, медленно пересекла гостиную и остановилась возле двери. Вокруг дома колыхались неясные тени деревьев, работающие кондиционеры приносили различные запахи из соседних домов. Элин снова вернулась в спальню и стала шарить по стене в поисках выключателя. Но прежде чем она нащупала его, из другой комнаты послышались звуки пианино Манчини,

к которому вскоре присоединились барабаны и скрипки. Последним вступил саксофон, закричав почти человеческим голосом.

Элин посмотрела в сторону двери, но не смогла ничего разглядеть. Что-то или кто-то загородил ей обзор. Она сделала шаг вперед и вздрогнула, когда что-то обвилось вокруг ее правого запястья.

Закричав, Элин отпрянула назад. Она трясла рукой, пытаясь освободиться, но то, что схватило ее, следовало за ней молча и неотступно. Это что-то с такой силой сжало запястье, что Элин подумала — ее кости не выдержат.

— Что вам нужно? — сказала она в пространство. — Что вы хотите? — От испуга она не могла придумать другого вопроса. Ей казалось, будто сама ночь по какому-то волшебству превратилась в живое существо.

Пятясь, Элин уперлась ногами в край кровати, отступить было некуда, и она рванулась вперед. Она не верила ни в привидения, ни в духов, и готова была вцепиться зубами в то, что ее держало.

Элин почувствовала перед собой что-то плотное, но в тот же момент ее голова откинулась назад от удара, зубы сжались от боли.

Элин увидела лицо. Вернее, голову и тело, облаченное во что-то черное. Черная маска на лице оставляла открытыми лишь глаза. Эти глаза были в шести дюймах от нее. Они были мертвы.

— О, господи! — Она потеряла всякую надежду вырваться. Что-то по-прежнему сжимало ее запястье с силой, не свойственной человеку.

Его пальцы словно прорывали кожу и касались обнаженных костей. Неожиданно весь воздух вышел из ее легких, Элин почувствовала себя на дне океана. Легкие наполнились водой, смерть приближалась. Рот открывался в поисках спасительного воздуха. Она попробовала сглотнуть комок, застрявший в горле, и не смогла. Слезы навернулись на глаза.

Его лицо было теперь совсем близко, и она услышала дыхание. Элин ничего не чувствовала и ничего не видела; она не имела понятия, что чувствует он и чего хочет от нее. Она даже не могла повернуть голову. Все же Элин удалось восстановить дыхание. Она увидела перед глазами горную вершину на юге Японии, где была еще ребенком во время последних дней войны. Элин видела все так ясно, словно вновь очутилась в горах среди высоких сосен, шумевших от ветра.

Ее видение прервало какое-то резкое движение, шелковое белье треснуло, обнажая ее тело. Теперь Элин думала только о Терри, потому что была уверена — это ужасное существо изнасилуется, иначе зачем бы ему это.

Она ощутила его тело, оно не было ни горячим, ни холодным, а чем-то средним. Это была и не плоть, и не мрамор. Элин сомкнула ноги, переплетя лодыжки и все еще сопротивляясь. Она почувствовала, как рука схватила пучок ее густых волос и обвилась вокруг шеи, в то время как другая зажала ей рот. Ее мозг затуманивался по мере того, как в легких оставалось все меньше воздуха.

— Нет! Пожалуйста! Возьми меня, но не убивай! Не надо! Пожалуйста! — Все это Элин пыталась прокричать, но из горла вырывалось лишь бульканье. «Этого не должно случиться», — думала она. «Я не могу умереть. Не могу! Нет, нет, нет!»

И она боролась за каждый свой вздох.

Элин дралась, как тигрица, царапая его ногтями, своими коленями и бедрами она пыталась помешать его гнусным намерениям, но все было тщетно. Элин была беззащитна против него. Он был выше всего живого. Он был самой смертью. Последнее, что она увидела, прежде чем потерять сознание навсегда — был огненный шар луны, сиявший в окне.

* * *

Терри прощался с Винсентом через открытое окошко такси. Дневной дождь не принес облегчения городу, изнывающему от летнего зноя. Это напомнило ему Токио.

— Я позвоню тебе скоро, — сказал он Винсенту.

— Хорошо. Дай мне знать, если у тебя появится какая-нибудь идея. — Винсент облокотился на окошко.

Терри засмеялся.

— Мне все еще кажется, что вы с Ником делаете из мухи слона.

— Но ведь мы не придумали этот яд, Терри, — сказал Винсент серьезно. — И рану от катана тоже.

— Не знаю, приятель. В этом городе полно сумасшедших. Что здесь понадобилось ниндзя?

Винсент лишь пожал плечами.

— Ну вот, видишь?

— Эй, ребята, — проворчал шофер, оглянувшись. — Время — деньги, и я не собираюсь торчать здесь всю ночь. Если вы хотите поговорить, почему бы не сделать это на улице?

— О'кей, — улыбнулся Терри, — едем. — Он помахал Винсенту рукой, и машина отъехала от тротуара.

Сказав шоферу адрес, Терри откинулся на сиденье. Как бы то ни было, он не рассказал своему другу подробностей визита Хидэеси. Это дало бы Винсенту еще один повод, чтобы раздуть целую историю.

Терри поднимался по каменным ступенькам к дому, когда услышал знакомую мелодию Манчини, доносящуюся из две — рей. Он улыбнулся про себя, почувствовал теплоту и нежность. Элин любила Манчини.

Терри повернул ключ в замке и вошел.

Внезапно он понял, что должен идти в спальню. Осторожно прикрыл дверь и, оказавшись в полной темноте, стал красться через гостиную.

Терри почувствовал перемены в доме, хотя не слышал ничего, кроме музыки, и действовал соответственно. Маскировка, подумал он. Я должен был догадаться прежде, чем открыть дверь. Черт возьми эту музыку.

Терри уже на три четверти прошел путь до приоткрытой двери спальни, как вдруг последовала атака. В первую же секунду ему было нанесено четыре удара. Три из них он успешно блокировал, но пропустил четвертый, который угодил ему в правую почку. На мгновение его дыхание сбилось. Упав, он перекатился по полу, одновременно замечая тусклый свет, сочившийся из спальни, и почувствовал тяжелый запах пота.

Меч просвистел рядом с левым ухом, но Терри успел увернуться. Щенки от стола пронеслись по воздуху, словно пули. Он выбросил ноги вверх, ударяя одновременно обеими стопами. Затем вскочил на ноги и бросился к двери, нанеся еще один удар ногой назад.

Проскочив в дверь на полной скорости, он на ходу захлопнул ее.

— Время, — подумал он. — Мне нужно выиграть время.

Увидев изогнутую фигуру, лежащую одной ногой на кровати, Терри забыл про боль, словно ножом пронзившую его тело.

Лицо Элин находилось в тени, вокруг шеи волнами струились растрепанные волосы. Руки, закинутае за голову. Глаза Терри опустились к бедрам Элин, но никаких знаков насилия на ее теле видно не было.

Терри не надо было прикасаться к телу любимой девушки, чтобы понять, мертва ли она, но он все — таки склонился над ней, желая удостовериться сам в том, во что не хотел верить. Он держал ее голову в руках, пока за дверью не послышались шаги.

Терри встал и отошел к противоположной стене. Он снял меч со стены: звук обнажаемого лезвия был громким и пронзительным. Даже громче треска деревянной двери, сокрушаемой ударами каратэ.

Черная фигура появилась в проеме, держа в левой руке боккен; правая рука была пуста. Терри непроизвольно содрогнулся.

— Ниндзя, — прошептал он, едва узнав свой голос, переполненный ненавистью. — Ты выбрал смерть, ступив в этот дом.

Выскочив из-за кровати, Терри нанес сильный удар катана. В ту же секунду он осознал всю необдуманность своего движения, ведь у него не было ни твердой опоры, ни места для размаха.

Без усилий ниндзя избежал этого удара, даже не поднимая свой боккен. «Нет необходимости скрещивать мечи, — как бы говорил он. — Ты не достоин даже этого».

Ниндзя скрылся во мраке гостиной, и Терри ничего не оставалось, как преследовать его, мрачно отметив, что играет на руку противнику; условия, сопутствующие сражению, не менее важны, чем само сражение. Но он обнаружил Элин мертвой, его сердце колотилось, кровь бурлила в жилах. «Да черт со всем этим! — опрометчиво решил Терри. — Я смогу победить его при любых условиях».

В гостиной, где по-прежнему звучал Манчини, он уловил движение боккена и немедленно устремился туда.

Но ниндзя уже был готов к атаке, и Терри пришлось поднять катана, чтобы заблокировать удар. Такое положение совсем не располагало к защите, сильный удар пришелся прямо в незащищенную грудь. Словно взрывной волной его отбросило футов на пять. Грудь запылала огнем, боль прокатилась до самой челюсти. Он закашлялся.

Ниндзя снова атаковал. Терри инстинктивно поднял свой катана, хотя не был уверен в направлении удара; зрение отказывало ему.

Второй удар снова пришелся в грудь, и Терри отлетел назад, упав на одно колено. Катана в правой руке сразу потяжелел в несколько раз, дыхание сбилось, и он потерял ориентацию.

Третий удар обрушился на него, когда Терри, шатаясь, поднялся на ноги. На этот раз он уловил, что происходило, хотя и был отброшен к стене. Он услышал быстрее, чем почувствовал, треск, и ощутил, как повлажнела рубашка с левой стороны. Ребра, подумал Терри мрачно, его сознание было по-прежнему заполнено тем, что случилось с ним. Это смахивало на сон; реальность не могла быть столь фантастичной.

Следующий удар припечатал Терри к стене, катана выпал из его рук, сверкнув, как падающая звезда в небе. Он посмотрел вниз на свое тело и увидел осколки ребер, торчащие из прорванной плоти. Черная, как чернила, кровь хлестала ручьем.

Это было прямо из книги «Го Рин Но сё», тот самый классический удар, о котором писал Мусаси. Удар с левого плеча, наносящийся до тех пор, пока противник не будет мертв. Он хорошо знал его. Ниндзя тоже. Собственная жизнь мало беспокоила Терри теперь. Теперь, когда мертвая Элин лежала в соседней комнате. У него была одна цель — во что бы то ни стало убить это чудовище.

Терри с трудом двинулся вперед, тело отказывалось подчиниться. Заметив очередное движение ниндзя, Терри поднял перед собой руки, чтобы хоть как-то блокировать удар.

Это не дало никакого эффекта. Он снова отлетел к стене, крикнув от боли, его грудная клетка затрещала от последующих ударов чудовищной силы. Осколки костей пронзили тело, как шрапнель. Но мягкая музыка Манчии по-прежнему звучала в ушах, напоминая ему Элин.

Кровь хлынула изо рта, когда он позвал ее слабым голосом.

— Элин, — прошептал он. — Я люблю тебя... — Голова Терри поникла, глаза закрылись.

Ниндзя замер неподвижной тенью, глядя на распростертое у стены тело безо всяких эмоций. Некоторое время он прислушивался к посторонним звукам, потом, удовлетворенный, развернулся и молча пересек комнату. Из-под дивана он достал сумку, расстегнул молнию и аккуратно

положил туда свой боккен рядом с другим. Подхватив сумку, он не оглядываясь вышел из дома.

Позади него звучал Манчини, медленной и приятной мелодией оплакивая разбитую любовь. Глубокий вздох сорвался с губ Терри, выплеснув очередной поток крови. Он приподнял голову и слепо пополз в спальню, не понимая даже зачем, но твердо зная, что должен.

Дюйм за дюймом Терри подползал к телу Элин, где остановился, истекая кровью.

Перед его лицом болтался шнур, за который он потянул. Телефон свалился на левое плечо, добавив невыносимую боль его искалеченному телу. Трясущимся пальцем Терри медленно набрал семь цифр. Гудок в трубке прозвучал как отдаленный колокол.

Неожиданно ему показалось, что Элин очень далеко и что она нуждается в нем. Трубка выскользнула из его мокрых пальцев.

— Алло? — раздался в трубке мрачный голос Винсента. — Алло? Алло!

Но ему никто не ответил. Терри лежал, уткнувшись лицом в черные локоны Элин, его открытые глаза померкли, кровь струйкой стекала изо рта.

Музыка в гостиной смолкла.

Серые дома Манхэттена купались в вечернем июльском солнце. Стояла духота, Николас чувствовал, как припекает солнце, даже через тонкую ткань рубашки.

Мысли Николаса занимал звонок, который раздался прошлой ночью, Винсент был ужасно расстроен. Терри и Элин — убиты. Невозможно представить. Никто не мог прокрасться в апартаменты Терри незамеченным, так, чтобы тот не узнал об этом; его нельзя было застать врасплох. Но как тогда? Голос Винсента звучал безжизненно, и когда Николас начал его расспрашивать, он только и смог вновь назвать место встречи на Седьмой Авеню после прибытия дневного поезда.

В безоблачном небе по-прежнему ярко светило солнце. Мокрая рубашка Николаса прилипла к телу. Пальцами он пригладил волосы, сожалея, что не подстригся, тогда не было бы так жарко.

Встретить его должен был не сам Винсент, а детектив лейтенант Крокер. Лью Крокер.

Из плотного потока машин вынырнул длинный черный лимузин и остановился у тротуара напротив Николаса. Стекла автомобиля были затонированы и это мешало как следует рассмотреть сидящих внутри. Задняя дверца открылась, из машины высунулась фигура и кивнула ему.

— Садитесь, мистер Линер, — послышался низкий голос.

Пока Николас колебался, распахнулась передняя дверца, и загорелый мужчина в темно-синем костюме пригласил его в лимузин. Дверцы мягко закрылись, и шикарный автомобиль медленно влился в поток машин.

Внутри было просторно и тихо, хотя за окном шумел большой город. Сиденья были обтянуты серым вельветом, как в дорогом барс, мощный двигатель шумел едва слышно.

В лимузине сидело трое: шофер, рядом с ним человек в темно-синем костюме, а на заднем сиденье развалился

высокий, массивного телосложения мужчина, одетый в дорогой светлый костюм. Николас заметил, что под костюмом не было и грамма жира, у этого человека чувствовались стальные мускулы и широкая кость. А большая голова и выдающаяся вперед массивная челюсть придавали ему довольно агрессивный вид.

— Хотите выпить? — Здоровяк сказал это командным голосом, и мужчина в темно-синем костюме с готовностью повернулся к ним.

— Баккарди с лимоном, если можно. — Тут же синий костюм открыл маленький бар, расположенный прямо перед ним. Николас услышал, как в стакан упал лед. Он был спокоен, хотя до сих пор не имел понятия, кто эти люди, надеясь вывести их на разговор.

— Не очень-то вы похожи на свою фотографию, — сказал здоровяк тоном, не терпящим возражений.

Николас отхлебнул баккарди и нашел его недурным. Проглотив его, он сказал:

— Вы знаете обо мне больше, чем я о вас.

Здоровяк пожал плечами.

— Так и должно быть.

— Это ваша точка зрения.

— Существует только одна точка зрения, мистер Линер.

— И много вы знаете обо мне? — спросил Николас. Он был почти уверен теперь, — лицо здоровяка было ему знакомо.

Здоровяк повернулся и холодно взглянул на Николаса.

— Достаточно, чтобы захотеть поговорить с вами с глазу на глаз.

Это было то, что нужно.

— Сначала я не узнал вас, — сказал Николас. — Я никогда не видел вас без бороды.

Здоровяк улыбнулся и потер свои гладко выбритые щеки.

— Действительно, я изменился. — Затем с его лица исчезло всякое добродушие, оно стало словно высеченным из гранита, перемена была поразительной. — Зачем вам моя дочь, мистер Линер? — Его голос раздался, словно щелчок кнута.

— А что мужчина хочет обычно от женщины? — сказал Николас. — Только это, мистер Томкин. Ничего больше.

— Это не смешно, — сказал Томкин. Тон его голоса снова быстро и резко изменился, напомнив хамелеона, меняющего свой окрас. Теперь в нем чувствовалась сталь. — В любом случае, Юстина не обычная женщина. Она моя дочь.

— Так же вы, наверное, обращались и с Крисом в Сан-Франциско? — спросил Николас.

Томкин отвернулся к окну.

— Моя дочь, должно быть, полюбила вас. Она не была ни с одним мужчиной более нескольких дней. — После некоторого раздумья Томкин добавил: — У нее есть проблемы.

— Они есть у всех, мистер Томкин, — сухо ответил Николас. — Даже у вас. — Произнеся это, он пожалел о сказанном. Он был раздражен, что было плохим знаком.

— Вы необычный человек, — сказал Томкин. — Я много имел дел с японцами, но не встречал похожих на вас.

— Сочту это за комплимент.

Томкин пожал плечами.

— Как хотите. — Он нагнулся к небольшому ящичку, встроенному в сиденье, достал оттуда лист бумаги и протянул его Николасу.

— Вот, — сказал он, — что вы об этом скажете?

Это был лист японской рисовой бумаги, очень дорогой. Николас осторожно взял его. В центре листа чернилами был нарисован символ из девяти маленьких алмазов, заключенных в большой круг. Внутри круга была древняя японская идеограмма комусо.

— Ну? — нетерпеливо спросил Томкин. — Вы знаете, что это такое?

— Скажите, откуда это у вас. — Николас посмотрел в холодные глаза Томкина.

— Пришло по почте. Сначала я думал, что кто-то меня разыгрывает, но теперь... — Он пожал плечами. — Что это значит?

— Это герб, — просто сказал Николас. Он протянул листок Томкину, но тот не взял его, и Николас положил листок на сиденье. — Герб школы ниндзя. — Прежде, чем Николас снова успел открыть рог, Томкин уже обращался к синему костюму.

— Фрэнк, мне нужно в башню.

Фрэнк кивнул и что-то буркнул водителю. Лимузин повернул за угол и направился на восток. Когда они подъехали к Парк Авеню, то свернули налево, двигаясь к северу.

Сидя с Николасом, Томкин рассматривал листок рисовой бумаги так, будто в нем заключался смысл всей его жизни.

* * *

Примерно в то же время Винсент работал в комнате для вскрытия трупов. Он не был на дежурстве, когда привезли трупы Терри и Элин прошлой ночью, но тут же прибыл по звонку. Винсент не верил в случившееся и хотел убедиться сам, боясь ошибки. Они были мертвы. Вернувшись домой, Винсент провел беспокойную ночь.

На следующее утро Винсент снова был в морге. Он остановился перед металлическими дверями, ведущими в комнату для вскрытия. Он знал, что там лежит его друг Терри Танака, следующей будет Элин. Стоя в нерешительности, он думал о том, действительно ли хочет войти в эти двери. В его голосе пронеслись воспоминания, как они вместе с Терри мечтали о возвращении в Японию, и вот смерть разрушила их мечты. Винсент не мог понять, как такое могло случиться с

Терри, наверное, ради этого он и пришел сюда, хотя ему было очень тяжело.

* * *

Лимузин вынырнул из потока и остановился возле мостовой. Фрэнк вышел первым и открыл для них заднюю дверцу.

Они находились в районе новостроек, который был расположен несколько в стороне от главных улиц. Вокруг виднелись громады нескольких строящихся домов, они были в лесах. Возле одного из них стояла огромная бетономешалка, работал кран.

Фрэнк повел их внутрь одного из строений, через огромный вестибюль и длинный коридор, где запах свежей краски сразу ударил им в ноздри.

На лифте они поднялись на верхний этаж, там их встретил коренастый детина. Молча они пошли по широкому коридору.

Потолок и стены были покрашены в нежно-голубой цвет. Справа вся наружная стена от самого пола до потолка была сделана из стекла. Отсюда открывался великолепный вид Манхэттена на запад и юг. По другой стене располагался ряд деревянных дверей, за которыми находились отдельные кабинеты. Здесь было так же жарко и душно, как и на улице. От яркого летнего солнца было невозможно укрыться.

Томкин остановился перед металлической дверью и оглянулся, поднимая руку, будто собирался запеть арию.

— Ты видишь то же, что и я, Николас? — Он посмотрел в глаза Николаса. — Я могу называть тебя так. — Это не было вопросом, и он продолжал. — Знаешь, ведь я понятия не имею, сколько у меня денег. Конечно, я мог бы нанять целый штат, чтобы подсчитать их. Но все равно, сумма будет такой большой, что и подумать страшно. — На его лице появились капельки пота. — В мире нет ничего, что я не мог купить, если бы захотел. Ты веришь мне? — Его голос стал резким, на лбу

обозначилась синяя жилка. — Да, я могу купить все, что ты видишь отсюда, но хочу только одного — чтобы у Юстины было все самое лучшее, чтобы оно было у обеих моих дочерей. У Юстины проблемы во взаимоотношениях с мужчинами, а Гельда развелась со своим четвертым мужем и снова запила. Мне приходится вмешиваться в их жизнь.

— Юстина, кажется, вовсе не нуждается в ваших заботах, — сказал Николас.

— У нее нет выбора, — рявкнул Томкин. — Я все еще ее отец, чтобы она ни говорила другим. Я люблю ее. Люблю их обеих. Все мы срываемся так или иначе, но их проблемы волнуют меня, как ничто другое.

— Послушайте, мистер Томкин...

— Не заводись, Николас. — Он выплевывал слова, как будто они жгли ему рот. — Конечно, ей не понравилось, когда я вмешался в ее жизнь два года назад. Но что она знает о моей жизни? — Он покачал головой. — Она повсюду таскалась с этим ублюдком Крисом, будто он Бог.

— Она говорила мне... — начал Николас.

— А она говорила тебе о том, что он педераст? О том, что он любил мужчин больше, чем женщин? О его причудах? О том, что он связывал ее и бил, прежде чем положить в постель? Рассказывала она тебе что-нибудь из этого? — Его лицо побагровело от стыда и злобы.

— Нет, — сказал Николас тихо. — Не говорила.

Томкин рассмеялся.

— Я был уверен, что нет. — Его шея вытянулась вперед, он стал похож на охотничью собаку, принявшую стойку.

— Вы могли бы не говорить мне этого, — сказал Николас. В его голосе чувствовалось раздражение.

— В чем дело? Тебе стало не по себе? — Томкин самодовольно улыбнулся. — Теперь она вызывает у тебя отвращение, после того, как ты узнал о ней правду? Ты ненавидишь себя за то, что связался с ней?

— Для меня не имеет значения ее прошлое, — произнес Николас медленно. — Каким бы оно ни было, это не повлияет на наши взаимоотношения. — Он посмотрел на вспотевшее лицо Томкина. — Я знаю, что за человек Юстина, Томкин. Но думаю, что вы этого не знаете.

Глаза Томкина, казалось, готовы были выскочить из орбит. Затем, неожиданно, он взял себя под контроль, от злости не осталось и следа. Он улыбнулся, похлопав Николаса по спине.

— Я хочу, чтобы ты работал на меня, — просто сказал Томкин, — хочу, чтобы ты был в курсе всех событий. Я все знаю о якудза. Но я ничего не знаю о ниндзя, а когда я что-то не знаю, то обращаюсь за помощью к специалистам. — Он ткнул пальцем в грудь Николаса. — Ты ведь знаток этих ублюдков, не так ли?

— Можно сказать.

— Тогда я хочу нанять тебя: узнай, что все это значит. — Он протянул листок рисовой бумаги с гербом ниндзя. — Забери эту чертовщину. Мне она не нужна.

Николас не двинулся с места.

— Когда вы это получили? — спросил он.

— Около недели назад, как я уже сказал, по почте.

Николас задумался. Это не могло быть чистым совпадением. Тело Барри было найдено примерно в то же время. Значит, Томкин был очередной целью ниндзя.

— Я думаю, что это предупреждение о смерти.

Томкин даже не моргнул.

— Точно. Это случилось раньше.

— Но не от ниндзя.

— Нет, — согласился Томкин. — Но я тебе уже говорил, что имел неприятности с якудза.

— Это совсем другое.

— Ты думаешь? Ему никогда не добраться до меня.

— Существуют тысячи разных способов, но не тратьте время зря в поисках способа, которым воспользуется ниндзя. Вам никогда не удастся его найти.

— Ты говоришь это для того, чтобы возвысить себя в моих глазах, прежде чем начнешь у меня работать?

— Я не сказал, что согласен на эту работу.

Томкин пожал плечами.

— Как хочешь. У меня есть Фрэнк и Уисл. Я не беспокоюсь.

Николас даже не взглянул на них.

— Томкин, если ниндзя решил тебя убить, то он сделает это, не заметив даже присутствия телохранителей.

— Как я уже сказал, это лишь твоя уловка.

— Это не уловка. Вы узнаете, что я прав, но, может быть, слишком поздно. Я не вмешиваюсь...

Он пропустил сигнал, и они были уже возле него, по обеим сторонам. Руки Фрэнка сжались в кулаки, Уисл выхватил револьвер. Это был укороченный револьвер 38 калибра, не так хорош на большом расстоянии, но смертоносен с пятидесяти ярдов.

Револьвер Уисла находился в горизонтальном положении, указательный палец скользнул к курку. Николас шагнул вперед, нанося правой ногой удар в подъем ноги телохранителя и одновременно ударяя ребром левой руки по револьверу. Грянул выстрел, и нуля срикошетила по стене, оставив глубокую царапину на голубой краске.

Уисл уронил револьвер и нанес правой рукой удар в брюшную полость Николаса, вытаращив глаза, когда его рука остановилась на полпути, словно наткнувшись на невидимый барьер. Уисл скорчился от боли, повернувшись вокруг своей оси. В то же мгновение Николас ударил его левой рукой в солнечное сплетение, и тот рухнул, теряя сознание.

Фрэнк не пробовал выхватить револьвер, он пытался атаковать, выставив вперед руки.

Николас стоял неподвижнее наблюдая за противником. Времени было достаточно. «Он левша, — подумал Николас, — и ожидает приемов каратэ».

Николас без труда отвел смертельный удар Фрэнка. Томкину, который с интересом наблюдал за схваткой со стороны, показалось, что Николас вовсе и не сделал никакого движения, а лишь чуть ткнул локтем в грудную клетку Фрэнка. Фрэнк упал, как подкошенный, на свежеевыкрашенный пол.

— Я знал, что ты хорош в этом! — воскликнул Томкин возбужденно. — Знал. Об этом говорили донесения, хотя им не всегда можно верить. — Он посмотрел на два неподвижных тела. Томкин поднял глаза и протянул руку. — Рад работать с тобой, Ник.

Николас посмотрел ему в лицо и двинулся по коридору к лифту.

— Я уже сказал вам, что не собираюсь работать на вас. — Он нажал кнопку. Лифт зашумел. — Вы не уважаете людей. — Томкин подошел к нему, перешагнув через распростертые тела.

— Это не так.

— Так. Я не хочу быть марионеткой. Теперь я понял поступок Юстины. Я же вам ничем не обязан, Томкин. На меня у вас нет никаких прав.

Двери лифта открылись, и Николас вошел внутрь.

— Обождите минуту, Ник, — Томкин вытянул руку.

— Не звоните мне. Я сам позвоню.

Двери начали закрываться, когда Николас нажал кнопку первого этажа, но Томкин рванул вперед, задержав двери руками. Его глаза сверкали.

— Ты ничего не забыл? — выпалил он. — Под угрозой не только моя жизнь, но и жизнь моих дочерей. Ты ведь не хочешь, чтобы этот сукин сын поднял руку на Юстину? Не хочешь? Подумай об этом, — сказал он резко и отпустил двери.

Спускаясь в лифте, Николас вспомнил ту ночь, когда в окно кухни влетел труп животного. Красная кровь и черная туша. Ниндзя хотел посеять ужас, который был одним из его оружий. Идеограмма комусо тоже служила для этой цели.

На улице он увидел темноволосого мужчину с широкими плечами и помятым лицом, чем-то походившего на ковбоя. Он стоял возле белого «форда». На крыше автомобиля не было красного фонаря, но и без того Николас понял, что это полицейская машина. Он узнал лицо человека. Это был детектив, лейтенант Лью Крокер. Он хотел позвонить лейтенанту Рэю Флоруму, полицейскому западного побережья Бриджа, но Юстине это вряд ли поправилось бы. Вместо этого Николас набрал номер доктора Дифорса и проговорил с ним несколько минут. Тот согласился присмотреть за Юстиной.

— Линер, — сказал Крокер, когда Николас подошел к машине, — какие у тебя к дьяволу дела с Рафаэлем Томкиным? — Он ковырял в зубах спичкой.

— Привет, лейтенант, — кивнул Николас.

— Кончай свой диалог и полезай в машину, — сказал Крокер, садясь за руль. — Нам еще нужно кое-что сделать.

Николас открыл дверцу и влез в автомобиль. Как только его нога поднялась с асфальта, машина рванула с места.

— Твой приятель Ито дал тебе какие-нибудь инструкции? — спросил Крокер. Он стал пробиваться через поток машин, направляясь вдоль Парк Авеню.

— Томкин подобрал меня, пока я ждал тебя.

Крокер фыркнул.

— Неужели мама не говорила тебе никогда не садиться в машины, полные пассажиров? Господи! Что нужно было от тебя этому засранцу?

— Я не хочу отвечать.

Крокер повернул голову, не обращая внимания на плотное движение, и посмотрел на Николаса.

— Послушай, приятель, не зли меня. Если я спрашиваю о Рафаэле Томкине, значит, это действительно меня

интересует. — Крокер зло крутанул руль, и они помчались по другой улице.

— Я познакомился с его дочерью, — сказал Николас. — А он хотел избавить ее от меня.

Крокер ударил по баранке ребром ладони.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Черт возьми! С которой из них?

— Что с которой?

— Дочерью, Линер. С какой из дочерей ты познакомился? С Гельдой, или с этой сумасшедшей — как ее имя?

— Юстина.

— Да. Никак не могу его запомнить. — Крокер пожал плечами. — Она слишком прелестна для Томкина. — Он повернул голову и сплюнул через открытое окно. — Я разговаривал с ней пару месяцев назад. Вообще-то она из тех, кого трудно забыть.

— Да, — сказал Николас. — Она красива. — Ему захотелось сейчас быть с ней, вместо того чтобы — ехать в душном автомобиле в морг. «Черт возьми этого Томкина!» — подумал он раздраженно.

— Как тебе удалось найти меня? — спросил Николас.

Крокер пожал плечами.

— Я приехал на вокзал как раз тогда, когда ты садился в лимузин и узнал всезнайку Фрэнка.

Николас ухмыльнулся.

— Он и Уисл пытались отбить у меня охоту говорить лишнее.

Крокер взглянул на него.

— Не похоже, чтобы они побеспокоили тебя.

— Мне нужно было уйти.

Крокер запрокинул голову и рассмеялся.

Заскрипев тормозами, машина остановилась возле главного входа медицинского управления. Они вошли в здание, где Крокер показал свой значок дежурному полисмену. Тот кивнул и сказал:

— Доктор Ито уже в морге.

В одной из дверей показался Винсент. Он был в зеленом медицинском халате с завязками на спине.

— Привет, Ник, — сказал он мрачно, пожал руку Крокеру, и все вместе они прошли в морг, где вскрытие уже началось. Винсент описал детали, которые обнаружил.

— Убийца был необычным человеком, — заключил он. — Смотрите, как разворочено солнечное сплетение и ребра.

— О боже, — сказал Крокер. — Я никогда не видел ничего подобного. Его как будто избили бейсбольной битой.

Винсент покачал головой.

— Нет, лейтенант. Это удары человеческих рук.

Крокер фыркнул.

— Чепуха! Человеческие руки не могут нанести таких ран за короткий период времени. Кулаки того, кто это сделал, должны были быть, как молот.

— Это не кулак, — сказал Винсент.

Крокер уставился на него.

— Не уверен, что понимаю вас, доктор.

— Лейтенант, — сказал Николас. — Терри был сенсей, мастер кендзюцу, каратэ и айкидо. Ни один человек не смог бы приблизиться к нему, если только...

— Если только что? Я хочу услышать все до конца, — скрестив ноги, Крокер прислонился к косяку двери.

— Существует техника кендзюцу, разработанная и описанная Миямото Мусаси, великим японским фехтовальщиком. Она называется Удар Телом. Используя одно плечо...

— Тогда этот парень, должно быть, похож на танк, — сказал Крокер.

— Напротив, — возразил Николас, — его торс может быть намного меньше, чем, скажем, у Винсента. Мы говорим не столько об обыкновенной физической силе, лейтенант, сколько о силе внутренней.

— Послушай, Линер, единственную «внутреннюю силу» я видел в фильме «Кун Фу», но я не верю в эту чушь.

Николас улыбнулся.

— Тогда нам придется начать твоё обучение, лейтенант.

— Катана Терри, — вмешался Винсент, — лежал почти возле него.

— Да, — сказал Крокер. — Но на нем не было следов крови. Никакого другого оружия найдено не было. Дьявол. Я ничего не понимаю.

Николас засмеялся.

— Не думаю, что все можно объяснить за несколько минут.

— Хорошо, у меня вагон времени. — Крокер достал спичку и сунул ее в рот. — Я давно не ел. Что, если мы обсудим это за обедом?

* * *

Распрощавшись со своим последним пациентом, Дифорс покинул кабинет и выехал на побережье. Он постоянно связывался с Рэем Флорумом, но дело о двойном убийстве не продвинулось ни на йоту.

Мысли о ниндзя не покидали его всю дорогу до дома Юстины. Его терзали ночные кошмары. В своих снах он постоянно возвращался в непроходимые джунгли Филиппин, воспоминания мучили доктора.

Припарковав машину возле дома, он поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Позади него шумел океан.

Визжали дети, когда их окатывали прохладные волны. Пляж пестрел загорелыми телами в ярких купальных костюмах.

Юстина открыла дверь и улыбнулась.

— Привет. Что привело тебя сюда?

— Ничего особенного, — солгал доктор Дифорс. — Я ехал мимо и решил зайти. Мы не виделись с начала лета.

Юстина засмеялась и отошла в сторону, пропуская его в дом.

— Хочешь выпить? — спросила она. — Джин и тоник?

— Хорошо бы.

Юстина ушла на кухню.

— Здесь очень спокойно, — сказал Дифорс. — Тебя кто-нибудь навещал?

— Что? — переспросила она, кладя в стакан лед. — Я не слышу тебя.

Дифорс прошел в кухню.

— Тебя кто-нибудь навещал?

Юстина протянула ему стакан и стала готовить себе коктейль.

— Только Николас. — Она отпила из стакана. — Я люблю покой и всегда чувствую себя неуютно среди большого количества людей. — Они прошли в гостиную и сели на диван. — На работе совсем другое дело. Я не люблю смешивать эти два понятия.

Доктор Дифорс кивнул.

— Понимаю тебя, я тоже не люблю этого.

Юстина посмотрела на него поверх стакана.

— Скажи, док, — сказала она. — Ты ведь пришел не просто так?

— Я пришел провести тебя.

— Я не больна, — возразила она.

Доктор Дифорс улыбнулся.

— А я ничего и не говорю. Это не деловой визит.

— Вижу. — Ее взгляд пронзал насквозь. — Тебе звонил Николас?

Он облегченно рассмеялся.

— Знаешь, ты напоминаешь мне Кэти, мою младшую. Она ничего не упустит. — Он кивнул. — Ник звонил сегодня утром.

— Лучше бы он позвонил мне.

— Ему сейчас нелегко.

Юстина покачала головой.

— Они ведь были его друзьями. Я не хочу навязываться ему, у каждого из нас своя жизнь.

* * *

— Девушки позаботятся о вас, месье. — Метрдотель махнул рукой в сторону крутой и темной лестницы..

На втором этаже был занят только один столик возле двери. Задняя часть комнаты находилась как бы на возвышении, позади которого шел ряд окон.

Две девушки-официантки были очаровательны. В темных блузках и коротких юбках они говорили с едва заметным акцентом.

Крокер направился к столику возле окна, одна из официанток тут же подошла к ним и протянула меню.

— Как давно ты знаешь Танака? — спросил Крокер. Глазами он пробежал меню.

— Около шести лет, — сказал Николас. — Мы познакомились в школе кендзюцу.

— Здесь?

— Да. Я до сих пор ее посещаю. После обеда я могу тебя туда сводить.

— Начало моего обучения? Хм-м, думаю, что закажу мясо и яичницу.

Девушка поставила на стол их выпивку, кир для Николаса и майерский ром для Крокера. Крокер сделал заказ, Николас заказал то же самое. Когда девушка ушла, он продолжал:

— А где Танака достал средства для содержания школы?

— Наверное, заработал. — Николас отхлебнул из стакана. — Кажется, у него было немного денег, когда он приехал сюда. Его мать кое-что оставила ему после смерти.

— Сколько?

Николас пожал плечами.

— Понятия не имею. Его семья считалась состоятельной, но в ней было девять детей.

— И где же они?

— Насколько я знаю, в Японии. Терри был единственный, кто уехал.

— А его отец?

— Убит во время войны.

— Хм-м. — Крокер наморщил лоб. — И все-таки для открытия школы нужна была немалая сумма.

— К чему ты клонишь?

Крокер пожал плечами и отхлебнул из стакана.

— Он мог взять заем, но был не в силах расплатиться.

Николас покачал головой.

— Терри выплатил последний взнос еще девять месяцев назад. Школа процветает.

— Кто-то там занимается?

— Еще как. Лейтенант...

Крокер предупреждающе поднял ладонь.

— Я просто рассматриваю все возможные обстоятельства. Ты уверен, что он был честным человеком? Ты ведь не мог находиться рядом двадцать четыре часа в сутки.

— Это не обязательно. Я знал его. Поверь мне, Терри не занимался ничем противозаконным.

— Значит, мы по-прежнему топчемся на месте. — Он принялся за еду.

Николас сидел неподвижно. На шее сильно пульсировала вена, в голове будто пронесся смерч. Голос предков призывал к мести. Его пальцы под столом стали твердыми, как ножи, мускулы — крепче стали. Он превратился в живую машину-убийцу.

Крокер посмотрел ему в глаза.

— Твоя еда остывает. — Он снова принялся за обед, не подозревая о перевоплощении своего собеседника.

— Идем, — сказал Николас, поднимаясь. — У нас есть дела, не терпящие отлагательств.

* * *

Двенадцать человек в белых штанах и рубашках стояли друг против друга, в руках каждого была деревянная палка. Крокер принял бы их за мечи, если бы не полное отсутствие на них режущих кромок и острия. Все эти люди были японцами, большинство примерно в двадцатилетнем возрасте, хотя Крокер видел одного подростка и двоих, кому было явно за сорок.

Человек в сером кимоно стоял между двумя группами из шести человек. Он был невысокого роста и полностью лысый, что затрудняло определить его возраст. Крокер решил, что ему где-то между сорока и пятьюдесятью. Человек вскрикнул, и обе группы атаковали друг друга деревянным оружием.

— Это класс кендзюцу, лейтенант, — сказал Николас. — Лучший на Западе и один из лучших на Востоке.

Крокер восхищенно наблюдал за борьбой, прерываемой теми же пронзительными криками. Но все приемы исполнялись в таком медленном темпе, что ему казалось, — их едва ли можно использовать в настоящей драке.

Прозвучал звонок, и по отрывистой команде сенсея бойцы разошлись, подняв свои деревянные мечи. Затем некоторые из них сели в позу лотоса, другие остались на своих местах.

Николас повел Крокера по отполированному полу к тому месту, где стоял мастер кендзюцу. Он поклонился и что-то сказал тому на японском, сенсей ответил и протянул руку Крокеру.

Крокер пожал ее. Рука была тверда, как сталь. Учитель улыбнулся.

— Это Фукасиди, — сказал Николас Крокеру. — Тебя я уже представил.

Крокер отпустил руку сенсея и сказал:

— Что теперь?

— Смотри, — сказал Николас.

Фукасиди повернулся налево и что-то отрывисто произнес. Один из учеников подошел к ним. Он поклонился Николасу, протянув ему деревянный меч. Фукасиди о чем-то бегло переговорил с учеником, и тот кивнул.

Ученик был высокий и статный, с жесткими чертами лица и быстрыми умными глазами. Он и Николас встали друг против друга, чуть согнув колени и держа наготове свои деревянные мечи.

— В кендо существуют пять разных позиций, — сказал Николас Крокеру, не отрывая взгляда от ученика. — Три из них основные, две другие используются по обстоятельствам. Эти пять элементов считаются главными в кендзюцу, лейтенант.

С этими словами он атаковал противника с такой скоростью и силой, что Крокер даже подскочил от неожиданности.

— Атака из средней позиции, — сказал Николас и повторил свои движения медленней. Он поднял свой меч так, чтобы его «острие» смотрело в лицо противнику. Тот немедленно атаковал, но Николас, сделав едва уловимое движение, отбил меч противника вправо.

Николас замер с мечом, поднятым высоко над головой, в верхней позиции. Ученик вновь атаковал, и в то же мгновение Николас нанес удар.

Николас опустил меч вниз. Противник, наступая, поднял меч для замаха, но Николас парировал удар и тут же нанес удар по руке соперника.

Ученик снова атаковал, нанося удар справа. Николас держал меч слева, чуть ниже пояса. Парировав выпад, он нанес ответный удар по плечу.

Тогда ученик атаковал его сверху. Блокируя, Николас нанес «смертельный» удар в голову противника.

Они разошлись, поклонившись друг другу.

— То, что ты видел, — сказал Николас, повернувшись к Крокеру, — это основа кендзюцу.

— Но ведь вы используете деревянные мечи, — удивился Крокер. — Ими нельзя нанести вред...

— Напротив, боккен так же смертоносен, как и катана.

В то же мгновение он развернулся, каким-то образом почувствовав атаку ученика и учителя одновременно. Ученик сразу же был обезоружен ударом Николаса, который тут же начал сражение с Фукасида. Все это произошло за какие-нибудь десять секунд, Крокер едва успел оценить ситуацию.

Клацанье боккенов наполнило комнату. Крокер внимательно наблюдал за схваткой, но не мог уловить отдельных движений, настолько они были быстры.

Меч Фукасида с силой обрушился на меч Николаса, поднятый вверх. Николас не дрогнул, сенсей легко отскочил назад, готовясь к следующей атаке. В тот же миг Николас сделал стремительный выпад и «острие» его меча коснулось кончика носа учителя, Фукасида не остался в долгу — его

кулак замер у лица Николаса. Обменявшись «смертельными» ударами, они разошлись и поклонились друг другу. Дыхание обоих было спокойным, будто и не было той стремительной схватки.

* * *

Доктор Дифорс ушел. Юстина сидела над своим мольбертом, пытаясь сделать набросок, который ей не удавался уже четвертый день. Она раздраженно отбросила карандаш и смяла очередной лист бумаги.

Юстина отправилась на кухню и приготовила себе сэндвич с рыбой. Она жевала его, не чувствуя вкуса, думая о своей неудачной работе. Прожевав последний кусок сэндвича, запила его апельсиновым соком.

На ней был купальный костюм. Взяв полотенце, Юстина отправилась на пляж. Там она уронила полотенце на песок и с разбегу бросилась в прохладные воды океана. Темные волны сомкнулись над ее головой. Вынырнув на поверхность, она поплыла, сильно загребая ногами и руками, чувствуя силу в мышцах плеч и бедер.

Юстина думала о Николасе и, несмотря на слова Дифорса, собиралась в город. Николас давно не звонил, наверное, был очень занят, но она не могла так больше. Она хотела его увидеть и ничего ей было с собой не сделать. Заплыв довольно далеко, Юстина повернула и поплыла к берегу.

Неожиданно она почувствовала у ног странное завихрение воды и сильный толчок. Ей захотелось кричать от ужаса, но она вовремя одумалась. Что-то сильно потянуло ее за собой, разворачивая вокруг оси. Юстина едва успела сомкнуть зубы, как ушла под воду. Она была прекрасным пловцом, и ей нужно было только вынырнуть на поверхность.

Юстина гребла изо всех сил, но все было тщетно, что-то невидимое тащило ее вниз, ноги были словно обвиты щупальцами гигантского морского чудовища.

На какое-то мгновение ей удалось высунуть на поверхность голову, она глотнула воздух вместе с водой и, закашлявшись, снова погрузилась с головой.

Юстина начала паниковать. В животе появилась какая-то боль, она уже едва могла шевелиться, сопротивляясь все слабее. Почему она не закричала, когда вынырнула на поверхность? Юстина пыталась вынырнуть снова, но бесполезно. Она тонула. Чем ближе было темное дно, тем мрачнее становилась окружающая тишина. Ее по-прежнему сковывал ужас, когда завихрение воды вдруг исчезло. Юстина вынырнула на поверхность и медленно поплыла к берегу.

Легкие горели, левую ногу сковала судорога. Достигнув берега, она поползла, как краб. Юстина попыталась встать на ноги, но левая нога не слушалась, и она упала на песок.

Сквозь шум прибоя Юстина услышала приближающиеся голоса. Сильные руки подхватили ее.

— С вами все в порядке?

Юстина попыталась кивнуть, но ее легкие работали с каким-то клокотанием, воздуха по-прежнему не хватало. Юстина попробовала поднять руки, однако они лежали неподвижно, словно принадлежали кому-то другому. Силы покинули ее.

— Спокойно, — сказал чей-то голос. — Спокойно.

Юстина закрыла глаза, дыхание медленно возвращалось.

— Надо позвать доктора.

— Со мной все в порядке, — сказала она. Ее голос звучал странно.

— Он будет с минуты на минуту.

Юстина открыла глаза и увидела доктора Дифorsa, склонившегося над ней. Рыдая, она бросилась ему на грудь.

* * *

— Не знаю, Ник, мне кажется, что я здесь уже сотни лет. — Винсент посмотрел на расколотый орех, который держал в руках. — Это смешно, но Токио для меня лишь мечта, и ничего больше.

— Тебе нужно хотя бы съездить туда в отпуск.

— Возможно, что и съезжу. — Он бросил кусок ореха в рот.

Они спустились по каменным ступеням, ведущим в Центральный зоопарк, и шли мимо клеток, чувствуя своеобразный запах животных.

Винсент мельком взглянул на Николаса и продолжал молча идти, засунув руки в карманы. Они были возле башни с часами, где каждый час танцевали фигурки животных.

— Я никому не говорил об этом, даже полиции. В ту ночь, когда убили Элин и Терри, мне позвонили, не ответив. — Он посмотрел на Николаса. — Чем больше я об этом думаю, тем становлюсь все более уверен, что слышал в трубке какую-то музыку.

— Ты помнишь, какую?

— Похоже, что это был Манчини. — Ему не стоило добавлять, что Манчини был любимым композитором Элин.

Винсент вздрогнул.

— Будто Терри позвонил мне из могилы. — Он торопливо поднял руку. — Я знаю, знаю, и не верю в подобные вещи. Но черт возьми! Он словно хотел мне сказать, кто это сделал.

— Ты имеешь в виду, что он знал убийцу?

Винсент пожал плечами.

— Может быть, я придаю этому слишком много значения. Не знаю. Мне просто хотелось бы, чтобы ты находился в городе в ту ночь. Господи, они ведь были и твоими друзьями тоже!

Николас ничего не ответил, он смотрел на смеющихся детей, думая о том, что Винсент как никогда прав. Они были его друзьями.

Винсент тронул его за руку.

— Прости, приятель, — сказал он. — Я сам виноват. Ты сам видишь — я на взводе. — Он улыбнулся. — Послушай, Крокер пригласил меня на обед. Почему бы тебе не присоединиться к нам?

— Хорошо, — кивнул Николас. — Я пойду.

Винсент посмотрел на часы.

— Мне пора в управление. Увидимся позже.

В поисках телефонного автомата Николас вышел на Пятую Авеню. Позвонив Юстине, он услышал голос доктора Дифорса.

— В чем дело? — спросил Николас. Его сердце тревожно забилося.

— Несчастный случай. Ничего серьезного. Но думаю, что тебе надо приехать, если ты не очень занят.

— Что случилось?

— Юстина попала в водоворот. С ней все в порядке.

— Ты уверен, что это был водоворот?

— Конечно. А что ты имеешь в виду?

— Вокруг находились люди? Никто не видел ничего подозрительного?

— Там было много людей. Ей помогли выбраться на берег. Никто ни о чем другом не упоминал.

— Ты можешь побыть с ней, пока я не приеду? Я выеду первым же поездом. — Он взглянул на часы.

— Конечно. В управлении знают, где я. Но в случае экстренного вызова...

— Я понимаю. Док, скажи ей, что я скоро приеду.

— Как только она проснется. Не беспокойся.

Николас повесил трубку и взял такси до станции Пенн.

Там он купил билет на поезд, который отправлялся через двадцать пять минут. Он позвонил Томкину. Долго не

отвечали.

— Николас? — Раздался хриплый голос.

— Я рад, что ты позвонил. Ты подумал о моем предложении?

«Скотина, — расстроился Николас. — Какое скотство вовлекать, в это Юстину, но, впрочем, ничего нельзя поделать». Он успокоил сам себя и сказал в трубку:

— Да, я все обдумал и начну работать на тебя с сегодняшнего дня.

— Хорошо. Почему бы тебе не приехать в башню...

— Нет. Я на станции Пенн. Ближайшим поездом я выезжаю на Остров.

— Я не понимаю...

— Необходимо кое-что сделать. Там Юстина.

— Ясно.

— Надеюсь, что так, — сказал Николас мрачно. — Я свяжусь с тобой завтра.

* * *

Человек работал. Он поступил на работу в Любин Брос неделю назад. Сначала он работал на Ральф Авеню, но затем был переведен в Парк Авеню, где Томкин учредил дополнительную плату, чтобы все вакансии были заполнены.

Этот человек безукоризненно выполнял любую работу, которую получал. Он был хорошим работником, мало говорил и его никто не замечал.

Этой ночью он находился в здании Актиум Хаус, когда в десять минут четвертого к дому подкатил лимузин Томкина. Страдая бессонницей, он часто проводил остаток ночи у себя в кабинете в новом здании.

Мощные фары осветили стройку и погасли, когда водитель поставил машину на стоянку. Мотор заглох.

Человек знал все последующие действия шофера, но на всякий случай подождал еще час после того, как водитель оставил машину. Времени было достаточно. Оно могло быть и другом, и врагом, смотря как к нему относиться. Человек уважал время и никогда не проявлял нетерпения.

Наконец он вышел из укрытия и тенью скользнул к лимузину. За считанные секунды задняя дверь лимузина открылась и закрылась снова. Хирургическим скальпелем он сделал Т-образный надрез на обивке заднего сиденья и сунул туда маленький круглый предмет диаметром не больше дюйма. Затем аккуратно заклеил надрез, будто его и не было. Следующим объектом его внимания стал телефон. Вскрыв коробку, он сунул внутрь телефона другой предмет. Установив все на место, человек выскользнул из лимузина и через двадцать секунд уже шел по Пятдесят Первой улице. В лимузине он пробыл всего девять минут.

На следующий день, во время ленча, этот человек поднялся в лифте на этаж ниже кабинета Томкина. На стенах лежала совсем еще свежая штукатурка. Коридоры пусты, но он был очень осторожен и не раз прислушивался к звукам в здании.

Он не боялся быть узнанным. Грим скрывал его настоящее лицо. В школу Терри Танаки он входил, имея другую внешность. Он немного ссутулился и шел, прихрамывая, как будто одна нога была короче другой. Для этой цели каблук правого ботинка был на дюйм выше левого.

По пожарной лестнице он поднялся на следующий этаж. Здесь народу было больше. Весь штат Томкина находился здесь. «Тем лучше», — подумал незнакомец.

Служащие только что закончили ленч и возвращались на свои рабочие места, человек как раз вовремя присоединился к ним. Он прошел под внимательным взглядом Фрэнка, который стоял около металлической двери кабинета Томкина. Это была самая сложная часть задания. Нужно было сделать то, что он задумал, на глазах у всех.

Незнакомец держался невозмутимо, будто знал, куда направляется и что делает, и никто не обращал на него

внимания. Он изучал интерьер, все закоулки и щели, открытые и закрытые пространства, расположение выключателей и электрических ламп. Кто знает, что может пригодиться. Иногда тщательно запланированные дела срывались по какому-нибудь пустяку, из-за самого незначительного упущения.

В половине второго он закончил и вместе с рабочими направился к лифту, из которого в этот момент появился Томкин, в сопровождении Уисла.

Человек замер на мгновение, его безжизненные глаза засверкали. «Так можно все сделать гораздо проще», — подумал он. Уисл и этот здоровяк умерли бы в один миг. Он любил так убивать; это его веселило. Но такой способ менее элегантен и наверняка нагонит на Томкина меньше ужаса из-за слишком быстрой смерти. Интересно, о чем Томкин подумал бы в эти короткие мгновения. О Боге? Забвении? Дьяволе? Незнакомец по инерции пожал плечами. Он не мог понять этих западных жителей. Для него существовала карма. Когда-то он умрет, но в предписанное время оживет в новом облике и с кармой, обусловленной прошлыми волевыми действиями.

Он не отказывался от убийства Томкина, но это была вторая половина плана. В этот раз он пришел, чтобы все осмотреть, но ему представился такой случай, упустить который было бы настоящим преступлением. Такой возможности ему, может быть, больше не представится никогда. Он мог бы сделать это, и сделать хорошо, но не стал.

В конце концов незнакомец тяжелым взглядом долго смотрел в сторону Томкина, который, ни о чем не подозревая, прошел в нескольких дюймах от собственной смерти, затем незнакомец спустился по пожарной лестнице на нижний этаж.

* * *

Николас глядел на часы. До отправления поезда оставалось пятнадцать минут. Он направился на перрон, но потом передумал и вернулся к телефонному автомату.

— Да, — ответил мрачный голос.

— Это Николас Линер, лейтенант.

— Что случилось?

— Я возвращаюсь на Остров. С Юстиной произошел несчастный случай. — В трубке воцарилось молчание. Николас осматривался по сторонам. — Крокер, за мной следят.

В трубке слышалось лишь тяжелое дыхание Крокера.

— С чего ты взял? — наконец спросил Крокер.

— Ты не поверишь, если скажу.

— Попробуй.

— Это харачей. Одно из учений будзюцу, что-то вроде шестого чувства. — Николас ожидал услышать взрыв хохота, но ничего подобного не случилось.

— Кто это может быть?

— Ниндзя.

В трубке слышался глубокий вздох.

— Оставайся на месте, Линер. Я скоро буду.

— Из этого ничего не выйдет. Он почувствует тебя за версту.

— Но мы не можем сидеть сложа руки.

— Поверь, это единственный выход. Предоставь все мне.

— Тебе? Какого дьявола тебе соваться в это?

— Думаю, он охотится за Томкиным; и за Юстиной тоже. Вот почему я возвращаюсь.

— С каких пор тебя волнует жизнь Томкина? — Голос стал резче.

— С сегодняшнего дня я работаю на него.

Снова слышался тяжкий вздох.

— Послушай, Крокер. Ты не понимаешь, против чего выступаешь. Совсем не понимаешь. Я попытался кое-что

разъяснить тебе сегодня в школе, но видно, недаром жителей Запада считают тупоголовыми.

Он бросил трубку и направился с потоком людей к семнадцатой платформе. Неожиданно Николас мельком увидел лицо, вернее, едва различимый профиль, и что-то екнуло у него в сердце. Он хотел было изменить свой курс, но мощный поток людей уже подхватил его.

Николас занял место, у окна. Предчувствие улетучилось. Был ли там кто-нибудь в действительности? Зачем ниндзя преследовал его? С этим необходимо было разобраться, но удовлетворительного ответа на этот вопрос Николас не находил.

Прозвучал звонок, двери захлопнулись, и поезд медленно тронулся вдоль платформы.

Вскоре город остался позади, и Николас стал думать о Юстине. Постепенно он задремал, прислонившись головой к окну.

— Билеты, пожалуйста.

Николас тотчас проснулся, все с тем же неясным профилем лица в сознании.

* * *

Винсент встретил лейтенанта Крокера в четверть седьмого у деревянной вывески Мичиты. Напротив находился театр, поэтому ресторан был, как обычно, наполовину заполнен людьми, ждущими начала спектакля.

Они вошли в ресторан, где имелись отдельные комнаты, покрытые татами в японском стиле. Здесь не было стульев, и обедающие сидели, скрестив ноги, за низкими столиками.

Винсент заказал саке для обоих, едва они вошли в комнату, предварительно разувшись. Официант оставил меню на столе и отправился за выпивкой.

Крокер достал два листка бумаги и положил их перед Винсентом.

— Вы видели когда-нибудь этого человека?

Это были наброски мужчины примерно тридцати лет, длинноволосого, с восточным типом лица, широким носом, плоскими щеками и невыразительными глазами.

Винсент внимательно рассмотрел рисунки и отрицательно покачал головой.

— Нет, и, говоря по правде, был бы удивлен, если б знал.

— Почему?

— Это тот человек, который приходил в школу Терри в день убийства, верно?

— Откуда вы узнали об этом?

Они замолчали, поджидая, пока официант наполнит их чашки. Когда он ушел, Крокер вопросительно посмотрел на Винсента.

— Я ужинал с Терри в тот вечер, — медленно произнес Винсент. — Из разговора я все и понял. — Его голос стал печальным. — Очевидно, у Терри что-то было на уме. Он коротко рассказал о японце, который тренировался у него днем. Каратэ, айкидо и кендзюцу. — Он немного отпил sake и махнул рукой. — Теперь я соединил все это вместе. Бенноку, сенсей кендзюцу, был в десятидневном отпуске, и Терри мог тренировать незнакомца только сам.

Крокер пожал плечами.

— Что в этом странного? Линер говорил мне, что Танака был знатоком кендзюцу, сенсеем, так вы называете?

Винсент кивнул.

— Да, но Ник, очевидно, не сказал вам, что Терри отложил свой катана. Его воинственности пришел конец. Он больше не находил удовольствия в кендзюцу и давно не тренировался.

— Когда это произошло?

— Я не уверен. Возможно, шесть месяцев назад.

— Тогда почему Линер ничего не сказал мне?

Винсент налил им обоим еще саке.

— Говоря по правде, я не уверен, что Ник знает. С ним самим произошло то же самое, но он продолжает тренировки. Возможно, Терри не захотел ему говорить. — Он пожал плечами.

Крокер кивнул.

— О'кей. — Он сунул рисунки обратно в карман.

— Почему бы вам не подождать приезда Ника? — спросил Винсент. — Ему тоже нужно посмотреть рисунки.

— Линер звонил мне днем. Он уехал на западное побережье Бриджа. С его девушкой произошел несчастный случай. — Он вздохнул. — Никто не видел этого ублюдка ни возле школы Танака, ни около его дома.

— Меня это не удивляет. Этот человек профессионал. И как профессионал он очень опасен. Боюсь, вы не представляете, с кем имеете дело.

— Точно так же говорил и Линер, — проворчал Крокер. — Мне надоело это слушать.

— Это правда, лейтенант. Вы должны это знать. Этот парень может убить любого, кого захочет.

— Даже Рафаэля Томкина?

— Даже его, — кивнул Винсент.

— Это пытались сделать уже десятки раз, — напомнил Крокер. — И тоже профессионалы.

Винсент вздохнул.

— Это профессионал иного рода? Мы говорим не о наемном убийце из Детройта или Джерси? — закончил Крокер со слабой улыбкой.

— Да. Это ниндзя, лейтенант. В сравнении с профессиональным убийцей он Гудини и Супермен в одном лице.

Крокер смотрел в глаза собеседника, пытаясь увидеть в них намек на иронию. Но ничего подобного не заметил.

— Вы серьезно?

— Как это ни драматично звучит, смертельно серьезно.

Официант вернулся, и они заказали обед и еще sake.

— Линер водил меня сегодня в школу кендзюцу, — сказал Крокер.

— Какую?

— Не запомнил названия. Я встречался с сенсеем, которого зовут Фукасида.

Взгляд Винсента стал необычным.

— Вы стали привилегированной персоной. Очень немногим жителям Запада удалось там побывать. Что касается Николаса, который провел вас туда... — Присвистнув, он замолчал.

— И после этого я оскорбил его, а он даже не высказал никакого недовольства.

Взгляд Винсента стал печальным, и он сказал:

— Злиться не в его духе, но вот вы потеряли теперь свое лицо.

— Потерял лицо? Что ты имеешь в виду?

— Это просто. Отношения людей складываются из взаимного уважения. Потом приходит доверие и обоюдные обязательства. Я не спрашиваю вас, что вы сделали и не хочу этого знать, но я не ошибусь, если скажу, что, оскорбив Ника, вы потеряли его уважение.

— Какого черта меня должно беспокоить его уважение?

— Ник не прощает обид, и вам придется искать пути к примирению.

— Каким образом? — спросил Крокер подозрительно.

— Если б я знал, то считался бы мудрым человеком.

Винсент вышел из Мичиты и стал ловить такси.

Он был немного пьян и чувствовал себя как воздушный шар, колышущийся в ночном небе. Все дела и заботы, одолевавшие его последние месяцы, улетучились прочь.

Наслаждаясь свежим ночным воздухом, он побрел на запад. Шум уличного движения на Шестой авеню напоминал ему рокот морского прибоя. Из-за угла вынырнуло такси. Винсент плавным взмахом руки остановил машину. Назвав водителю адрес, он откинулся на кожаное сиденье.

В такси было темно. Он посмотрел на проплывающие мимо огни города и понял, что машина движется слишком медленно. Винсент подался вперед.

— Эй, — сказал он. — Я хочу оказаться дома в течение часа.

Шофер повернул голову, и Винсент поймал в зеркале отражение его глаз. Этот человек был японцем.

— Ночь, как у нас дома, — сказал Винсент по-японски.

— Этого никогда не вернуть, — ответил шофер. Его лицо было сине-зеленым от мелькания ночных реклам. Недружелюбные глаза были безжизненны, как камни. Контраст улыбки и враждебности устрашал. Винсенту это лицо напомнило маску Демона, которая так напугала его в детстве на спектакле.

Винсент вжался в сиденье, но его реакция была заторможена алкоголем. Он видел, как надулись щеки шофера, а губы сложились буквой О. Выстрел из трубки застал его врасплох.

* * *

Винсент закашлялся, пытаясь очистить легкие от какого-то тумана. Его глаза горели и слезились. Он слепо потянулся к ручке дверцы. Такси рванулось с места, когда сменился свет светофора. Винсент надавил на ручку, распахнул дверцу и покатился по асфальту под яростные гудки клаксонов. Он

слышал дикий визг тормозов и грязную ругань. Вскочив на ноги, Винсент неуклюже побежал по тротуару.

Позади раздались крики таксиста.

— Эй! — кричал он. — Вернись! Заплати за проезд!

Винсент мчался по забитому людьми тротуару, распахивая прохожих. Он не питал иллюзий, он отлично понимал, что с ним произошло. Судя по характерному запаху, его отравили нервно-паралитическим токсином.

Винсент обернулся, но не заметил погони. Он выскочил на дорогу, пытаясь остановить такси, но из толпы вынырнул таксист-японец, и Винсент снова бросился бежать. Он чувствовал, что бег лишь ускоряет действие яда, сердце забилось сильнее, кончики пальцев онемели, это было плохим знаком. Но, может быть, есть шанс, что доза яда недостаточна для него.

Винсент знал, как близок он к смерти. Только сейчас он понял, как ему хотелось жить. На бегу он пытался откашляться и вызвать рвоту. Ему явно не хватало кислорода. Руки слабели, он с трудом переставлял ноги. Винсент слышал позади злобные крики и звуки шагов. Он продолжал мчаться сквозь толпу, думая о том, как он уязвим здесь, где ему некому помочь. Нужно найти какой-нибудь темный закоулок.

Сделав рывок из последних сил, он помчался к кинотеатру, с огромной афиши которого на него томно смотрела красивая блондинка с большой грудью. Надпись на афише гласила: «Эрекция. Невидимое блаженство!»

Винсент купил билет, не обращая внимания на крик кассира.

— Эй, мистер! Подождите! Ваша сдача! — И прошел в кинозал.

Внутри пахло потом. Доносилось тяжелое дыхание. На экране мелькали смутные тени.

Винсент моргнул несколько раз, привыкая к темноте и стал пробираться вдоль заднего ряда к автоматам. Он достал из кармана четверть доллара и бросил монету в щель, нажав

кнопку. Холодной содовой он умывал свое лицо, чувствуя, как холод, словно бальзам, снимает боль. Это был шанс.

Винсент посмотрел на дверь. Входили и выходили люди. Был ли среди них его преследователь? Он не знал этого, но понимал, что является здесь хорошей мишенью. Отойдя к стене, он сел на скользкий пол.

Руки тряслись от избытка адреналина в крови. Во рту было сухо, дыхание сбилось. Тем не менее Винсент почувствовал себя несколько лучше. Очевидно, доза была не смертельной. Он попытался расслабиться и восстановить дыхание, но в боку кололо от стремительного бега. Его мозг лихорадочно искал выход. Забежав сюда, Винсент попал в ловушку. Если попытаться выбраться отсюда, можно умереть уже на полпути к двери. Ниндзя, безусловно, находится где-то рядом.

Придется драться. Иной альтернативы не было. Он не был сенсеем и знатоком харачей, как Николас и Терри. Винсент попытался не думать о Терри: раз уж его убили...

Но Терри застигнули врасплох, его мысли были заполнены Элин. Винсент же был предупрежден. Ему нужно только время, чтобы прийти в себя. «Думай! — крикнул он сам себе. — Ты должен как-то выбраться, должен спастись!»

Кто-то тронул его руку, и Винсент подскочил, повернув голову. Это был бизнесмен с гладко выбритыми розовыми щеками, живущий, наверно, где-нибудь в Джерси Палисад с женой и двумя детьми, собакой и двумя машинами. Он что-то шептал, но Винсент не слышал его из-за рычания в зале.

— Может быть, вам помочь? — заботливо спросил незнакомец.

Винсент молча покачал головой, теперь он знал — нужно выждать.

Бизнесмен вернулся на свое место, но к Винсенту уже подходил кто-то другой. Он затаил дыхание, сердце бешено забилося. Неужели это ниндзя? Фигура медленно приближалась. Винсент поднял взгляд и увидел отражение света в безжизненных глазах. Это он. Ниндзя наклонился и

что-то сказал бизнесмену, тот убрал ноги, не отрывая взгляда от экрана.

Ниндзя приближался. Винсент приготовился к тому, что должен был сделать. Это следовало сделать быстро и сильно. Ниндзя находился уже совсем рядом.

Теперь время.

Винсент рванулся, но ничего не произошло. Он был парализован.

Он попытался поднять руку, но не смог. Ноги тоже отказывались повиноваться. Только сейчас Винсент понял, что яд не должен был его убить, он должен был сделать его неподвижным.

Тень нагнулась над ним, заслонив свет. Винсент почувствовал на себе холодный и безжалостный взгляд ниндзя, который аккуратно надавливал локтем на его левую ключицу. В душе Винсента не было ни страха, ни сожаления, он видел Японию, скалистые берега Ураги и белые рыбацкие лодчонки, колышущиеся на фоне красно-желтого восходящего солнца.

Другая рука ниндзя с силой надела на левое ухо. Видение родины исчезло.

* * *

Японец покинул кинотеатр через боковой выход. Он пересек улицу и вскочил в отходящий автобус, где находилось всего несколько пассажиров.

Выйдя на Тридцатой улице, он зашел в будку ближайшего телефона-автомата и набрал номер. Потом повесил трубку, подождал минуту и пятьдесят секунд и снова набрал номер. После третьего звонка на другом конце линии подняли трубку. Японец назвал семь цифр телефонного автомата, из которого звонил, и повесил трубку. Женщина, ожидающая снаружи, раздраженно повернулась и отправилась на поиски другого телефона.

Через четыре с половиной минуты телефон зазвонил. Японец снял трубку. Разговаривали на японском языке.

— Да. — Японец прислушивался ко всем звукам на переполненной линии.

— Состояние дел?

— У нас есть шанс.

— Что еще? Каковы результаты?

— Результаты? — Казалось, он удивился. — Я на месте, покупка идет своим чередом. — Слово «покупка» было кодом.

— Понятно. — Воцарилось молчание, сквозь которое можно было услышать чей-то далекий разговор. — Линия безопасна?

— Абсолютно.

Голос в трубке стал грубоватым.

— Нам нужны быстрые действия.

— Это было понятно с самого начала. — Каждые пятнадцать секунд японец осматривался. Он никого не ждал, но не забывал об осторожности.

— Время — деньги.

— В таких венках нельзя торопиться. Ты знаешь, я работаю наверняка. Это было заранее обговорено, иначе я бы не согласился на покупку.

— О, да. Нам это хорошо известно. Но жизнь меняется, за время твоего отсутствия произошли кое-какие события, которые заставляют нас торопиться.

— Я никогда раньше не...

— Теперь придется. — Голос в трубке стал мягким, как шелк. — Ты непременно должен совершить покупку в течение семидесяти двух часов.

— Не думаю, что...

— Твое вознаграждение удваивается.

В трубке послышались гудки.

Японец думал о телефонном разговоре. Нужно убить Томкина за три дня. Он не собирался рассказывать что-либо своим нанимателям. Чем меньше они знают, тем лучше. Снабжая кого-либо информацией, вы даете ему преимущество. Этого японец никогда себе не позволял. Он был удачлив только потому, что всегда сохранял это преимущество за собой. Он рассмеялся. Теперь его вознаграждение удвоено, хотя он ничего и не рассказал о своих планах. Это была хорошая сумма. Многие пытались убить Рафаэля Томкина, но безуспешно. Японец ни на йоту не сомневался в своем успехе. Его первая оценка ситуации была правильной. Томкин наиболее уязвим в своем новом огромном офисе. Здание это стоит в стороне, оно окружено различными туннелями и незаконченными строениями, где в одно мгновение можно легко исчезнуть.

Существовало много способов убийства: ружье, бомба, и тому подобное. Но японец не пользовался ни одним из них. Это все западные манеры уничтожения людей. Он убивал только своими руками. В другом способе убийства он для себя не видел чести. Так его учили. У ниндзя свое понятие о чести.

Итак, это случится в здании офиса, но не сегодня, и, может быть, не завтра, слишком много нужно было еще для этого сделать. Послезавтра, ночью. Нет необходимости торопиться. Он снова вспомнил и проанализировал все предыдущие события. Может, он просчитался, убив Ито? Нет, так было запланировано с самого начала и запланировано именно так, как нужно.

* * *

Доктор Дифорс думал о войне. Он сидел на старом деревянном стуле за столом своего кабинета. Перед ним дымилась чашка с кофе. Он посмотрел в окно, на главную улицу, на которой виднелись редкие прохожие. Было около семи утра.

«Это как малярия», — подумал он. Заразившись ею однажды, нельзя излечиться полностью, она будет

напоминать о себе снова и снова. Доктор слишком часто вспоминал войну в жаркие дни июля и августа, когда солнце на западном побережье Бриджа нещадно налило, и никогда не вспоминал зимой.

В дверь позвонили так неожиданно, что он подпрыгнул. Сначала он не хотел открывать, но когда звонок прозвенел во второй раз, Дифорс поднялся и направился к двери.

— Николас, — сказал он, моргая от солнечного света. — Входи. — Он закрыл дверь. — Что принесло тебя в такую рань? Ты заболел?

— Я ведь не разбудил тебя, не так ли?

Доктор Дифорс рассмеялся.

— Вовсе нет, приятель. Я мечтал. — Он внимательно посмотрел на Николаса. — Ты плохо выглядишь.

— Просто я не спал, вот и все, — сказал Николас, входя в дом. Дифорс повел его, но не в кабинет, а на кухню.

— Завтрак тебе не помешает, — сказал он, доставая из холодильника апельсиновый сок. — Вот, выпей пока. Наверное, ты хочешь знать, как продвигаются дела у Флорума, — сказал он. Николас поставил на стол сок и вопросительно взглянул на Дифорса. — Никак, — продолжил тот. — Ему не за что зацепиться, черт возьми.

— Я не удивлен, — заметил Николас. Он рассказал доктору о том, что произошло в городе.

— Твой друг? — переспросил Дифорс, когда Николас закончил. — Боюсь, это не к добру. — Он перевернул ветчину. — Ты думаешь, он действительно охотится за Рафаэлем Томкиным?

Николас кивнул.

— К чему тогда другие убийства? Ни одна из жертв, кажется, не была связана с Томкиным.

— Ни одна. По крайней мере, я об этом ничего не знаю.

— Тогда зачем ему все это? Он мог бы за это время уже несколько раз убить Томкина и убраться восвояси.

— Я как раз думал об этом. — Николас взглянул в свой стакан с соком, как будто там был ответ. — До Томкина не так-то легко добраться. Потребуется немало времени.

— Это еще одна причина, по которой он не должен выдавать себя. Они не любят светиться.

— Да, — согласился Николас. — Но этот человек думает иначе. Он хитрее многих. Смотри, он собирается расправиться с человеком, на которого уже покушались несколько раз. Значит, есть какие-то причины, по которым Томкин пока еще жив. Ниндзя понимает, что к нему будет нелегко проникнуть. Ты же знаешь, что они убивают с близкого расстояния, не используя огнестрельного оружия.

— Знаю.

— Хорошо. Значит, нужно запутать врага. Это древняя форма стратегии в кендо, — использование различных способов атаки и нападения с разных сторон. Пока враг раздумывает над твоими действиями, ты неожиданно атакуешь и уничтожаешь его.

Доктор Дифорс поставил на стол тарелки и взглянул на Николаса.

— Что ниндзя и делает?

— Это кажется логичным.

Доктор Дифорс принялся за еду, нахмурившись.

— Они не люди, — сказал доктор минуту спустя. Между фразами Дифорса была такая тишина, что Николас слышал тиканье настенных часов. — По крайней мере, в них есть что-то нечеловеческое, как если бы они были вампирами или чем-то в этом роде. — К нему снова вернулись воспоминания. — Наша война, — продолжал он, — отличалась от любой другой. На ней не было фронтов, разделенных территорий, отступлений и атак. Мы никогда точно не знали, где находится враг. Мы получали приказы, по которым было видно, что генералы не имеют понятия об истинном положении вещей. Это было в конце войны. Почти все из нас участвовали в ней с самого начала, но многие были не в состоянии драться. Мы жили среди малярии, дизентерии и других болезней. Но мы

боялись ночей больше, чем холеры. Ночь приносила смерть. Мы удваивали охрану, патрулировали окрестности, но ничто не помогало. Патрульные словно сходили с ума, они стреляли по теням или на крик птиц, но ни в кого не попадали и тихо, таинственно погибали. Это все больше сводило нас с ума. Да и что можно было ожидать при таких обстоятельствах? Если человеку что-то непонятно, он начинает думать о сверхъестественных силах и относить все на их счет. Если бы мы хоть краем глаза увидели своего врага, нам было бы все понятно.

Однажды перед закатом мы разбили лагерь. Многие так устали, что тут же повалились спать. Я залез в свою палатку. Некоторое время я слышал голоса, но потом все стихло. Я не был уверен, заснул ли я или это люди замолчали, отправившись отдыхать. Вскоре сквозь сон я почувствовал на себе чей-то взгляд. Я попытался проснуться, но не мог. Моя голова отяжелела, у меня не было сил ее поднять. В конце концов мне удалось открыть глаза. Я увидел склонившееся надо мной безобразное лицо. В груди потяжелело, стало трудно дышать и почему-то меня прошиб озноб.

Лицо принадлежало японцу, оно было абсолютно черное, словно намазанное углем или сажей. Присмотревшись, я увидел и смутные очертания фигуры, почти слившейся с темнотой ночи.

Пока я спал, он успел связать меня, теперь же вытащил из палатки, взвалил на плечо и побежал. Двигался он без шума. Мы ни разу не отбросили тени потому, что никогда не выходили на свет. Он бежал через непроходимые джунгли только известной ему тропой. Я не сопротивлялся, удивляясь тому, что не был еще убит, как остальные жертвы этого привидения. Я понял, почему наши часовые не видели врага, он перемещался совершенно бесшумно, бежал так, что я даже не ощущал его шагов. Так продолжалось минут тридцать. Затем этот человек остановился, сбросил меня с плеча и вытащил кляп, чтобы я мог нормально дышать. Потом он развязал мне ноги и повел через джунгли. Каждый раз, когда я спотыкался, он согнутым пальцем легко удерживал меня за шиворот, будто я ничего не весил. Вскоре я услышал голоса. Я не говорил по-японски, но кое-что понимал и не

хотел, чтобы об этом догадались. Мы вышли на небольшую поляну, где располагался лагерь японцев. Я даже сперва подумал, что этот японец привел меня в госпиталь, так непохоже это было на военный лагерь. Большинство солдат лежали, остальные сидели. Охраны не было видно вообще. Мой японец стал разговаривать со своими приятелями, одетыми так же, как и он. Сначала я пытался прислушаться к их разговору, но они говорили на неизвестном мне диалекте, и я ничего не понял.

Начинался восход, в посеревшем небе появились японские самолеты, направляющиеся к морю.

— Летят бомбить ваши корабли.

Я вздрогнул. Передо мной на костылях стоял тощий японец.

Левая нога у него была забинтована, но казалось, он скорее умрет от истощения, чем от раны.

— Вы хорошо говорите по-английски, — сказал я.

— Да. — Он по-прежнему смотрел в небо. — Они не вернутся. Никто из них. Ониси позаботился об этом. — Я понял, что он имеет в виду нового вице-адмирала.

— Вы хотите сказать, что...

— Да, именно так, это самолеты-бомбы. — На глазах японца появились слезы, но тон его голоса не изменился. — Такова идея вице-адмирала. Он по-прежнему посылает парней на войну, которую мы уже проиграли.

— Мне кажется, вам нужно что-нибудь поесть, — сказал я.

Японец рассмеялся.

— Если бы я мог, вы думаете, я был бы здесь?

Я видел, как выступали ребра из-под его униформы и подумал: «Что я делаю? Он же враг». — Мы все умираем от голода. Мы не можем больше сражаться. Такая смерть не достойна солдата. Бесчестная смерть. — Он посмотрел на меня, и на какой-то миг мне показалось, что между нами нет разницы.

Затем мой конвоир подтолкнул меня в другой конец лагеря. Повсюду на земле лежали солдаты. В стороне я увидел костер, на котором в черном железном котле, видимо, варилась жалкая пища. Японец показал мне на группу лежащих на земле солдат. Было ясно: он хотел, чтобы я лечил их. Только тогда я понял, почему не был убит. Он отлично знал, кто я. Мне стало интересно, что ему еще известно обо мне.

Я повернулся к солдатам. По правде говоря, я не многим мог помочь. У меня не было ни инструментов, ни лекарств. Но и они тоже не очень бы помогли. Эти люди умирали от голода.

Я подошел к японцу, который притащил меня в лагерь.

— Простите, — сказал я, — но я ничем не могу им помочь.

Он ударил меня без предупреждения. В одно мгновение мой зад погрузился в грязь.

— Им нужна еда, — сказал я бессмысленно.

Он поднял меня с земли и снова ударил ребром ладони. Я рухнул на землю без сознания. Когда я очнулся, было темно. У меня сильно болела голова, правое плечо, казалось, совсем не действует. Это было странно. Я пошевелил пальцами, даже сжал их в кулак, но не мог поднять руку ни на дюйм.

Я лежал в палатке на чем-то твердом, только не на земле. В своей куртке и рубашке, но без штанов. Я был обнажен ниже пояса. Я попытался пошевелиться, но не смог, все тело заныло от боли, перед глазами засверкали огни.

Вскоре он пришел. Я не слышал шагов, но почувствовал его присутствие. Лицо японца склонилось надо мной, на нем больше не было сажи.

— Какова численность вашего отряда? — спросил он.

Я понял, что был теперь военнопленным и отдавал себе отчет, что это значит для меня.

Я назвал ему свое имя.

— Сколько у вас орудий?

Я назвал свое имя.

— С каким отрядом вы должны встретиться?

Я снова назвал имя.

— В какое время вы должны встретиться?

На этот раз я назвал ему свой ранг и номер.

Тогда он начал работать надо мной. Он не использовал ничего, кроме четырех пальцев. Никаких лезвий, ни огня, ни наркотиков, ни воды. Никаких традиционных орудий пытки. Ему не нужно было ничего.

Он работал надо мной всю ночь — больше десяти часов. С перерывами, конечно; иначе бы я никогда этого не выдержал. На моем теле не было ни единой раны. Японец работал на нервах, используя свои пальцы. Это была жуткая боль. Он доставлял мне боль, как женщина доставляет удовольствие. Он знал наиболее уязвимые участки тела. Боль была ужасной, но каждый раз, когда я готов был потерять сознание, он давал мне передышку и снова приступал к пытке.

Вопросы были те же. Он не кричал, его тон оставался спокойным, почти дружелюбным. Он разговаривал со мной, как с другом, с которым встретился в баре после долгих лет разлуки.

Все это было так необычно. Мне хотелось довериться ему, поведать все свои секреты. Боль иногда становилась слабее, не знаю, как он это делал, но так было. В конце концов я заговорил. Я понимал, что становлюсь предателем, но ничего не мог с собой поделать. Я больше не контролировал себя. Я сказал ему все, что он хотел.

На исходе ночи японец ушел, оставив меня одного. Не знаю, заснул ли я или потерял сознание, но очнулся от какого-то шума. Я открыл глаза, но ничего не увидел.

— Вставай! — Послышался резкий шепот.

— Что? — Я с трудом понимал, что происходит, я был как пьяный.

— Вставай! Вставай! — Зашипел кто-то над ухом.

Чьи-то руки помогли мне сесть. Я со страхом посмотрел на свое тело, ожидая увидеть страшные раны и лоскутья кожи, но на мне не было ни ссадины. Я задрожал, вспомнив ту ужасную боль.

— Сюда! — сказал голос нетерпеливо. — Давай! Двигайся! Некогда сидеть!

Я соскользнул с деревянной подстилки и обернулся. Это был тот искалеченный японец. На его лице проглядывало беспокойство, одной рукой он отогнул полу палатки. Солнечный свет ударил мне в глаза.

Я сделал шаг, и ему пришлось поддержать меня, чтобы я не упал.

— Я не могу двинуться, — сказал я.

— Сможешь, — прошептал он. — Днем они не будут преследовать тебя. — Японец дал мне воды и пока я пил, тревожно всматривался. — Мы все достаточно натерпелись, — сказал он тихо. — И все бесполезно. — Он шевельнулся на своих костылях. — Пойдем. У нас нет времени.

Я кое-как выбрался из палатки. Мое сердце так бешено колотилось, что казалось, смерть моя от сердечного приступа наступит раньше, чем я сделаю десять шагов.

— Не знаю, как и благодарить тебя, — сказал я японцу.

— Не стоит, — ответил он. — Мы из разных миров и никогда не пойдем друг друга.

— Почему нет? — Я протянул ему руку. Он быстро пожал ее. — Еще одно, — скажи мне: кто они? — он понял, что я имел в виду.

— Не все ли тебе равно. — Японец стал отворачиваться.

— Прошу тебя, мне необходимо это знать.

— Ниндзя, — буркнул он, отвернувшись.

— Я пожелал ему удачи, — сказал доктор Дифорс, — но не уверен, что он услышал меня. Я повернулся и побежал в джунгли, подальше от этого лагеря и от ниндзя.

— Я никому не рассказывал о том, что со мной случилось, ни друзьям, ни жене. А тебе я рассказал это только потому, что ты поймешь меня, Николас.

— Я догадываюсь, что ты испытываешь к ним, — сказал Николас.

— К нему, — поправил Дифорс.

— Они все одинаковы.

— Ты уверен?

— Их так тренируют. Дисциплина ниндзя строже самурайской, все содержится в глубокой тайне.

— Я хочу, чтобы ты нашел его, Николас. — Доктор Дифорс оттолкнул от себя тарелку. — Я знаю, что ты единственный, кто сможет это сделать.

* * *

День был ясным, в небе ни облачка. Солнце так сильно отражалось от хромированных поверхностей автомобиля, что Николасу пришлось надеть очки.

Он выехал из города и повел машину вдоль побережья. Подъехав к дому Юстины справа, Николас не мог сказать, стояла ли возле дома ее машина. Дверь была закрыта.

— Ее нет дома.

Николас обернулся. Из-за угла вышел Крокер. Он выглядел так, будто не спал две или три ночи.

— Машины тоже нет.

— Что ты здесь делаешь, Крокер?

— Давай поговорим. — Он повел Николаса к пляжу.

Крокер, щурясь, посмотрел на солнце.

— Я выгнал Элисон из дома прошлой ночью.

Николас молча посмотрел на него.

Крокер улыбнулся, но глаза его оставались серьезными.

— Хотя на самом деле все было совсем не так. Думаю, она сама хотела уйти. Да. Мы оба хотели. — Он сунул руки в карманы брюк. — Все было очень мило. Была любовь и...

Они оба остановились, как по команде. Крокер посмотрел на свои ботинки, полные песка. Подняв голову, он сказал:

— Ник, Винсент мертв. Его нашли прошлой ночью — он не сказал, где, — со сломанной шеей.

Николас глубоко вздохнул и сел на песок, обхватив руками колени и уставившись в морскую даль.

— Ник...

Он вспомнил рассказ доктора Дифorsa о боли. Это было слишком. В день похорон Элин и Терри.

— Господи, — сказал он. — Господи.

Крокер присел рядом.

— Ник, — сказал он вежливо, — я не мог тебе сказать иначе. Не по телефону же.

Николас кивнул, понимая, что Крокер чувствует себя виноватым за оскорбление. Поэтому лейтенант и проделал этот долгий путь, когда можно было лишь поднять трубку. Он вспомнил, что Крокер обедал с Винсентом тем вечером.

— Ник, — сказал Крокер.

Николас осмотрелся.

— Что происходит? Ты должен мне сказать.

— Я не знаю. Что ты имеешь в виду? В этом замешан Томкин. По самые уши. Он получил предупреждение ниндзя уже неделю назад. Я видел его. У него полно связей с процветающими японскими фирмами. Кому-то он перешел дорогу. Только этим можно объяснить смертный приговор. Без сомнения, они послали ниндзя, чтобы его убрать.

— Убить его пытались и раньше. Томкин — осторожный ублюдок. Ему не нужна твоя помощь.

Николас покачал головой.

— Здесь ты ошибаешься. Без меня он покойник.

— Это не имеет значения, не так ли? Две смерти здесь и три в городе. Ни одна жертва не связана с Томкиным.

— Должны быть связаны, — сказал Николас упрямо. — Он даже сделал попытку запугать Юстину. — Он рассказал Крокеру о трупe животного, брошенном в окно кухни.

Крокер посмотрел на Николаса. Позади него шипел прибор и слышался веселый смех отдыхающих.

— А что, если, — сказал Крокер медленно, — это послание предназначалось не Юстине.

Николас уставился на Крокера.

— О чем ты?

— Нужно смотреть фактам в лицо. Думаю, что предупреждение было для тебя.

Николас коротко и резко рассмеялся.

— Для меня? Не будь дураком. Для этого нет причин...

— Они должны быть, — упрямо сказал Крокер. — Только посмотри. Два убийства здесь. Терри и Элин. Теперь Винсент. Ты как бы в центре всех убийств.

— Я не знаю второго человека, убитого здесь.

— Нет, но убийца был так близко к тебе.

— Лью, они проходят рядом со многими людьми.

— Но ведь именно ты, а не кто-то другой потерял по очереди троих друзей.

Конечно, это звучало логично, но Николас знал, что логика не всегда подсказывает правильный ответ.

Он покачал головой.

— Ему нет до меня дела, неужели ты не видишь? Он наверняка знает, что я связан с Юстиной. Он знает это. Нет, он охотится за Томкиным, все так ясно и просто. Возможно, он хочет замутировать воду.

Крокер поднял руку.

— О'кей, о'кей. Это было лишь предположение. Но скажу тебе откровенно, я надеюсь, что прав ты, потому что меня больше беспокоил Винсент Ито, чем Рафаэль Томкин.

Николас посмотрел на него. Кажется, между ними могла возникнуть дружба. Он улыбнулся.

— Спасибо, это для меня многое значит.

По дороге в город Крокер изложил Николасу то, что знал об обстоятельствах смерти Винсента. А знал он совсем немного.

Он высадил Николаса у офиса Томкина и поехал дальше. В медицинском управлении его ждал рапорт по делу Винсента. Крокер повесил свою куртку на спинку стула, сунул в рот спичку и открыл папку.

То, что он там прочитал, потрясло его, лоб покрылся испариной. Крокер взъерошил волосы, выругался про себя и потянулся к телефону.

— Нат? — спросил он, когда на том конце подняли трубку. — Это Крокер. Спасибо за рапорт по делу Винсента Ито. Кто-то быстро провел вскрытие.

— Я сделал это сам. — Голос Граума прозвучал устало. — Мы все немного встревожены этим делом и...

— Эй, Нат, я занимаюсь расследованием по нему.

— Ну и как успехи?

— Подожди минуту. — Он посмотрел в рапорт и сказал в трубку: — Ты уверен насчет химического состава, найденного в крови...

— Я же говорил, что делал вскрытие сам. У меня нет никаких сомнений. Состав не мог попасть в кровь случайно. Это произошло незадолго до смерти.

— Я понял, — сказал Крокер, просматривая рапорт. — Усовершенствованный нервно-паралитический токсин, затормаживающий функцию мускулов...

— Он был абсолютно беспомощен, когда его убили.

— Это вещество не было впрыснуто?

— Нет. Тогда бы оно не дало эффекта. Это препарат органический, а не синтетический. Его нужно распылить с близкого расстояния. Должно быть, Винсент знал своего убийцу.

— Или все случилось внезапно. Кто-нибудь мог выскочить из толпы и прыснуть на него этим веществом. Ладно, я перезвоню тебе.

— Хорошо. До скорого!

Крокер задумчиво положил трубку.

* * *

Николас поднимался на лифте офиса Рафаэля Томкина. Почему я неожиданно в свои тридцать три года выпал из жизни? Бросил работу, покинул город, начал пребывать в полном бездействии?

Томкин разговаривал по телефону. Он указал Николасу на плюшевое кресло, стоявшее возле стола. На левом подлокотнике кресла лежал еще один телефонный аппарат. Николас снял трубку и позвонил Юстине. Никто не ответил. «Наверное, она на пляже», — подумал он и набрал номер Аби Руссо. Николас попросил его составить список всех рабочих восточных национальностей, занятых в строительстве башни Томкина.

— Для этого потребуется немало времени, — коротко ответил Руссо. — У меня полно работы. Я не знаю...

— Если мы не получим эти имена, то работы по строительству могут быть остановлены, — растягивая слова, сказал Николас.

— О'кей, я сделаю это.

— Аби, я хочу, чтобы все сделал ты сам. Никого не привлекай, ясно? Когда ты составишь список, мне нужно будет взглянуть на этих людей. Подумай о том, как устроить это незаметно. Не должно быть никакой утечки информации,

ты понял? Пока. — Николас положил трубку и снова попробовал дозвониться до Юстины. Результат был прежним.

— Николас! — Томкин встал и вышел из-за стола. Он был в рыжевatom шелковом костюме и желто-белой полосатой рубашке с коричневым галстуком.

— Рад тебя видеть, — сказал он. — Я ждал тебя, но ты умчался на побережье Бриджа, думая, что ниндзя может быть там. Так, по крайней мере, ты объяснил мне по телефону.

— Его там не было.

— Как Юстина?

— В полном порядке.

— Я удивлен методом твоей работы. Вот Фрэнк, например, никогда не оставляет меня. С ним я чувствую себя спокойно.

— Фрэнк бесполезен, — сказал Николас, — раз здесь замешан ниндзя. Он даже не заметит Фрэнка.

Томкин улыбнулся.

— Фрэнк позаботится сделать в нем пару дыр сорок пятого калибра.

Николас пожал плечами.

— Ну, если вы считаете себя в безопасности...

— Заверяю тебя, это не так. Совсем не так. Зачем бы мне тогда прятаться? А теперь, — он хлопнул себя по ляжке, — расскажи мне, как продвигаются дела.

— Я жду Аби Руссо с минуты на минуту.

— На черта он нам сдался?

— Ниндзя прислал предупреждение, — сказал Николас тихо. — Он собирается убить тебя и сделает это без огнестрельного оружия. Когда придет Аби, мы сможем узнать, здесь ли этот ниндзя.

— Здесь? Как это?

— По логике, он мог замаскироваться под рабочего. Так легче проникнуть в здание.

В это время в дверь постучали, и Фрэнк впустил Аби Руссо. В руке тот держал распечатку компьютера. Он выглядел неряшливо, одежда была помята, а волосы всклокочены, словно он несколько месяцев не пользовался расческой.

— Вот, — Аби Руссо положил распечатку на стеклянный столик. — Здесь перечислены все, кого вы просили отметить, — продолжал он, пока Николас и Томкин разглядывали список. — Тридцать один рабочий восточной национальности.

— А что, собственно, ты ищешь? — поинтересовался Томкин. — Ты знаешь его имя?

Николас покачал головой.

— Если бы я даже знал, он все равно вряд ли был бы здесь под своим именем. Это полный список? — спросил он Руссо.

Тот кивнул.

— Да. Двадцать пять работают в дневную смену, остальные в ночь.

— Все двадцать пять сегодня здесь? — спросил Николас. — Никто не болен?

— Нет. Все здесь, насколько мне известно.

— И никто не знает об этом?

— Ни одна душа, — подтвердил Руссо. — Я один составлял список.

— О'кей, — сказал Николас. — Идем. — Он встал.

— Что происходит? — спросил Томкин.

Николас свернул распечатку в трубку.

— Я собираюсь взглянуть в лицо каждому из этих людей. Среди них может находиться ниндзя.

Руссо повел его по лабиринтам здания, и Николас опрашивал людей, внимательно приглядываясь к ним, и вычеркивал их из списка.

В списке значилось имя Ричард Йо. Руссо не знал точно место его работы, и они разыскивали бригадира. Это был тучный человек, полностью лысый, с маленькими близко посаженными глазками.

— Вы только что прошли мимо него, Аби, — сказал бригадир, вытащив изо рта толстую сигару. — Я отпустил его.

— Почему? — спросил Руссо.

— Он сказал, что болен. — Бригадир снова сунул сигару в рот. — Он, действительно, выглядел неважно.

— Когда это случилось? — спросил Николас.

— Минут пятнадцать-двадцать назад. Как я уже говорил, он попался вам навстречу. — Бригадир посмотрел на Руссо. — Что-нибудь не так? Он хороший работник.

На пути назад Аби поинтересовался у Николаса:

— Ну и что ты думаешь?

— Думаю, — заключил Николас, — мы его нашли.

— Подожди-ка секунду. — Он взял распечатку из рук Николаса и пробежал глазами. — Вот! — Его палец остановился на нужном имени. — Вот его адрес... Подожди! Это же поддельный адрес!

— Я не удивлен.

Николас распахнул дверь и прошел мимо Фрэнка. Томкин разговаривал по телефону. Он зажал ладонью трубку и спросил:

— Ну, что узнал? Ты нашел...

Николас подошел к столу и уверенно нажал на рычаг аппарата.

— Какого черта...

— Я хочу сказать тебе...

— О том, что произошло внизу? Давай, давай. — Томкин посмотрел на Руссо, вошедшего в кабинет. Тот встал рядом с Фрэнком.

— Да. О том, что случилось внизу. — Николас присел на корточки и стал что-то искать под столом, не переставая говорить. — Я думаю, мы нашли этого человека. — Под столом были прикреплены компьютерные модули, в беспорядке висели провода. — Он тринадцатый по списку. Его имя Ричард Йо. Он недавно переведен сюда из Бруклина. — Провода под столом имели разную окраску для удобства монтажа. — Бригадир доволен его работой.

— Какое отношение это имеет ко мне? — Томкин не спускал глаз с Николаса.

— Это именно тот человек, кого мы разыскиваем. Его освободили от работы сразу после того, как я попросил Руссо составить список рабочих восточных национальностей. — Он что-то нащупал пальцами и слегка потянул. — Руссо никому не говорил о моей просьбе, подсмотреть список тоже никто не мог. — Николас продолжал ковыряться в проводах. — Об этом знали только Руссо, я и... — Он положил что-то блестящее из металла и пластика. — Вот, полюбуйте.

Лицо Томкина покраснело, голова затряслась. Он ткнул пальцем в мини — микрофон, лежащий перед ним.

— Черт возьми! — закричал он. — Под самым носом! — Томкин хлопнул по столу и поднял взгляд. — Фрэнк, сукин сын! Как ты допустил? Я убью тебя!

Фрэнк стоял, потупив глаза.

— Это не его вина, — сказал Николас тихо. — Откуда он знал, за чем ему нужно следить?

Но Томкина было трудно теперь успокоить. Он выскочил из-за стола, схватил подслушивающее устройство и замахал им перед носом телохранителя.

— Никто не мог сюда проникнуть так, чтобы я не узнал на следующий день. — Щека Фрэнка сильно покраснела. — Нет, он был тут, под самыми нашими носами. Это ты, тупица, проворонил его.

— Но я даже не знал, за кем смотреть, — сказал Фрэнк.

— Заткнись!

Николас в это время продолжал поиски и через некоторое время обнаружил второй микрофон под подлокотником кресла. Остальные присутствующие молча наблюдали за ним.

— Я думаю, — сказал Николас, отряхиваясь, — нам лучше спуститься вниз.

— Зачем? — недоумевающе спросил Томкин. — Разве в комнате не безопасно?

Николас кивнул. Он уже направился к двери.

— Скажу тебе по дороге, о'кей?

Тяжелый голос Томкина прервал воцарившееся молчание.

— Я должен сказать, что ты хорошо поработал, Ник. Чертовски хорошо. Спасибо. — Он вздохнул. — Боже, когда я думаю о том, что этот ублюдок пробрался сюда, минуя охрану и сигнализацию, как мне хочется вцепиться ему в глотку!

Они вышли в коридор.

— Надеюсь, поблизости нет этой сволочи? — Томкин посмотрел по сторонам.

— Нет. Он узнал о моем разговоре с Руссо и решил унести ноги.

Они вышли под жаркое солнце Парк Авеню и направились к машине. При их приближении шофер вылез и услужливо распахнул дверцу, чуть придерживая ее. Они удобно расположились в темном салоне лимузина.

Когда автомобиль влился в уличный поток, Николас начал работать. В первую очередь он осмотрел телефон, самое подходящее место для жучка. У ниндзя было достаточно времени проникнуть в лимузин. Обнаружив подслушивающее устройство, Николас выбросил его в окно.

— Все? — поинтересовался Томкин.

Николас поднял руку, проверяя все укромные углы — ничего.

— В порядке. — Николас откинулся на сиденье. — Похоже, мы в безопасности.

— Отлично. — Томкин расслабился. — От всего этого у меня мурашки по телу бегают. — Он наклонился вперед и нажал потайную кнопку. Плексигласовое стекло бесшумно поднялось, отгородив переднюю часть машины. В стекло была вплавлена металлическая сетка. — Я сейчас занимаюсь одним из крупнейших дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься. В нем замешаны фирмы с трех континентов. В это дело вложена огромная сумма. Господи, теперь любая помеха не в мою пользу, и вот этот ублюдок сваливается мне на шею. — Он хихикнул. — Вообще-то идея принадлежала японцам. Но они оказались чересчур робкими и вышли из игры, даже после того, как я внес кое-какие предложения. Короче, они испугались, и у нас сразу возникли некоторые трудности. — На этот раз он рассмеялся. — Да ладно, чего там, я украл эту идею. Черт, они собирались сидеть на ней еще неизвестно сколько времени. — Он фыркнул. — Таким образом трудно разбогатеть. И вот когда я пустил дело в оборот, они снова захотели подключиться. Можешь себе представить? Я послал их ко всем чертям. Они на этом много потеряли. Думаю, они и подослали ниндзя.

Томкин принял удобную позу.

— Что-то я проголодался. Как ты насчет этого?

— Можно.

— О'кей. — Он назвал шоферу адрес и закрыл на минуту глаза. — Я не хочу, чтобы с моими девочками что-нибудь случилось, понимаешь?

Они вскоре остановились возле ресторана.

— Идем, — сказал Томкин. — Не знаю, как ты, а я очень хочу заливное.

Позади них, в сиденье, осталось подслушивающее устройство, так и не замеченное Николасом.

* * *

Крокер поджидал их у офиса Томкина. Он стоял, облокотившись на свой автомобиль без номеров, на крыше

которого вращался красный маячок, разрывая ярким светом плотный мрак ночи.

Николас выскочил из лимузина, как только он затормозил около машины Крокера. Томкин и шофер остались в лимузине.

Лейтенант исчез в машине. Николас медленно залез на соседнее сиденье. Крокер повернул голову и посмотрел на Николаса.

— Ты мне нравишься, Ник. Никогда не теряешь самообладания. Ты вообще-то когда-нибудь бываешь злым? Или печальным?

Николас промолчал, он думал об Юстине, ему захотелось увидеть ее и поговорить.

— Мне жаль тебя, если так не бывает.

— Я такой же, как и все, — наконец проговорил Николас по-прежнему спокойно.

— Не совсем.

— Просто меня всегда учили не делать ошибок.

— Но ты делал их...

— О, да. — Николас рассмеялся без тени иронии. — Я совершал их не раз, особенно, когда дело касалось женщин. Я им доверял, хотя и не должен был; теперь вот боюсь повторить все снова.

— С Юстиной?

— Да. Мы поссорились. Сейчас я понимаю, что во многом я был не прав.

— Знаешь, что я думаю, приятель? — спросил Крокер, глядя на дорогу:

— Что?

— У нас есть зацепка, — триумфально объявил Крокер. — Мы не знаем, кто этот ниндзя, но зато я точно знаю, где он будет сегодня ночью. В публичном доме одной китаянки.

— Нам нужно быть там, приятель. Тебе, мне и еще паре надежных ребят. Мы можем придавить этого ублюдка прежде, чем он доберется до Рафаэля Томкина.

* * *

— Есть еще один способ, — сказал Николас. — Лучше. — Он подцепил ложечкой кусочек пудинга и отправил его в рот. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь из ваших людей пострадал.

Крокер недоуменно посмотрел на него.

— Странная ты птичка. Если мы, полицейские, за что и получаем свои деньги, так это за риск.

Они сидели в закусочной на Элизабет Стрит. Вокруг было полно народу и стоял невообразимый шум.

— Оправданный риск, — поправил Николас. — Ниндзя — это орудие убийства, и полицейские не готовы к нему.

— Не слишком ли драматично?

— Нет.

Крокер отодвинул тарелку с остатками пищи. Официант тут же убрал ее.

— Ну хорошо. Что у тебя за идея?

— Я пойду один.

— Ты ненормальный. — Крокер покрутил пальцем у виска. — Послушай, Ник. Эта операция — дело полиции. Знаешь, что это значит? Мне надерут задницу, если я отправлю тебя одного. И после всего ты хочешь, чтобы я тебя отпустил?

— Тогда пойдем вдвоем.

— Не выйдет. Это будет значить, что я оставляю тебя прикрывать тыл. А ты этого не будешь делать.

— Тогда будут неприятности.

— Не будут, если мы возьмем его у А Ма.

Когда они поднимались по ступеням заведения А Ма, Николаса продолжало беспокоить некоторое преимущество ниндзя. Конечно, неожиданность была на их стороне, но противник слишком хорошо знал это место, все его входы и выходы. Николасу это не нравилось.

Перед дверью он остановил Крокера и сказал:

— Если мы не возьмем ниндзя в течение нескольких секунд, мы его потеряем.

— Значит, сконцентрируйся на том, чтобы взять этого ублюдка.

Крокер прокрался в мрачный вестибюль с револьвером тридцать восьмого калибра в одной руке и ордером на обыск в другой. Этот клочок бумаги было не так легко получить. А Ма имела много влиятельных друзей.

«Идиот! — думал Николас, идя вслед за Крокером. — Почему я сам этого не сделал?»

А Ма появилась в неподходящий момент.

— Что это значит? — спросила она. — Какое право вы имеете врывать в мой дом? У меня много друзей, которые...

— Японец, — сказал Николас на прекрасном наречии мандарин. А Ма замерла. — Где он? — спросил Николас. — Это все, что нам нужно.

Крокер уже бежал по коридору, распахивая двери в пустые комнаты. Обнаружив запертую, он принялся ее вышибать.

— Он тут все переломает! — закричала А Ма. Перед глазами китаянки снова встала та ночь, когда коммунисты ворвались в ее дом. Но здесь была Америка.

Николас пытался действовать уговорами.

— Этот японец очень опасный человек, А Ма. Он может навредить вашим девочкам.

Она поняла и молча уставилась на Николаса.

— Где он?

— Там. Там. Возьмите его!

Николас бросился по коридору, крича:

— В левой комнате!

Крокер подскочил к нужной двери и выстрелил в замок. Когда он выломал дверь плечом, в комнате раздался крик.

Николас уловил движение и инстинктивно прикрыл глаза рукой.

Сверкнула яркая вспышка.

Крокер зарычал, заслоняя рукой глаза.

— Что это?

— Ослепляющая бомба, — сказал Николас.

Из коридора доносился ужасный шум переполоха.

— Он ушел, Крокер. Через окно.

Патрульный Тони Де Лонг получил последние инструкции от лейтенанта Крокера по портативному передатчику и направил машину по улице Пелл.

— Здесь, — сказал его напарник Сэнди Бингхамтон. — Тормози.

Де Лонг погасил фары и развернул машину, перегородив улицу. Таким образом, он достигал две цели. Это прикроет их от возможного нападения из-за боковой стены здания, и помешает собраться толпе праздных зевак, которые повсюду совали свои носы.

Бингхамтон вылез из машины, с трудом протиснув наружу свое могучее тело. Затем остановился, держась рукой за край дверцы, и посмотрел в конец улицы Пелл. Тем временем Де Лонг вышел на связь со второй патрульной машиной, которую Бингхамтон видел в конце улицы. Он снял фуражку и вытер вспотевший лоб рукавом форменной рубашки.

Потом он повернулся к дому, изучая его расположение.

Де Лонг выключил передатчик, вылез из машины, и они оба направились к боковой стене здания. Лейтенант настаивал на чрезвычайной осторожности, но на улице было

тихо и пустынно. Для полицейских это не являлось обычным заданием, хотя, может быть, изредка им и приходилось участвовать в чем-то подобном. Несмотря ни на что, Де Лонг не беспокоился, твердо веря в лейтенанта. Он работал под его командованием уже полтора года и был уверен в нем. К тому же это задание и для него самого — неплохой экзамен, возможно, он получит долгожданный чин сержанта. Обычная патрульная служба давно наскучила ему и он все больше подумывал о том, чтобы стать детективом. В этом лейтенант наверняка смог бы ему посодействовать. К тому же дополнительная зарплата играла здесь не последнюю роль.

Де Лонг чувствовал за собой могучую фигуру Бингхамтона. Они были старыми напарниками.

Бингхамтон подтолкнул его, но он и сам уже видел. В одном из окон мелькнула тень и тут же раздался удивительно мягкий треск стекла.

— Там что-то происходит, — сказал Де Лонг. Выхватив револьверы, они притаились в темноте. В окне продолжали мелькать тени.

— Будь начеку, — прошептал Бингхамтон. — Он скоро должен появиться.

Де Лонг кивнул, и они стали красться к стене здания, двигаясь как можно тише, придерживаясь тени. Только сейчас Де Лонг заметил, что несколько уличных фонарей не горело. Это было странно, так как правительство Китай-города очень ревниво относилось к порядку на своих улицах. Хотя, прежде всего, это был Нью-Йорк.

Они увидели тень на стене здания почти одновременно. Де Лонг подал напарнику знак и, быстро перебежав улицу, исчез в тени дома. Чернокожий полицейский, в последний раз взглянув в дальний конец улицы, бросился за Де Лонгом.

Они крались вдоль стены, не спуская глаз с пожарной лестницы. Вот снова промелькнула тень, и потом — ничего.

Полицейские в недоумении переглянулись и бросились вперед, остановившись прямо под ступеньками лестницы. Отсюда стена дома казалась сплошным скопищем теней. Тусклый свет, сочившийся из некоторых окон, еще более усложнял задачу, сгущая тени. Всякий предмет, освещенный с нескольких стен, отбрасывал по две-три тени.

— Куда этот дьявол провалился? — спросил Де Лонг.

— Не знаю, — ответил Бингхамтон, убирая револьвер в кобуру. — но собираюсь узнать. — Он повис на перекладине пожарной лестницы, подтянулся и вступил на нее. Снова вынув револьвер, он быстро и тихо стал карабкаться вверх, постепенно становясь едва различимым за лесом металлических прутьев.

Возле второго этажа он остановился, услышав неожиданный вой полицейской сирены. Автомобиль промчался по соседней улице, очевидно, в верхние районы, так как вой сирены вскоре затих в летней ночи.

— Что-нибудь есть?

Тихий голос Де Лонга прозвучал так кстати в этом странном месте, где никогда не были слышны резкие крики или громкая музыка, даже движение здесь казалось чересчур медленным. Бингхамтон отрицательно махнул рукой и в то же мгновение услышал какой-то странный тихий свист. Это было похоже скорее на жужжание насекомого. Что-то острое кольнуло в грудь, раз, два, три. Он никак не мог понять — что же это.

Содрогнувшись, он вытянул вперед левую руку и, заметив какое-то движение, выстрелил, судорожно схватившись за ступеньку. Сейчас он думал только об одном, — как бы набрать побольше воздуха в легкие. Его револьвер ударился о металлическую ступеньку и полетел вниз.

Чувствуя себя словно пьяным, он повернулся и увидел темную фигуру, возникшую из ниоткуда. При слабом освещении и сквозь ряд металлических ступеней лестницы она выглядела комично, как бы отраженная кривым зеркалом. Бингхамтона затошнило.

Отсутствующее выражение этого бледного лица усиливалось черными мертвыми глазами. Глядя в эти странные расширенные зрачки, Бингхамтон невольно подумал о наркотиках. Он открыл рот, но оттуда вырвался только хрип: «Де Лонг».

Фигура приблизилась к нему, сильно увеличиваясь в размерах. Он потянулся вперед, как бы преграждая этой фигуре дорогу левой рукой, а правой стал на шаривать револьвер. Где же он? Он чувствовал огромную тяжесть, его тело словно налилось свинцом. Все свои последние силы он тратил на то, чтобы удержаться на лестнице. Грудь пылала беспощадным пламенем. Теряя сознание, он подумал о странной слабости во всем теле, и, запрокинув голову, посмотрел вниз.

Перед ним распростерся весь город, сверкающий розовыми и голубыми огнями. В его голове, напротив, был беспроглядный мрак.

Де Лонг почувствовал это раньше, чем увидел. Внезапно он отступил от лестницы, подсознательно ощутив, как что-то летит вниз. Это что-то упало с глухим стуком, прямо возле его ног.

— Господи! — выдохнул он, склоняясь над безжизненным телом напарника — его прошиб пот. — Господи, Сэнди, что с тобой?

Это был словно шок. Де Лонг знал, что должен искать того, кто это сделал, но не мог отвести взгляда от мертвого тела.

Услышав мягкий, можно сказать, кошачий звук, Де Лонг, наконец, поднял голову и инстинктивно укрылся в тени дома, глядя вверх. Вскоре он уловил бесшумное движение на пожарной лестнице, будто какое-то ночное животное карабкалось по ней. При других обстоятельствах он сделал бы предупредительный выстрел, но не теперь, когда Бингхамтона уже не было в живых. Де Лонг поднял револьвер, прицелился и выстрелил. Гулкое эхо прокатилось в ночи. По звуку он понял, что попал в металл.

— Дерьмо! — выругался он и снова выстрелил. На этот раз выстрел прозвучал по-другому. Попал ли он? Де Лонг сдерживался от желания разрядить в проклятую тень всю обойму. «Подожди, — говорил он себе. — Подожди, пока этот ублюдок не будет совсем рядом, тогда уже стреляй наверняка».

Тень на пожарной лестнице достигла первого этажа. Де Лонг сделал вдох, взялся за револьвер обеими руками и прицелился. Три выстрела прогремели один за другим.

Ничего не случилось.

Де Лонг в недоумении посмотрел на револьвер. Что происходит?

В тот же момент он уловил движение на улице. «Невозможно, — подумал Де Лонг. — Как он мог спрыгнуть с лестницы, не издав ни звука?»

Де Лонг расставил ноги и поднял револьвер в классической позе, которой обучали в Академии. Тишина, никакого движения. Он попытался взглянуть в темноту и вздрогнул, увидев тень прямо перед собой. Де Лонг быстро упал на одно колено и выстрелил. В то же мгновение револьвер был выбит из рук полицейского, и маленькое узкое лезвие ножа пронзило его сердце. Де Лонг был мертв прежде, чем упал на землю.

Николас и Крокер бросились обратно по коридору. Полуодетые женщины стояли в дверях, подозрительно глядя на странных посетителей.

С улицы донеслись выстрелы.

— Господи! — крикнул Крокер, сбегая по ступеням. — Что там за кутерьма?

Первое, что они увидели — это развернутую поперек улицы полицейскую машину. В следующее мгновение Николас обратил внимание на два распростертых тела. Одно лежало возле пожарной лестницы, другое чуть поодаль на темной улочке. Николас застыл, шаря глазами по сторонам.

Крокер рванулся вперед с револьвером в руке, но остановился, увидев первое тело. Медленно и почти на

цыпочках он подошел ближе и перевернул труп. Де Лонг лежал в луже собственной крови. Крокер взял его за руку в надежде обнаружить пульс, но пульс не прощупывался.

Затем Крокер подошел к телу Бингхамтона, остановился и сунул револьвер в кобуру. Простояв так несколько минут, он молча прошел мимо Николаса, сел в машину и вызвал по рации скорую помощь. Положив трубку, он откинул голову на спинку и закрыл глаза.

— Это была моя лучшая команда. — Его глаза широко раскрылись, а кулак с такой силой ударил по рулю, что тот задрожал. — Лучшие ребята! — Он вздохнул. — Теперь я жалею, что не послушал тебя. Не знаю, кто этот парень, но...

— Лью, — сказал Николас, устраиваясь на соседнем сиденье. — Я хочу поговорить с тобой, пока здесь нет толпы.

Крокер посмотрел на него. Где-то раздался вой сирены, вероятно, это мчалась скорая помощь.

— Я знаю, кто этот ниндзя.

Крокер некоторое время молчал.

— И как давно ты это знаешь?

Николас тяжело вздохнул от неожиданно нахлынувшей усталости. Пожалуй, слишком много смертей за последнее время.

— Не очень давно. Когда мы уходили от А Ма, я понял.

И Николас рассказал Крокеру все, что долгие годы лежало у него на душе.

— Ты думаешь, — сказал Крокер, молча выслушав рассказ Николаса, — что Сайго охотится вовсе не за Томкиным, а за тобой?

— И да и нет, — ответил уныло Николас. — Конечно, он собирается убить Томкина, но я также уверен, что он взялся за эту работу, чтобы заодно посчитаться и со мной. Иначе как объяснить все предыдущие убийства?

— Что-то похожее на кровную месть?

— Это касается чести.

— Но тогда ты должен был знать, что все случится именно так, рано или поздно. — Звук сирены стал ближе. — Разве ты не боялся?..

Грустно улыбнувшись, Николас покачал головой.

— Я давно был готов к этому. — Он вылез из машины, но снова нагнулся к окошку, чтобы Крокер мог услышать его сквозь отчаянный рев сирены скорой помощи, которая уже подъехала, заливая улицу красно-синими огнями. — Знаешь, Лью, — сказал он медленно. — Я ведь тоже ниндзя.

— Ник, подожди!

Но Николас поспешно скрылся в собравшейся толпе зевак.

* * *

Этой ночью Николас сидел в кабинете Томкина. Тот, как обычно, разговаривал по телефону, бизнес был в самом разгаре в это время суток. Представители фирм ждали решений, которые зависели от одного человека.

Пока Томкин разговаривал, Николас вертел в руках небольшое подслушивающее устройство из пластика и металла. Может быть, это! кусочек электронного настоящего и есть ключ ко всему. И к прошлому, и к будущему. Все может кончиться прямо сейчас, если он захочет. Если захочет. Николасу захотелось принять именно такое решение. Все равно Сайго забрал инициативу в свои руки.

Насмехаясь, Сайго все время ловко водил его за нос. Это тоже было из «Го Рин Но Сё». Ограничивать полезные действия врага, водить противника за нос, пока тот не будет полностью запутан, и только тогда нанести решающий удар.

— Где ты был? — спросил Томкин, кладя трубку. Он выглядел бодро в эти ночные часы. На нем был кремовый костюм, серый широкий галстук. Лицо слегка розовое, как всегда, в глазах ни тени сонливости.

— В Китай-городе.

Томкин хмыкнул, шевельнувшись в своем широком кожаном кресле. Он пристально посмотрел на Николаса. — Что там с этим ниндзя?

— Затем я и пришел сюда. Возможно, именно сейчас он замышляет твоё убийство, мы должны быть готовы его встретить.

— Готовься. За это я тебе и плачу, разве не так?

— К сожалению, все гораздо сложнее.

— Ну, значит, делай то, что считаешь нужным. Меня это мало интересует. Я просто хочу убрать его со своей дороги.

— Нет, это касается и тебя.

— Ну, конечно, ведь он послан, чтобы убить меня.

— Так же, как и меня.

— Что?

— Я знаю его. У нас с ним старые счеты. Это не твоё дело.

— Ладно.

— Кроме того, вполне возможно, мы окажемся в ловушке.

— Как?

— С помощью одного из его жучков. — Николас поднял подслушивающее устройство, чтобы Томкин мог его видеть. — Вот этот был обезврежен. Но сделан он по новой технологии, и как только вновь попадет на какую-нибудь поверхность, то опять начнет работать.

Глаза Томкина сверкнули.

— Ты хочешь сказать...

— Мы можем пустить его в действие. Надеюсь, его эффективность не станет хуже... Мы можем сами воспользоваться его ловушками. Он хочет покончить с нами обоими и не упустит шанса. Но если мы будем его ждать, то наши шансы остаться в живых увеличатся.

— Ты хочешь его пригласить? — спросил Томкин медленно.

— Да.

Томкин задумался. Николасу даже показалось, что он слышит работу его мозга, принимающего решение.

— Давай сделаем это. — В его голосе не было и тени сомнения.

После того, как Николас сунул жучок в один из ящиков стола, Томкин спросил:

— Можем мы назначить встречу с ним следующей ночью?

— Нет проблем.

— Хорошо. — Он поднял трубку, когда Николас уже направился к двери.

Некоторое время Томкин делал вид, что разговаривает по телефону, на самом деле он прислушивался к удаляющимся шагам Николаса и к шуму лифта. Когда шум стих, он положил трубку и открыл ящик стола. Томкин посмотрел на миниатюрное подслушивающее устройство со сдержанным восхищением. На лбу появились морщинки, так было всегда, когда он принимал какое-либо важное решение. Сердце учащенно забилося. Томкин облизал внезапно пересохшие губы, достал жучок и положил его на поверхность стола. Отвернувшись к окну, за которым сверкали огни ночного города, он начал говорить.

— Мне кажется, — сказал Томкин задумчиво, — все зависит от того, насколько он нужен вам. Но что, если я смогу вам его гарантировать? Да, я могу подать вам Николаса Линера на тарелочке. — Он повернулся и продолжал говорить уже прямо в устройство. — Держу пари, это очень важно для вас. Так же, как сама жизнь. Что скажете?

Томкин положил жучок на прежнее место, потом откинулся в кресле, положив руки за голову, и стал ждать телефонного звонка, а в том, что он последует, Томкин нисколько не сомневался. Пистолет с полной обоймой висел в кобуре под пиджаком, согревая и успокаивая.

* * *

Когда Сайго проснулся, на какое-то мгновение ему показалось, что он почувствовал дыхание смерти. Смерть никогда не страшила его, наверное, потому, что жизнь мало что для него значила.

Потом он вспомнил, что еще не убил Николаса, а ему очень хотелось отнять эту жизнь. Ничья смерть не могла бы доставить ему большего удовольствия.

Это было похоже на месть. Только она еще продолжала будоражить его сердце. Он подумал о всех своих деньгах, лежащих на счету в банке, о многочисленных акрах купленной земли, о четырех небольших, но быстро процветающих электронных концернах. Для чего все это?

Деньги были только средством для достижения власти, а власть — всего лишь призрачным счастьем.

В мире оставалось, пожалуй, одно, для чего Сайго еще стоило жить.

«Сегодня ночью», — подумал он мрачно, лежа обнаженным на кровати. Тусклый свет солнечных лучей, пробивающихся через шторы, отражался на потолке, напоминая очертания креста.

Сайго не переставал удивляться слабости американцев. Они были трусливы и никогда не имели настоящей силы духа. Он никак не мог понять, как это им удалось победить в войне. Ему доставит огромное удовольствие видеть лицо Рафаэля Томкина, умирающего под лезвием. Сайго верил, что это будет не трудно повернуть. Для него не было ничего невозможного.

«Да, — решил он твердо, — смерть придет сегодня ночью и к Томкину, и к Николасу». Может быть, между ним и Николасом возникнет схватка, и они оба погибнут. Но это мало беспокоило Сайго. Напротив, он даже учитывал ее, зная, что важность смерти зависит не от нее самой, а от ее значения. Смерть одних живет в истории, тогда как смерть других часто остается незамеченной.

Для Сайго, как и для всех японских воинов, с незапамятных времен существовало только два способа

достойной смерти: в бою или от собственной руки. Иная смерть означала несмываемый позор, кроме того, такого воина ждала ужасная карма в последующей жизни.

Той ночью им вновь овладела ярость, та ярость, которую он тщательно пытался заглушить длительными тренировками. «Вот — доказательство, как эмоции могут захлестнуть душу», — говорил он себе, сидя на своей кровати. Сайго проклинал тот день, когда Юкио вошла в его жизнь. «О, Амида!» — кричал он безмолвно.

Этот ранний час принес ему облегчение и уверенность. Теперь Сайго точно знал, что все случится сегодняшней ночью. Он должен быть быстр, очень быстр, чтобы сразу достать их обоих — и Николаса, и Томкина.

Даже во сне его мозг не переставал работать. Сайго уже понимал, что смерть этих двух людей принесет ему гораздо больше, чем просто удовлетворение. Он представил себе, что их ждет, и вздрогнул. В мозгу послышались умоляющие крики его жертв, похожие на завывание осеннего ветра. Сайго даже задержал дыхание и закрыл глаза, наслаждаясь этими воплями, прежде чем они умолкли.

«Да, — подумал он, поднимаясь и направляясь в ванную, — у него в запасе для врага имелось кое-что поужасней, чем просто вспоротый живот».

Сайго знал, что мир — это одно огромное колесо, которое направляет карма. Кармы же людей — всего лишь маленькие колесики внутри него, у колесика его судьбы нет конца, как не было и начала, и если его ждет смерть, он должен встретить ее с распростертыми объятиями.

* * *

Занятий сегодня не было, и пустой зал казался неестественно огромным. Это напомнило Николасу о том дне, когда он последний раз видел Кансацу. Он вдруг понял, как бессмысленно прожил все эти годы.

Что же на самом деле связывало его с Америкой? Что он мог сделать за то же время в Японии? За такое долгое время. А если бы он никогда не занимался будзюцу? Что тогда? Кем бы он сейчас был? Каким-нибудь правительственным чиновником с высоким заработком, обладателем богатого дома и красивого сада. Две недели в году он проводил бы где-нибудь в Киото или на побережье, может быть, даже в Гонконге, у него была бы жена и дети. Они бы, смеясь, боролись с ним.

Пустота, понял он, заметна тогда, когда ее нет рядом. Юстина. Юстина. Юстина. Мысли снова вернулись к прошлому. Ему захотелось преклонить колени перед могилами своих родителей, прочесть молитву.

— Ты принес ее? — спросил Фукасиди.

— Да, я знал, что когда-то сделаю это, но не знал, почему.

— Пойдем.

Фукасиди привел Николаса в одну из задних комнат, где они сняли обувь и уселись на татами в позе лотоса.

Фукасиди грациозно взмахнул рукой.

Николас развернул бумажный сверток. Там оказалась шкатулка со Львом и драконом, подаренная дедом его родителям.

— Открой ее, — в голосе Фукасиди чувствовались нотки волнения.

Николас подчинился и открыл крышку.

У Фукасиди дух захватило, когда он увидел девять сверкающих изумрудов. Вздохнув, он тихо сказал:

— Никогда не думал, что когда-нибудь увижу подобное. — Он снова вздохнул. — И все они здесь. Все девять.

Фукасиди поднял голову.

— Времена меняются. Когда ты пришел ко мне много лет назад в Киото, только письмо моего друга Кансацу удержало меня от того, чтобы прогнать тебя. Ты не знаешь этого. Все это правда. Если быть полностью правдивым, даже после

того, как я прочел письмо, я подумал, что делаю большую ошибку. У меня были сомнения насчет твоего посвящения в ниндзюцу, несмотря на то, что написал Кансацу. Я беспокоился о сохранении тайны учения, ведь ты выходец с Запада. И все-таки я поверил словам Кансацу. Конечно, теперь я думаю иначе. Ошибкой было бы прогнать тебя. Ты стал первым учеником смешанной крови в школе «Тэнсин Сёдэн Катори». Единственным. Я ни о чем не жалею, у меня не было ученика лучше.

Николас поклонился.

— Но ведь ты пришел к нам по какой-то причине, так? И теперь пришло время. Началось?

— Я бы сказал, — что это началось уже некоторое время назад. — Он рассказал старику об убийствах.

Когда Николас закончил рассказ, воцарилась тишина. Фукасиди молча изучал лицо Николаса.

— Когда ты присоединился к нам, ты дал обет и повторял его в дальнейшем перед каждой новой ступенью обучения. Но трое твоих друзей убиты, ты можешь нарушить обет. — Фукасиди кивнул, вынул из-за пазухи несколько свернутых листов рисовой бумаги и протянул их Николасу.

— Вот письмо Кансацу. Я следую его инструкции и отдаю письмо тебе.

* * *

Это был черный «форд». Доктор Дифорс пытался разглядеть того, кто сидел в машине, но яркие блики солнца, отражаясь от стекла, делали это невозможным.

Он достаточно долго наблюдал за «фордом» и теперь был полностью уверен, что тот следовал за автомобилем Юстины. Помня о предупреждении Николаса, Дифорс повернул руль и поехал вслед за ними.

Николас позвонил ему рано утром и попросил навестить Юстину. Доктор уже подъезжал к дому, когда увидел, что

Юстина садится в свою машину. В тот же момент Дифорс и заметил этот «форд».

Он держался поодаль и свернул на обочину, когда Юстина остановилась возле Флаинг Пойнт. Из черного «форда» никто не вышел. Дифорс терпеливо ждал. Он выбрался из машины, чтобы лучше видеть Юстину. «Форд» в это время начал медленно двигаться по дороге вдоль пляжа.

Дифорс торопливо вернулся в машину и включил зажигание.

Его прошиб пот, когда «форд» скрылся за поворотом. Дифорс нажал на газ и поехал следом. «Форд» стоял на обочине. Дифорс припарковался неподалеку, надел солнцезащитные очки и вышел из машины. Отсюда он отчетливо видел, что в «форде» никого не было.

Вокруг стояла тишина. Живая ограда из сосен, стоявших вдоль обочины, не давала проникнуть шуму прибоя.

Дифорс медленно направился к «форду». Кто следил за Юстиной? Почему? Его рубашка пропиталась потом и прилипла к телу. Неужели опять приступ малярии? Она всегда мучает его летом.

Он подошел к «форду» и заглянул внутрь, там не было ничего примечательного. В этот момент из-за машины показалась тень. Дифорс узнал ее сразу, это была тень из его ночных кошмаров. Теперь она явилась наяву. Тень сделала почти неуловимое движение, и доктор инстинктивно заслонил лицо рукой. Что-то обвило его лодыжки, и в одно мгновение он очутился на земле. Раздался какой-то металлический скрежет, и он почувствовал боль в ногах. Хватая воздух широко раскрытым ртом, Дифорс посмотрел на ноги и увидел цепь, обвивавшую лодыжки. Он попытался приподняться, но в тот же момент к горлу приставили лезвие. Он посмотрел вверх и на фоне голубого неба увидел лицо, заставившее его содрогнуться. Выпустив из легких весь воздух, Дифорс уставился в мертвые, как камни, глаза, глаза сумасшедшего. Они были так не похожи на те, что он видел много лет назад, и в то же время так похожи на них. Глаза ниндзя. Дифорс

снова ощутил себя на Филиппинах, в палатке, привязанным к столу.

Тихий и ужасающий голос спросил:

— Зачем ты следил за мной?

— А зачем ты следил за девушкой?

Выражение глаз ничуть не изменилось. Но без предупреждения ниндзя натянул цепь, и острые звенья еще глубже впились в тело.

Голова доктора Дифорса откинулась назад, с приоткрытых губ сорвался тяжелый стон.

— Зачем ты следил за мной?

Вопрос повторялся снова и снова. С каждым разом боль усиливалась, возрастая постепенно, как прилив. Она пронизывала все тело. Дифорс не мог оторвать взгляда от этих глаз, в которых не было ни капли жалости, ничего, кроме пустоты, и какой-то страшной силы, словно сам дьявол склонился над ним.

Пришло его время умирать, — у доктора Дифорса не было никаких сомнений на этот счет. Вот они — его последние минуты, он слишком слаб и стар, чтобы сопротивляться. Но все-таки что-то внутри противилось смерти. Трудно верить в смерть, пока она не наступила.

Ниндзя надавил коленом на грудь Дифорса. Мягко, почти вежливо, он взял руку доктора и одним движением, сломал большой палец. Затем подождал некоторое время, чтобы прошел шок и боль из резкой стала тупой, и сломал следующий палец. И так, один за другим — все остальные, медленно и безжалостно.

Каждый раз Дифорс вздрагивал всем телом, из его рта вырывался стон. Он шептал имена дочерей, имя своей давно умершей жены. И скорее чувствовал, чем видел, как ниндзя наклоняется ближе, чтобы понять его бормотание. Снова треск и острая, жгучая боль — было сломано правое запястье. Боль нахлынула новой волной, тело содрогнулось в агонии и, наконец, наступило долгожданное беспамятство.

Сайго понял, что ничего не добьется своей пыткой и резким движением рассек ножом горло Дифорса.

* * *

Она осталась в доме одна. Слуги были отпущены на уикэнд. Юстина легла на диван, как в детстве, когда она мечтала, что когда-нибудь станет настоящей дамой и у нее все будет — слава, золото, поклонники.

В таком положении и застал ее Сайго. Юстина лежала, погруженная в свои мечтания. Она так никогда и не узнала, потеряла ли она сознание или что-то было сделано с ней до того, как она вошла в дом. Может быть, она спала. Но нет, не спала.

Он работал над ней около пятнадцати минут, прислушиваясь к посторонним звукам. Сайго опасался, что кто-нибудь помешает ему, иначе пришлось бы вытаскивать ее отсюда, а этого он не хотел.

Здесь девушка была расслаблена, в это место она верила, что упрощало его действия.

Все время глаза Юстины оставались открытыми, но она видела только его лицо, которое стало для нее больше, чем просто человеческое лицо. В нем для Юстины воплотилось все — земля, по которой она ходила, пища, которую она ела, вода, которую пила, воздух, которым дышала. Это лицо стало ее миром, ее вселенной. Это был гипноз.

* * *

— Кансацу посчитал это самым подходящим временем, чтобы рассказать тебе все, Николас. Если бы это произошло раньше, то, без сомнений, ты бы не был готов к встрече с Сайго. Он расправился бы с тобой так же просто, как тогда, в Кумамото.

— А сейчас? — Его голос звучал взволновано.

— Он все еще может оказаться лучше тебя. Я боюсь, Николас, что кое в чем он даже превзошел само учение. Сайго нашел такого сенсея, которого никогда бы не допустили в нашу школу. Скорее всего, это что-то среднее между китайской и монгольской школами, о которых и по сей день мало что известно. В его руках большая сила, Николас, он совершенен.

— Я тоже кое-чему научился.

— Конечно. Но ваши школы нельзя сравнивать.

Николас понимал, что Фукасиди прав, и молчал, пока сенсей готовил нехитрый обед. После еды, когда на город уже спустилась ночь, Фукасиди начал свой ритуал, который должен был продлиться до утра.

— Это, — его пальцы коснулись открытой шкатулки с изумрудами, — кокоро — слово, которое как и многие другие слова в японском языке, имело много значений: сердце, душа, мужество, твердость, решительность и так далее. Настоящее волшебство. Твоя мать знала его, не могу этого сказать о твоём отце, но ты тоже должен знать. Для тебя это имеет большое значение. — Его внимательные глаза были по-прежнему молоды и полны жизни. — Девять — ключевое число, Николас. Здесь девять изумрудов, девять сил ниндзюцу.

* * *

Сайго проснулся за час до рассвета. За этот день ему предстояло многое сделать, а время неумолимо бежало вперед, несмотря на то, что он тщательно рассчитывал каждый свой шаг. Больше, чем за неделю до этого он спал глубоко и без снов.

Выйдя на улицу, Сайго отправился в лавку, где купил большую сумку с длинными лямками, которые он сперва опробовал на прочность. Доехав на автобусе до Сорок Седьмой улицы, Сайго пошел пешком к Бродвею. Там он зашел в ателье и приобрел светлый деловой костюм. Пиджак сидел отлично, но брюки пришлось оставить портному, чтобы

укоротить. Там же Сайго купил кепку, которая нелепо смотрелась на нем днем, но он знал, что ночью она будет в самый раз.

Последнюю свою остановку Сайго сделал в Китай-городе, где обзавелся бамбуковой тростью. Экипировавшись таким образом, Сайго отправился на поиски того, кто бы выглядел примерно так же, как он. Сайго предусмотрел все: рост, вес, сложение. Лицо значения не имело.

* * *

— Юстина вчера уехала, — сказал Николас. — Я просил ее оставаться на побережье Бриджа в отцовском доме, пока все не закончится.

Крокер захлопнул дверцу машины и подошел к Николасу.

— Хорошая идея. Я тоже попросил Гельду остановиться у кого-нибудь из друзей.

Перед ними простиралась Парк Авеню, строящийся шедевр современной инженерии.

— Он там? — спросил Крокер, показывая на офис.

— Должен быть. Об этом мы договорились в первую очередь. — Они направлялись по деревянным мосткам к недостроенному зданию. — Надо признать — у него крепкие нервы.

— Если он и согласился на это, то наверняка не просто так.

— Конечно. Ему не терпится избавиться от Сайго. Ты ведь не думаешь, что он хочет быть покойником?

Крокер криво усмехнулся.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь этого хотел. — Они вошли в лифт.

— Где люди?

— Они придут. — Крокер посмотрел на часы, — через пятьдесят минут. Все полицейские в твоём распоряжении. У

них будет слезоточивый газ, автоматы и пара винтовок с ночным прицелом. Можно попасть в монетку с тысячи ярдов в полной темноте. Все люди, конечно, будут в пуленепробиваемых жилетах. — Двери открылись на верхнем этаже. И они вышли в коридор.

Когда они подошли к двери кабинета Томкина, Николас остановился.

— Помни, — сказал он. — Я хочу, чтобы на этом этаже не было никого из твоих людей. Что бы ни случилось, это понятно? Если Сайго наткнется на них, им несдобровать. Я не хочу, чтобы кто-нибудь помешал мне. Этот этаж должен быть чист.

— Нет проблем. Не то, чтобы мне это нравилось, но здесь командуешь ты. Две ночи назад у меня уже была возможность убедиться в твоей правоте. Только, — он поднял палец, — не думай, что и меня здесь не будет. Я буду с тобой.

Николас кивнул.

— Хорошо, провернем это вместе, только не принимай необдуманных решений.

— Мне бы хотелось знать, что ты приготовил для парня.

— Лучше, чтобы никто этого не знал. Тем более, это касается только его и меня.

— Но что у тебя есть?

Николас чуть выдвинул катана из ножен.

— Вот, — сказал он, — все, что мне нужно. — Он открыл дверь, и они вошли в просторный кабинет.

* * *

Старик стоял на западной стороне Парк Авеню. Несмотря на редкое ночное движение, он терпеливо ждал светофора. Когда тот наконец мигнул зеленым, старик медленно пошел через широкую улицу. Его казавшаяся хрупкой фигура согнулась под тяжестью сумки, висевшей за спиной. Он едва передвигал ноги, опираясь на бамбуковую трость. Парк Авеню

состояла из нескольких полос, и ее нельзя было перейти по одному светофору.

Стоя на островке безопасности, старик озабоченно посматривал по сторонам, как-будто искал свое любимое кресло-качалку. Его голова медленно поворачивалась, пока взгляд не упал на недостроенное здание, стоявшее на другой стороне улицы. Если кто-нибудь и наблюдал за стариком, то наверняка не заметил в нем ничего необычного. Светофор загорелся зеленым, и старик продолжил свой путь.

Перейдя дорогу, он не свернул направо, а пошел прямо, к Лексингтон Авеню. Там он повернул на юг, сделав полукруг по периметру башни.

На углу улицы стояла старая телефонная будка из металла и стекла. Позади нее находились пластиковые бачки для мусора.

Возле автомата, встав в его тень, старик опустил сумку к ногам и распрямил плечи. Бамбуковая трость полетела в сторону. Здесь он был невидим для тех, кто находился в башне.

Прошло двадцать минут.

Не нагибаясь, он расстегнул сумку, в его движениях сквозила быстрота и точность. Когда он вновь появился из-за своего укрытия, это был уже типичный бизнесмен в роскошном костюме по американской моде.

Возле восточного фасада здания было тихо и безлюдно, но Сайго заметил две полицейские машины, припаркованные с северной стороны. В машинах никого не было видно, но он был уверен, что в действительности это не так.

Обойдя здание со всех сторон, Сайго насчитал с полдюжины людей внутри и снаружи. Неожиданно для себя он уловил слабый отблеск от дула винтовки.

Его не волновало количество людей, привлеченных к охране Томкина, и все же их не стоило сбрасывать со счета. Как много людей погибло только из-за того, что они вовремя недооценили ситуацию.

Примерно через полчаса Сайго вновь вернулся к телефонной будке. Времени оставалось мало.

Сумка была там, где он ее спрятал, среди мусорных бачков. Он посмотрел на часы. Тридцать секунд. Сайго расстегнул сумку в последний раз, сбросил с себя костюм и достал необходимое снаряжение.

Небольшая, но мощная бомба, незаметно брошенная им под одну из полицейских машин, сработала. Сильный взрыв разорвал ночную тишину, в небо полетели осколки стекла и куски железа. Машины охватило пламя.

Пригнувшись, Сайго бросился к зданию, все время придерживаясь тени. У южного входа он притаился и достал из кармана маленький плотный кубик. Проглотив наркотик, Сайго стал ждать его действия. Из-за наркотиков ему в свое время пришлось покинуть школу ниндзюцу, но он ничего не мог с собой поделать. Наркотики были сильнее его.

Началось! Яркий свет. Формы и линии стали отчетливее, почти двухмерны, как задние декорации на театральной сцене, четче стала даже пыль, витающая в воздухе. Это было тоже его преимущество. Теперь веки могли моргать вдвое быстрее, и глаза не засорятся. Это ничтожное количество времени могло стать решающим в чьей-то то жизни и смерти.

Сайго поднял взгляд. Он надеялся, что ему не придется идти на крайние меры, но если все-таки...

Он увидел первого. Тот был одет как-то необычно и держался слишком самоуверенно.

Несколько минут Сайго наблюдал за полицейским. Он хотел узнать кое-что прежде, чем сделать первое движение. Охраняет ли этот полицейский определенную территорию, и если так, то подстраховывается ли он кем-нибудь еще?

Удовлетворенный, Сайго достал две изогнутые пластины, скрепил их вместе, и у него в руках оказался легкий пластиковый лук с прицелом.

«Интересно, — подумал он. — Взрыв не произвел той суматохи, которая предполагалась. Тем не менее, он дал возможность проскользнуть к зданию». Где-то раздался вой

пожарки. Может, все-таки машины были пусты, и взрыв не причинил никому вреда?

Сайго дожидался, пока полицейский в очередной раз не покажется перед ним. Вставив в лук стрелу со стальным наконечником, он натянул тетиву и прицелился. Это была необычная стрела. Сверхпрочные стальные наконечники изготавливались еще в древности. Такая стрела могла пробить и очень твердую цель.

Сайго отпустил тетиву. Дуло, высывающееся из окна на верхнем этаже, исчезло. Полицейский, услышав короткий и пронзительный свист, остановился и поднял винтовку. Сайго тенью метнулся к нему. В левой руке он держал что-то вроде кастета с острым шипом против каждой костяшки пальцев.

Полицейский едва успел открыть рот, как шипы сильно вонзились в его глотку. Темная кровь хлынула потоком, тело содрогнулось в конвульсиях, как будто сквозь него прошел электрический разряд.

Сайго не торопился. Наверху его могли ждать. Он представил себе широкое лицо Томкина, залитое потом от неведения, что делается в этот момент внизу.

Двигаясь без шума, словно ночной ветерок, гуляющий среди опор здания, Сайго сзади подкрался ко второму полицейскому и набросил на него черную нейлоновую удавку с узлом, который тотчас впился ему в кадык. Полицейский изогнулся дугой, борясь за каждый глоток воздуха.

Здесь Сайго ожидал сюрприз. Вместо того, чтобы схватиться за удавку руками, полицейский развернулся, сильно сжал запястья нападавшего и одновременно ударил ногой по голени. От неожиданности Сайго полетел на пол, а здоровенный верзила тут же набросился на него. Сайго наносил удары руками, но они были малоэффективны из-за тяжелого веса навалившегося. Он выругался про себя за излишнюю самоуверенность и правой рукой выхватил нож. Лезвие вошло в плечо у самой ключицы. Полицейский крякнул и сдавил Сайго еще сильнее. Сайго услышал резкий треск у правого уха, лук его был оборван.

Перенеся весь вес на колени, стоявшие на груди Сайго, полицейский допустил ошибку. Откуда ему было знать, что Сайго мог задерживать дыхание почти на семь минут?

Сайго сконцентрировался на торсе полицейского и нанес удар ножом под ребра. Пуленепробиваемый жилет оказался прочнее лезвия, но сильный удар кастетом в солнечное сплетение достиг цели. Грудная клетка полицейского была сломана, его массивное тело тут же обмякло. Сайго сбросил полицейского и снова накинуд удавку.

Словно почуяв вспышку выстрела, Сайго перекатился по полу и бросился в тень, пуля срикошетила совсем рядом.

Еще один снайпер! Сайго затаился в тени толстой колонны, прислушиваясь к посторонним звукам. На руке выступила кровь, пуля все-таки задела его. Он ощупал рану: «Всего лишь царапина». Слишком беззаботным он стал. «Мы не можем поощрять применение наркотиков — любых наркотиков», — слышал он голос своего сенсея. «Наркотики сужают сознание, снижают осторожность и вселяют самоуверенность. Такой воин не может сражаться, ему способен противостоять даже обычный солдат».

Он попал в хитрую ловушку, сам пошел в нее. Сайго впервые понял, насколько недооценил своих врагов. Он вдруг почувствовал себя беспомощным и ужасно одиноким в этой ночи. Только один человек понимал его — отец, но он ушел, оставив лишь завещание. Возможно, оно-то и было всему виной. Отец всегда безумно жаждал власти, единоличной власти, даже в могиле он хотел распоряжаться жизнями неугодных ему. Распоряжаться его, Сайго, руками. И все же он уважал отца, как никого больше. Сацугай с самого начала вмешивался в жизнь сына, со временем стал ее неотъемлемой частью. Сайго не мог даже представить себя, живущего не по указке отца. Как бы он тогда, наверное, наслаждался жизнью. Теперь-то он знал, что в жизни, пожалуй, нет ничего, чем можно было бы насладиться по-настоящему: к нему вернулось сознание незаконченного дела. Больше не было одиночества и страха. Наркотик вошел в его сознание, поднял дух, наполнил мускулы энергией. Пора.

Выглянув из тени, Сайго засек еще одного полицейского с автоматом наизготове. Они заметили друг друга одновременно. Ствол автомата медленно поднялся на уровень груди Сайго. Палец лег на курок. Полицейский смотрел в глаза Сайго. Он замер, как статуя, когда Сайго выхватил из-за пояса короткое четырехдюймовое стальное лезвие, которое через мгновение влетело в раскрытый рот полицейского, пробило гортань и вошло в мозг. Полицейский крутанулся на месте и судорожно нажал на курок — раздалась короткая очередь.

Сайго бросился прочь от тяжело упавшего на пол тела, слыша топот ног и крики бежавших на выстрел полицейских.

Он искал второго снайпера, который мог доставить ему массу неприятностей. Шестое чувство, харачей, часто выручало Сайго, но на таком большом расстоянии оно мало эффективно. Снайпер же был по-прежнему опасен. Сайго давно мог бы подняться наверх, но понимал, что нельзя это делать, пока он не устранит снайпера.

Он подтянулся на широком карнизе здания, взобрался на него, и, пригнувшись, бросился бежать вдоль стены. Тут же прогремели два выстрела, и если бы он не бежал, то несомненно был бы уже мертв.

Сайго мчался по карнизу, сконцентрировавшись на том, что впереди, тогда как подсознательно определял местонахождение снайпера по двум коротким вспышкам.

Невдалеке он увидел два пятна света с тенью между ними. Огибать их — значило вернуться на нижний уровень. Этого он не хотел делать, хоть и не давал никакого преимущества снайперу этим маневром. Сайго остановился в шести футах от первого пятна и, замерев, осмотрел местность перед собой. Затем он трижды глубоко вздохнул и бросился вперед. Шаг, два, и он взлетел в воздух, поджав ноги. Первое пятно Сайго пролетел, словно вращающийся мяч.

Приземлившись, он услышал выстрел. Насколько близок снайпер, Сайго не знал, времени на размышление не было. Достигнув второго пятна, он снова взмыл в воздух и на этот

раз засек по новой вспышке выстрела окно, в котором притаился снайпер. Снова оказавшись в тени, Сайго метнулся к этому окну, не обращая внимания на боль в ноге, одна из нуль, видимо, зацепила его.

Снайпер увидел ниндзя прямо перед собой, стрелять было поздно, и он сделал выпад вперед винтовкой, целя стволом в грудь японца. Сайго без труда отбил винтовку ногой и резко ударил ребром ладони, правая сторона грудной клетки снайпера треснула, как яичная скорлупа. Он удивленно вскрикнул и начал заваливаться вперед. Сайго нанес сокрушительный удар в переносицу, оставляя страшную рану, из которой сразу же хлынула кровь. Снайпер тяжело осел на землю.

Сайго пригнулся и бросился к лестнице, в руке он сжимал ножны с катана.

* * *

— Они прикончили ублюдка. Послушай, что там творится. — Томкин стоял за столом, расставив ноги и опершись кулаками о его поверхность.

Звуки выстрелов усиливались продолжительным эхом.

Николас застыл на своем посту возле двойных металлических дверей.

— Как ты думаешь, Ник?

Николаса удивила неожиданная нервозность Томкина. Когда он видел его последний раз, Томкин был спокоен и расслаблен, как человек, отправляющийся в отпуск. Теперь же он явно паниковал.

Лицо Томкина покрылось испариной. Его не покидали мысли о ниндзя. Он прекрасно знал о количестве привлеченных к охране полицейских с их совершенным вооружением. Прикончили ли они его? Внизу раздавался такой шум, словно началась мировая война. Что, если он доберется сюда? Могу ли я ему верить? О боже, Линер — моя последняя линия защиты, а я предал его.

Томкин открыл рот, желая что-то сказать, но передумал. Он не мог объяснить Николасу того, что сделал, ни при каких обстоятельствах. Томкин опустил руку в карман и нащупал вспотевшими пальцами холодную рукоятку пистолета. Его не покидало чувство безысходности, будто он находится в море и беспомощно смотрит на приближающуюся акулу. От этого чувства ему было не по себе. Прошло то время, когда он мог беспечно наслаждаться жизнью, сидя вот за этим столом. Теперь другие контролировали его жизнь, а он испытывал страх.

— Сядь, Томкин. Он скоро придет.

— Придет? Кто?

— Сайго. Ниндзя.

Лицо Томкина освещал тусклый свет из окна. Все освещение на этом этаже было выключено.

— Разве они не прикончили его?

— Вряд ли.

— А что же делают все эти люди внизу? — Он думал о них, как о линии обороны. Не мог же ниндзя сокрушить ее так быстро и так легко.

Николас не понял его.

— Ты меня удивляешь. Это же не моя идея. Здесь должны были находиться мы с тобой и он. Все, кто внизу — невиновны.

— Ты хочешь сказать, что мы виновны — ты и я, и этот полицейский? — спросил Томкин, подойдя к окну.

Николас по-прежнему напоминал статую.

— Да. Здесь мораль имеет мало значения. Человек сам по себе — муравей в масштабах вселенной. Что значит жизнь муравья для истории? Об этом даже нечего думать.

— Ты сумасшедший, — сказал Томкин. — Я не знаю, о чем ты говоришь. — Беда в том, думал он, что в действительности все ясно. Он взял пальцами за виски. Как участил пульс. Удары гулко отдавались в голове, как в

пустом воздушном шаре. «Куда ушли спокойные дни? — спрашивал Томкин себя. — Охота в Коннектикуте, танцы, те летние дни, когда девочки были с ним».

— Ты сказал, что он придет. — В голосе Томкина чувствовалось волнение. Ему пришлось откашляться, прежде чем он смог продолжить. — Что ты собираешься делать?

— Сядь, — сказал Николас. — Я хочу, чтобы ты не мелькал перед окном.

— А я хочу все знать! — заорал Томкин. — От этого зависит моя жизнь!

— Сядь, Томкин. — Голос Николаса стал еще тише. — Твои вопли приведут его прямо к тебе.

Томкин уставился на него, грудь его тяжело вздымалась, затем он резко опустил на стул.

Николас повернул голову к дальней стороне кабинета. Рядом с дверью в ванную был небольшой коридорчик, ведущий к электрощиту и кондиционеру.

Он не верил, что Сайго войдет через главную дверь. Она была слишком массивна и открывалась медленно. Нужно много времени и усилий для того, чтобы открыть ее. Он также не мог не считаться с внешним оконным карнизом, но в новых домах, в целях сохранения постоянной температуры, окна не открывались. Конечно, их можно было разбить, но для этого тоже нужно время, к тому же это произвело бы много шума.

Следовательно, можно ожидать атаки из дальнего угла кабинета. Николас подумал о более выгодном для себя положении, возможно, возле кондиционера. Но если Сайго изберет другой путь, тогда у него останется мало шансов, чтобы спастись.

В том, что Сайго уже на пути вверх, Николас не сомневался.

В кабинете было очень тихо. С улицы больше не проникало никаких звуков. Николас слышал шумное дыхание Томкина, как будто тот был астматиком. За столом он находился полностью в тени.

В здании было полно полицейских. Конечно, этого следовало ожидать. Двое охраняли лестничный пролет, еще трое стояли возле лифта, хотя Сайго даже и не собирался воспользоваться главным лифтом.

Проще всего для него было использовать гипноз, этот план был как практичным, так и удивительным. У него появилась идея заставить одного из полицейских поднять его в лифте. Но все будет зависеть от обстоятельств. Будь у него время, он без сомнения расправился бы с ними. Но времени не было, драгоценные минуты отняли непредвиденные обстоятельства там, внизу. Сайго не хотел рисковать и пробиваться через целый кордон полицейских. Он мог, конечно это, сделать, но так глупо рисковать не было необходимости.

Стоя в тени, Сайго вынул из-за пояса четыре мягких подушечки и надежно привязал их к подошвам ботинок и ладоням. Катана он повесил за спину. Теперь он не мог сделать ни одного шага, чтобы не привлечь внимания. Внешние стороны подушечек были утыканы дюймовыми стальными шипами.

Сайго отвязал от пояса длинный нейлоновый шнур и прикрепил к одному концу небольшой, острый, треугольный крючок. Он посмотрел вверх, на стены дома, хотя уже достаточно изучил их раньше. Обнаружив то, что искал, Сайго раскрутил шнур с крючком над головой.

Пущенный вверх якорь прочно зацепился за выступающую из стены металлическую балку. Упираясь ногами в стену, Сайго начал карабкаться по стене. Таким способом штурмовали стены крепостей. Самая высокая стена не являлась препятствием для ниндзя.

Сайго поднимался вверх с поразительной скоростью. Он почти слился с темной стеной здания так, что его невозможно было заметить снизу. Он находился в безопасности.

Для полицейских, оставшихся внизу, его исчезновение было столь неожиданным, словно он растворился в воздухе. Так они и доложили по рации Крокеру.

На верхнем этаже стояла тишина, так хотел Николас, вот почему он настаивал на том, чтобы на этаже не было ни одного из людей Крокера. Шум был бы для него врагом в сложившейся ситуации.

— Я хочу, — сказал Николас через некоторое время, — чтобы ты отвернулся от него, когда он появится. Ты сможешь сделать это?

Это, действительно, трудно, повернуться спиной к тому, кто хочет тебя убить. Но это было необходимо.

— Да, смогу.

В его голосе был страх, и Николас засомневался.

— А ты собираешься встретить его там, где стоишь?

— Не беспокойся об этом. Просто помни, что я тебе говорил. Если ты сделаешь что-нибудь лишнее, то можешь умереть прежде, чем узнаешь, что с тобой случилось. Не время думать о самоконтроле.

— Что ты можешь знать об этом? — Сквозь страх Томкин вдруг обнаружил некоторое сходство их характеров. Он не мог понять, откуда взялось это чувство, но он знал, что это так. В нем была душа зверя, спрятанная под личиной цивилизации. Томкин вздрогнул, подумав о том, что будет, если эта личина слетит. Может быть, поэтому он порывался доверить Линеру некоторые секреты, которые собирался унести в могилу. Они были схожи.

— Я все знаю об этом. Я много уделял внимания самоконтролю. Мозоли не вырастают сами по себе на руках.

— Что ты имеешь в виду? — Но он уже знал ответ.

— Мне кажется, что все эти годы в моей голове находился новокаин. — Николас замолчал и прислушался, наклонив голову. Томкина бросило в пот. Неужели он уже идет?

— Твоя дочь незаурядная личность.

— Кто, Юстина? — Томкин фыркнул, почувствовав себя лучше, как будто снова встал на твердую почву. — С таким же успехом можно назвать незаурядной обыкновенную гагару. Это твое мнение, — сказал Томкин, решив, что не время

ссориться с Николасом. — Мне много пришлось натерпеться с ней. Ты еще плохо ее знаешь, я хочу, чтобы у вас все получилось. Я говорю то, что думаю. Ты подходишь ей. Твоя сила поможет ей забыть прошлое...

В кабинете снова воцарилась тишина, казавшаяся абсолютной и слишком неестественной для такого большого и шумного города. Но внешний мир перестал существовать для них. Они были в своем, маленьком мирке, где действовали свои законы.

«Идет, — подумал Николас. — наконец-то он идет».

Слыша крадущиеся шаги Сайго, он разобрал еще кое-что; непередаваемый звук катана, вынимаемого из ножен. «Крокер, — подумал Николас. — Тебе лучше держаться подальше отсюда. Ты был предупрежден. Это касается только меня и Сайго, бог тому судья».

Движение по полу. Никто, кроме Николаса, не слышал его. Харачей; Он чувствовал приближение врага. На Николасе была черная шелковая рубашка и такого же цвета штаны. Он сжимал рукоять катана обеими руками, стоя в позиции хаппо ундо, «открытый на все восемь сторон», эта техника была разработана Миямото Мусаси еще триста лет назад. Позиция не оставляла незащищенной ни одну сторону. Это было проверено на практике задолго до того, как он родился.

Энергия растекалась по телу, как ток из генератора. Теперь все имело значение, каждая деталь в интерьере кабинета: высота, длина, глубина, очертание — все представляло собой отдельные замкнутые пространства, в которых могла таиться смерть.

Одна из теней сдвинулась, и Николас понял, что Сайго находится в узком коридорчике. Николас смотрел через комнату, замерев с высоко поднятым над головой катана. Его ноздри расширялись, и он учуял запах прежде, чем услышал тихий щелчок по полу.

Дверь в ванную была приоткрыта, и он воспользовался этим. За ней достаточно пространства, чтобы скрыться от вспышки света.

Сайго находился в комнате, используя взрыв для быстрого продвижения. Он направился прямо к Томкину.

— Убирайся от меня! — закричал Томкин, подняв руки для защиты. Он понял, что успеет умереть раз десять прежде, чем вытащит пистолет. — Он там! — И Томкин указал ему, где стоял Николас.

Сайго ничего не ответил, но его глаза злобно сверкнули, заставив Томкина затрястись. Впервые в жизни он был так близок к смерти. Я уже мертв, думал он, глядя на Сайго. Он видел металлические шипы на руке ниндзя, вот-вот готовые вонзиться ему в грудь. Томкин даже почувствовал жгучую боль.

Не успел Томкин и глазом моргнуть, как ниндзя бросился на пол и перекатился к окну.

Николас выскочил из своего укрытия, держа катана обеими руками прямо перед собой. Сайго поспешно поднялся на ноги и повернулся к Николасу. Его катана был в левой руке, тогда как правая сделала едва уловимое движение.

Николас пригнулся и отскочил в сторону, в это мгновение что-то звякнуло о край стола и покатилося по полу. Небольшой, но мощный взрыв вырвал катана из рук Николаса. Сквозь дым Николас увидел приближающегося Сайго и, понимая, что находится в позиции, делающей защиту невозможной, мгновенно принял решение. Он сделал телом колесо и, оказавшись прямо перед Сайго, нанес резкий удар ногой по рукоятке катана. Оружие вылетело из рук Сайго.

Сайго выбросил вперед руку с кастетом, но Николас увернулся, одновременно блокируя удар. Николас понимал, что время не на его стороне. Чем дольше продлится борьба, тем труднее ему будет. Понимая это, он нанес врагу удар змеи в ключицу, но Сайго лишь слегка покачнулся, игнорируя боль.

По способам защиты Николаса Сайго узнал школу ниндзюцу. Но это было ниндзюцу, которое он раньше не встречал. «Может быть, ара ниндзюцу?» — подумал он. Как бы то ни было, перед ним стоял ниндзя. Увернувшись От

двойного удара руками, Сайго приготовился к удару в сердце. Меньше, чем через секунду, Николас будет мертв.

Он пригнулся, когда пуля просвистела в том месте, где мгновением раньше находилась его голова. Здесь же еще один! Сайго выругался про себя, понимая, что увлекся мыслями о Николасе. Он совсем упустил из виду третьего человека в комнате. Где он?

Но Николас вновь атаковал, отвлекая Сайго от Томкина.

Без особых усилий Сайго блокировал все удары Николаса и ринулся к месту, где лежал его катана. Николас бросился за ним, в прыжке схватив руками его лодыжки. Вместе они рухнули на пол. Сайго поднял катана. Еще одна пуля ударилась в пол рядом, осколки дерева полетели ему в лицо. Ругаясь, Сайго перекатился по полу.

Николас вцепился в руку, сжимавшую меч, и снова повалил на пол пытавшегося встать Сайго. В этот момент они разом услышали тихий шум поднимающегося лифта — люди Крокера скоро будут на этаже.

Сайго понял, что времени у него в обрез. Возникли новые обстоятельства, на которые он не рассчитывал. Сайго быстро нанес несколько ударов в грудную клетку Николаса, но тот успел сгруппироваться. Что же, тогда надо прикончить другого, а с этим разобраться позже. Иного выбора он не видел.

За своими мыслями Сайго пропустил два удара под ребра, но боль была незначительной. Правой рукой он незаметно достал еще одну бомбу. На этот раз он не должен промахнуться.

Сайго повернул голову, чтобы определить позицию Томкина, что тотчас заметил Николас. Он вскочил на ноги и прыгнул через стол. Врезаясь в неподвижно стоявшего Томкина, Николас услышал легкий стук по полу. В тот момент, когда они рухнули на пол, прогремел взрыв.

Зелено-бело-желтая вспышка осветила комнату, резко запахло горелым деревом.

Николас перевернулся на спину и сел.

— Какого..?

Он положил руку на Томкина, снова прижав его к полу.

— Заткнись, — рявкнул Николас.

Он увидел голову Крокера, выглядывающую из-за длинного дивана.

— Господи Иисусе! — Крокер встал. — Томкин в порядке?

— В порядке, — сказал Николас, думая о Сайго. К сожалению, тому удалось уйти. После стольких лет он хотел только смерти за смерть. Но по крайней мере в одном он был удачлив. Николас видел потрясение в глазах Сайго, когда тот понял, что он ниндзя. Это было некоторой компенсацией, но одновременно делало следующее столкновение еще более опасным. Сегодня он был не готов.

— Господи! — снова произнес Крокер, Николас проследил за направлением его взгляда. — Я не был уверен, что видел это до взрыва, но теперь...

Осколки третьего оконного блока блестели на ковре.

— Этот ненормальный решил покончить с собой, — сказал Крокер, засовывая револьвер в кобуру. Он повернулся к своим людям, ворвавшимся в дверь. — Спускайтесь вниз, — сказал он сержанту. — Попробуйте собрать все, что осталось от этого ублюдка для экспертизы.

Николас подошел к разбитому окну и посмотрел вниз, Крокер встал сзади.

— С этой высоты ничего не видно, кроме маячков наших машин, — сказал он.

Томкин поднялся с пола и отряхивал свой костюм. Его волосы, присыпанные штукатуркой, казались седыми.

Крокер вышел из комнаты, не оглянувшись.

— Ник. — Впервые в жизни Томкину было так трудно говорить, его ноги подгибались. — Он ушел?

Николас продолжал смотреть вниз. Он видел движение и мелькание фонариков. Похоже, они нашли тело.

— Ты спас мне жизнь, — хрипло проговорил Томкин, откашлявшись. — Я хочу поблагодарить тебя. — Может, Николас все-таки ничего не знает о его предательстве. Как он сглупил, поверив этому ниндзя. Ведь если бы не Николас, он был бы сейчас мертв. Потеряв доверие Николаса, он ощущал беспокойство.

Выйдя на улицу, Николас увидел, что труп уже засовывают в мешок. Он остановил их прежде, чем они положили его в машину. Светловолосая женщина, медицинский эксперт, вопросительно взглянула на Крокера, тот кивнул.

— Не очень-то много осталось после падения с такой высоты, — сказал Крокер без всяких эмоций.

И он был прав. Мало что сохранилось от головы Сайго, лицо его было смазано. Одно плечо раздроблено, шея неестественно вывернута.

— Ноги вообще превратились в желе, — сказал Крокер, словно читая мысли Николаса. — Не осталось ни одной целой кости. Да, доктор?

Женщина кивнула.

— Уберите его, — приказала она. — У меня и так достаточно работы. — Она отвернулась, и Николас увидел еще несколько безжизненных тел, выносимых из здания.

Лицо Крокера побледнело.

— Четверо убитых, Ник. — Его голос дрожал. — Это мы знаем точно. Еще двое пропали. Господи, твой приятель Сайго убивает так просто, как другие люди едят. — Он потер пальцами лоб. — Я рад, что все закончилось.

— Мне жаль, что получилось именно так, — сказал Николас.

— Только не говори «я же тебя предупреждал».

— Я об этом и не думал. Хорошо, что наступил конец. Теперь я снова могу заняться своей жизнью, увидеть Юстину.

— Что заставило его прыгнуть?

— Он был воином и жил ради того, чтобы умереть в бою.

— Я не понимаю такую философию.

— Не имеет значения. — Он осмотрелся вокруг. — Вы нашли его катана? Мне бы хотелось его иметь.

— Его что? А, это. Нет. Но думаю, мы найдем его. Он где-то здесь.

— Впрочем, это не так важно.

Крокер посмотрел через плечо Николаса.

— Сдается мне, что твой босс ищет тебя.

Николас усмехнулся.

— Бывший босс.

Томкин в грязном костюме стоял возле открытой дверцы своего лимузина.

Увидев приближающегося Николаса, Томкин нырнул в лимузин. Том держал дверцу открытой, пока Николас не влез в машину.

В салоне все ночные звуки исчезли. Загудел мотор, вентилятор с шумом набирал обороты.

— Я благодарен тебе, Ник. — Томкин закинул руку на спинку заднего сиденья. — Завтра приходи в офис за чеком. Ты заслужил премию.

Николас молча сидел с катана на коленях. Его голова была откинута назад, глаза закрыты.

— Мы можем поговорить и о твоей дальнейшей работе.

— Меня это не интересует, — отрезал Ник.

— Не делай поспешных решений, — его голос стал спокойнее. — Ты можешь многого добиться. У тебя замечательные способности. — Томкин замолчал на некоторое время. Не открывая глаз, Николас чувствовал, как тот его изучает. — Ты не хочешь вернуться в Японию?

Николас посмотрел прямо перед собой, на пластиковую перегородку.

— Это я могу сделать и без тебя, — проговорил он медленно.

— Конечно, ты можешь сесть на самолет и быть там через десять часов, — сказал Томкин. — Но если ты поедешь со мной, то получишь минимум четверть миллиона долларов.

Николас повернул голову и посмотрел на Томкина.

— О, я абсолютно серьезно. Ниндзя убит, но это не означает, что все мои проблемы кончились. До этого далеко. Мне нужен эксперт, который...

В это мгновение раздался громкий треск лобового стекла. Голова Тома так резко дернулась назад, что разбила пластиковую перегородку. Его руки взметнулись вверх, и Николас услышал тихий стон.

В груди Тома торчало стальное лезвие. Кровь хлынула из раны, распространяя в салоне приторно-слоноватый запах.

— О, Господи! Что?.. — Лицо Томкина побледнело.

Лимузин продолжал катиться по Лексингтон Авеню.

Со стороны переднего сиденья снова раздался ужасный треск, но Том уже не издал ни звука. Что-то или кто-то ворвался внутрь машины через огромную прореху в лобовом стекле.

Неуправляемый лимузин выскочил на тротуар и врезался в осветительный фонарь.

Николас выхватил катана и держал его в левой руке. Томкин попытался открыть дверцу, но она не поддавалась. Автоматические замки дверей контролировались с места шофера. Это была мера предосторожности. Теперь Томкин проклинал ее.

Труп Тома завалился в сторону, по-прежнему стоял очень сильный запах крови.

Что-то темное ударилось о треснувшую перегородку, заставив ее вибрировать. Николас дождался третьего удара, быстро оценив ситуацию. Четвертый он встретил мощным ударом обеих ног. Перегородка рухнула, и Николас рванулся в переднюю часть автомобиля.

Выбравшись из окна, Сайго притаился на карнизе здания, с которого он сбросил мертвое тело.

Он оставался наверху до тех пор, пока не убедился, что его уловка сработала. Даже те полицейские, которые смотрели снизу на разбитое окно Томкина, не видели его. Только Николас мог бы его заметить.

Карабкаясь в темноте, Сайго молча ругал себя за страх. Николас — ниндзя! Он бросил в рот новую порцию наркотиков, разжевывая для более быстрого действия.

Скоро наркотик достиг его кровеносной системы, растекаясь по венам. Мускулы напряглись, зрение стало отчетливее. Энергия переполняла его.

Сайго поправил наушник.

Он слышал разговор Томкина и Николаса, слышал упоминание о Третьей Авеню. Когда лимузин проезжал мимо, Сайго прыгнул на крышу так тихо и точно, что никто внутри ничего не заподозрил.

Притаившись на крыше, он подождал, пока машина отъедет подальше от башни, и вытащив катана, возбужденно вопя, воткнул его в лобовое стекло.

Крокер уже сидел в своей машине, когда заметил какое-то движение возле лимузина Томкина, проезжавшего вдоль фасада здания. Он не мог сказать, что это было, но резко повернул руль и нажал газ.

В первое мгновение Сайго понял, что оказался в невыгодном положении. Отброшенный ударом Николаса, он упал на сиденье, однако успел выхватить укороченный меч. В ту же секунду Николас набросился на него, перехватывая руку, сжимавшую оружие.

Их мускулы напряглись, лица покрылись испариной. Сайго скрипел зубами, Николас продолжал сжимать его руку. Оба тяжело дышали, лица и руки перепачкались в крови, хлеставшей из страшной раны Тома. Это были

непревзойденные воины, а обоюдная ненависть придавала им еще больше силы.

Николас отстранил от себя руку с коротким мечом, но Сайго тотчас нанес удар правым коленом и одновременно правой рукой.

В ту же секунду Николас разжал пальцы и был отброшен в сторону. Сайго кинулся к нему, целясь лезвием меча в лицо, но Николас встретил его сильным ударом в сердце. Удивленный, Сайго отлетел к приборной доске и в одно мгновение выскользнул через пробоину в лобовом стекле. Николас бросился за ним.

Он увидел Сайго, одетого во все черное, стоявшим позади фонарного столба. Сайго отбросил в сторону ножны катана и встал в первую позицию. Это был вызов.

Николас почувствовал остановившуюся неподалеку машину. Из нее выскочил Крокер. Не поворачивая головы, Николас крикнул:

— Оставь нас! Присмотри за Томкиным. Он в лимузине.

Затем он вернулся к Сайго.

Ниндзя способен видеть не только глазами. Харачей позволяет видеть всем телом. Так и Николас, двигаясь к Сайго, не спускал глаз с его рук, тогда как тело действовало само по себе.

Он поднял свой катана как раз вовремя, чтобы отразить две звездочки — сякен, пущенные Сайго почти неуловимым движением. Рассекая воздух, они отлетели в сторону, словно две злые пчелы.

Катана столкнулись с огромной силой. Только японская сталь могла выдержать такие удары.

Сайго атаковал сильно и умело. Его сила была необычна даже для Николаса. Он понял, что тот находится под воздействием наркотиков.

Сайго сделал резкий выпад, и Николас ощутил, как тяжелеет его рука. На лице Сайго появилась волчья ухмылка.

Николас попятился, чувствуя под ногами воду. Он оказался в небольшом фонтане, украшавшем фасад одного из зданий.

Ощувив в руке резкую боль, Николас увидел на сверкающем лезвии катана Сайго свою кровь. Как же он пропустил удар? Гипноз? Времени на раздумье не оставалось. Сайго вновь бешено атаковал. Николас отражал удары, но вдруг перестал чувствовать свои пальцы. Руки, сжимавшие катана, онемели. Дыхание стало тяжелым.

Сайго продолжал атаковать, нанося удары со страшной усмешкой.

Они оба находились в воде, когда Николас за что-то зацепился и упал. Тут же он получил еще одну рану. Запахло кровью. Его кровью. По телу пробежала судорога, дыхание сбилось. «Что бы там Фукасиди ни колдовал всю ночь, — подумал Николас, — этого явно недостаточно».

Он подумал о Мусаси, который описал один случай из своей жизни. «Что такое „тело из камня?“» — спросили его однажды. В ответ Мусаси собрал учеников и на их глазах полоснул ножом себя по груди. Ученики были в шоке, но учитель спокойно остановил их поднятой рукой, на груди не было ни капли крови. «Это и есть „тело из камня“».

Николас сконцентрировался на учении Мусаси. Теперь ему не должны были повредить ни катана Сайго, ни его гипноз.

Собрав силы, Николас нанес удар мечом слева направо. В шоке Сайго поднял свой катана, его глаза расширились.

Хлынула кровь. Сайго изогнулся, обнажив стиснутые зубы.

Оба пытались сохранить равновесие в потоке воды. Для Сайго с рассеченной грудной клеткой это было трудной задачей. Его катана повис в онемевших пальцах, сам он качался из стороны в сторону, словно пьяный.

Рыча, Сайго оперся на катана, как на трость. Не будь меча, он бы несомненно рухнул в воду.

— Убей меня. — Его голос резко прозвучал в шуме фонтана. — Но прежде я сообщу тебе, кузен, то, что уже давно хотел сказать. — Он поманил рукой. — Подойди ближе. — Его голос стал надтреснутым и тихим. — Подойди. У тебя еще будет время насладиться триумфом!

Николас шагнул к нему. Грудь и живот Сайго были в крови, которая просачивалась из раны при каждом движении. Раненая рука Николаса продолжала мучительно ныть.

— Ты мог бы прикончить меня, — сказал Николас. — Твой гипноз почти подействовал, но теперь ты понял, что может сделать один удар.

Сайго вздрогнул.

— Что ты говоришь, кузен? Подойди ближе. Я не слышу тебя. — Его лицо исказилось от боли, но тут же приняло обычное выражение. Умение скрывать боль отличало японцев от людей других национальностей. Может, поэтому они всегда шли только вперед, никогда не отступая.

— Ты думаешь, что победил, но ты ошибаешься, — выдохнул Сайго. Тонкая струйка крови обозначилась в углу его рта. — Может быть, все-таки подойдешь ближе, кузен, чтобы я не кричал? Вот так. — Его глаза оставались холодными. — Ты считаешь, что Юкио жива и что она живет где-то сейчас жизнью замужней дамы, вспоминая тебя? Но это не так! — Его смех превратился в кашель. Сайго сплюнул кровь и посмотрел в глаза Николаса. — Она лежит на дне Симоносеки, там, где я ее утопил.

Да, она любила тебя, и ты это знаешь. Каждый ее вздох и слово были для тебя. О, я мог, конечно, пичкать ее наркотиками, чтобы она в конце концов забыла о тебе. Но после каждой порции все бы вновь повторялось.

Это бесило меня. Юкио была единственной женщиной... для меня, и без нее могли быть только мужчины... — Его глаза засверкали, как угли, сумасшедшими огоньками. Продолжавшая хлестать кровь окрашивала воду вокруг его ног.

— Ты заставил меня убить ее, Николас, — высказал он неожиданное обвинение. — Если бы она тебя не любила...

— Если бы жизнь не сложилась так... — сказал Николас резко. Его руки уже двигались, длинное лезвие катана сверкнуло в ночи. Голова Сайго взлетела по крутой дуге и с шумным всплеском опустилась на дно фонтана, обгабившегося кровью.

— ... как она сложилась, — Николас закончил фразу.

* * *

Когда все завершилось, Крокеру захотелось узнать, как Сайго это проделал. Он заставил Николаса приехать в морг.

— Ты можешь сказать что-нибудь об этой чертовщине? — спросил Крокер.

Николас посмотрел на изуродованное тело. Оно принадлежало японцу того же роста и веса, как Сайго, и отличалось только мускулами: этот человек не мог быть таким натренированным, как Сайго, что можно было заметить, если ждать подмены.

Николас протянул руку, повернул голову и потрогал шею руками.

— Вот, — сказал он.

— Что? — Крокер посмотрел на шею. — Его шея сломана. Ну и что? Такое часто случается при падении.

— Нет, Лью. Шея может быть сломана по-разному. Я видел подобное несколько лет назад. Кости разрезаны словно хирургическим скальпелем. Ни одно падение не сделает такого. Это коппо, Лью. Техника ниндзя.

— Господи, — сказал Крокер. — Он убил человека только для того, чтобы ввести нас в заблуждение?

Николас кивнул.

— Это было запланировано заранее.

Он прислушивался к звукам прохладного вечера, к шипению волн, которые обрушивались на побережье.

Николас думал о Японии. Об отце, Чеонг, Сайго, и особенно о Юкио. Только теперь, после слов Сайго, он понял о самопожертвовании Юкио. Она могла в любое время уйти от Сайго. И куда бы она пошла? Нет, она хотела быть с ним. Но Фукасида тогда говорил: «Ты еще не готов. Он уничтожит тебя...» Николас понимал правдивость этих слов. Оставаясь с Сайго, Юкио знала, что сдерживает его гнев. Она отдала свою жизнь за Николаса.

Николас почувствовал, как Юстина подошла сзади. Тепло разлилось по телу, он закрыл глаза, когда ее руки обняли его, а губы прижались к щеке.

— Ты в порядке?

— Да. Да. — Они обнялись. — Море сегодня такое голубое, как небо.

— Потому, что небо отражается в нем. Ты видишь?

— Теперь да.

Юстина положила голову ему на плечо.

— Мне так жаль доктора Дифорса.

— Мне тоже. — Николас посмотрел в окно. — Его дочери скоро будут здесь.

— Сайго искал отца, но зачем он убил Дифорса?

— Я не знаю, — тихо сказал Николас. — Может, он подозревал его в чем-нибудь. — Но его мысли были далеко-далеко.

Через некоторое время они обедали на веранде. Нежный бриз шевелил волосы Юстины, откидывая их на сторону, словно заботливая мать.

— Теперь ты хочешь вернуться назад? — спросила она, взяв его за руку. — В Японию?

Николас посмотрел на нее и улыбнулся. Он думал о предложении ее отца.

— Нет, я так не думаю. — Он откинулся в кресле, которое слегка заскрипело. — Может, когда-нибудь мы вместе и съездим туда, как туристы.

— Ты никогда не сможешь быть там в качестве туриста.

— Надо попробовать.

— Теперь ведь все позади? — Юстина смотрела на него. Последние лучи солнца осветили ее лицо.

— Да, — сказал Николас, потирая забинтованную руку. — Все теперь позади.

Николас стоял на коленях с выпрямленной спиной, лицом к окну, когда Юстина вошла в комнату. Глаза Николаса были закрыты. Перед ним дымилась чашка с зеленым чаем. Его душа сейчас была далеко, устремившись высоко к облакам.

Юстина тихо прошла мимо аквариума к рыбкам, шурша длинной ночной сорочкой. Потянувшись двумя руками, она сняла со стены катана, который висел под дай-катана Николаса. Она взяла бы верхний, но не смогла достать...

Юстина повернулась перевоплощенной. Ее глаза были уже другими. Изменилось не только их выражение, но даже цвет. Лицо, искаженное от смешанного чувства ужаса и веселья, перестало быть чисто женским. Она потрясла головой, будто желая отбросить наваждение. Ее руки, сжимавшие рукоять меча, взметнулись вверх, готовясь нанести смертельный удар. Одно мгновение, и все кончено. Мгновение, отделяющее жизнь от смерти.

Острие катана начало опускаться. Что с ней происходит? «Нет! — кричала она про себя. — Нет! Нет! Нет!»

Но лезвие неумолимо клонилось вниз.

В это мгновение Николас почувствовал беспокойство за Юстину и свой катана. Его душа находилась в небе, но харачей оставался на земле. Он повернулся назад, когда катана обрушился вниз. Раздумывать было некогда. Задержись он на долю секунды, и его бы не стало.

Существовало много способов выиграть сражение без меча, но Николас применил один из самых лучших. Он резко поднял руки и поймал лезвие катана между ладоней, одновременно слегка отталкивая Юстину.

Он вскочил на ноги, когда Юстина снова атаковала, ударяя слева. Теперь он понял, что происходило.

Николас издал вопль, присел на одно, колено и ударил ладонью по ее запястью. Юстина вскрикнула и выронила меч, но все же нанесла Николасу сильный удар коленом в живот. Он согнулся, а она стала наносить удары по его спине.

Его дыхание сбилось, но падая, он зацепил руками ее лодыжки, увлекая девушку за собой. Юстина тяжело упала на него и тут же снова начала наносить удары куда попало.

Николас, не обращая внимания на град ударов, дотянулся до ее шеи. Раздался крик. Он шел из широко открытого рта, но она бы никогда не смогла издать такой звук. Ее страшно потемневшие глаза закатились, и Юстина потеряла сознание, рассыпанные волосы упали на лежащий на полу катана.

Все дело заключалось во втором ударе. Слева направо. Юстина была правой и могла нанести удар только справа налево. Это не она направляла лезвие. В любом случае, Юстина не могла так хорошо владеть катана.

Саймин-Дзюцу — искусство гипноза ниндзя — было одним из учений, которое он познал несколько лет назад. Он работал над Юстиной почти два часа — снять внушение труднее, чем ввести. Николас использовал все, чему научился, чтобы изгнать дьявола, вселившегося в нее.

Пот лил с них ручьем, но Николас работал над Юстиной до тех пор, пока ее тело не содрогнулось, и она не издала отчаянный вопль.

Через несколько минут Юстина заснула, и Николас наконец-то смог расслабиться и вытереть взмокший от пота лоб.

Почти три полных дня Юстина провела то во сне, то в забытии. Все это время Николас не отходил от нее. Он сидел

в кресле и смотрел на море.

Когда же Юстина открыла глаза, не дьявольские, а чистые и невинные, Николас обнял ее и поцеловал. За завтраком он рассказал ей все, потому что она должна была это знать. Она также должна была знать, что ему помогло ее мужество и сила. Без них Николасу ни за что бы не удалось справиться с гипнозом Сайго.

— Теперь я тоже сильная, — засмеялась она, — такая же сильная, как ты.

— В некотором роде, да, — сказал Николас серьезно.

Юстина вздрогнула.

— Какой же силой надо тебе обладать, чтобы справиться со всем этим колдовством!

